

Переливт

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

3 (729) март, 2018

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

Следы в тайге

РЕЧНОЙ УШКУЙ

ПРОХОДКА КОПИ

ПЛАТЬЕ-БАБОЧКА

Март 2018

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Редактор-консультант – С.О. Бабикова.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Владимир Переясловец. Из архива заповедника «Юганский».
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
 • **Асхаб Магомедович Асхабов.** Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
 • **Владимир Николаевич Большаков.** Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.
 • **Сергей Вячеславович Левыкин.** Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.
 • **Сергей Геннадьевич Захаров.** Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.
 • **Николай Николаевич Назаров.** Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.
 • **Евгений Викторович Голубев.** Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.
 • **Алексей Михайлович Прокашев.** Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор
 • **Игорь Юрьевич Шароватов.** Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
 • **Оксана Александровна Гирман.** Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2018 г.
Адрес издателя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7(343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

При финансовой поддержке Фонда Президентских грантов

«Уральский следопыт», №3 (729), 2018 г.
 Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отравлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Природные парки
В. ПЕРЕЯСЛОВЕЦ
 Тропление зверей от А до Я 8

Добрые попутчики
 Праздник туризма и хорошего настроения 16

Камни Урала
Е. ПОПОВА
 Шайтанский переливт 24

Путешествие по Уралу
Свердловская область
М. ПОПОВ
 Самоцветная полоса Урала – сказка, которой нет конца 18

Река времени

Давным-давно
С. ПЛЕНКИН
 Слободское судостроение 3

Далекое-близкое
Е. ШУБНИЦИНА
 Пятидесятые. Приполярный зимний 28

Портреты
В. МАСЛЯНКА
 Гений из «Города гениев» 32

Поиски и находки
Н. ЕРОХИН
 Раскопки Ипатьевской усадьбы. Слои в стенках раскопа 12

Никто не забыт?
В. ПОПОВ
 Жизнь после смерти 36

Наши проекты
А. КУСАЙКО
 История России. Река Чусовая. Село Копально 41

Литературное краеведение
Ю. ГОРБУНОВ
 Белая Горлица (Сны Надежды Половцовой) 38

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал в журнале

Слободское судостроение

► Ушкуй

Светлой памяти Александра Львовича Рашковского, друга и собеседника, соратника по краеведческим изысканиям, посвящается

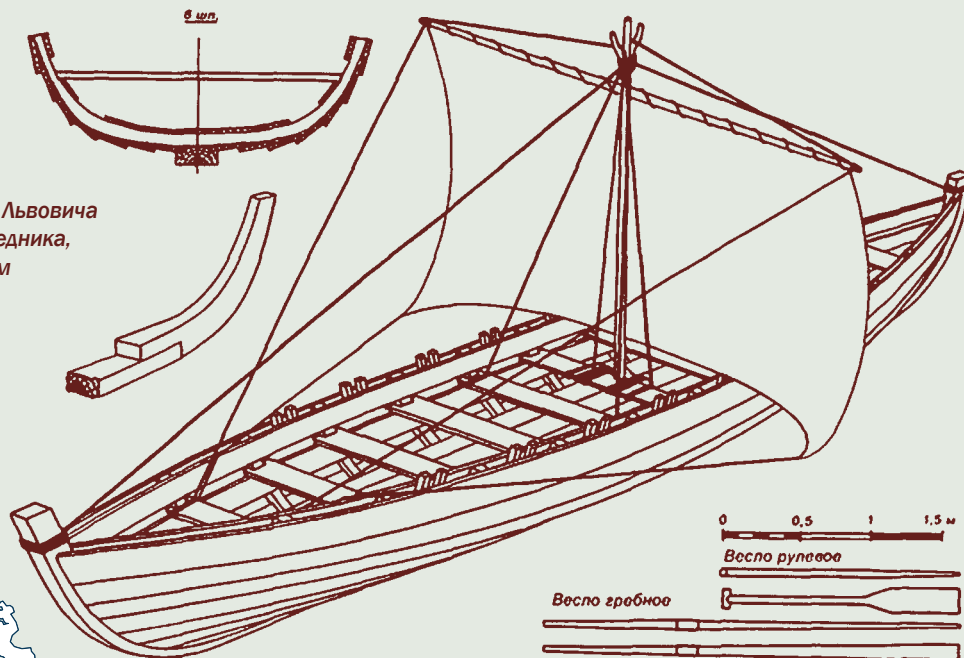
Иллюстрации предоставлены автором

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Сергей Пленкин

Родился в г. Ухта Коми АССР. Окончил Московский техникум связи. Работая в телеателье г. Слободского, объехал всю территорию бывшего Слободского уезда. Активно занимается краеведением и древней историей Вятского края. Работы публиковались в газетах, альманахах, интернете.

Судовому делу в обширной системе реки Камы было суждено выполнить первенствующую роль в процессе поступательного движения русской народности на Восток. Русское судоходство и судостроение в этом бассейне и должно было возникнуть на реке Вятке, притом весьма рано, вслед за появлением здесь новгородских и владими́ро-суздальских выходцев и основанием ими Вятского народоправства — республики, что приурочивается, как известно, еще к последней четверти XII-го века, 1181 году.

Предприимчивый и воинственный дух свободолюбивых вятчан оставил яркие следы в истории северо-востока. Известны из летописных источников судоходные похождения вятских ушкуйников, на этом поприще явившихся достойными соперниками своих новгородских собратьев. Легкие флотилии вятчан неоднократно наводили трепет на камско-волжские болгарские побережья. Не раз хаживали они войной и на новгородские владения, не раз тревожили и порубежные волости московского великого княжения. Вятские «пенители рек» — эти истинные пресноводные норманны XIII–XIV веков — развили в себе необычайную сноровку в су-

доходном деле, да и гидрографические условия Вятского края поддерживали и развивали в них эту черту характера. Как в средние века, так и в наши дни вятчане-слобожане пользуются репутацией лучших матросов как на речном, так и на морском флоте, например, комендор крейсера «Варяг», Георгиевский капитан С. И. Катаев.

Но не одними разбойничьими набегами ограничивались водоходные похождения вятчан. В 1434 г. вятская судовая рать участвовала в борьбе московского великого князя Василия Васильевича с галицким князем Василием Косым; в 1499-м вятчане числились в грандиозной экспедиции за Камень (Урал);

в 1545 г. судовая вятская рать оказывала содействие Иоанну IV в походе на Казань. В 1555 году по повелению царя на судах: «... июня в 29 день, в субботу святых апостол Петра и Павла, принесен бысть образ святого великого чудотворца Николы от Вятцких сел Великоречие в царствующий град Москву».

Преследовало вятское судоходство и цели торговые, в особенности во второй половине XVI века, после появления англичан в Белом море, когда Слободск сделался на востоке таким же передаточным пунктом в деле торговли с Архангельским портом, какими являлись Вологда и Ярославль — на западе, доставляя к Белому морю рожь, ржаную муку, овес, льняное семя, сало, щетину и другие естественные произведения края.

Многие состоятельные вятчане-купцы владели судами, при помощи которых осуществляли свои торговые дела. Так, известный самозванец начала XVII века Илейка Коровин, назвавшийся царевичем Петром Феодоровичем, племянником царя Димитрия (Лже-Дмитрия), до этого некоторое время служил «в казаках» на судне вятского торгового человека Родиона Котельникова и с караваном других судов сплыл из Слободска в Астрахань. Это произошло, возможно, в 1601 году, когда царь Борис Годунов объявил «розыск» в Успенском монастыре г. Хлынова. В Астрахани Илейка совместно со своими «воровскими» казаками поддержал кн. И. Д. Хворостинина, сосланного на воеводство за приверженность известному лицу, севшему на московский престол с именем царя Димитрия. Князь Хворостинин объявил Астрахань отложившеюся от Москвы. Нельзя забывать и знаменитейшего слобод-

ского купца Ксенофонта Анфилатова, который имел не только речные суда, но и морские, ходившие в Америку.

В 1589 году в Астрахани были замечены государевы вятцкие суда — струги и насады, которые, в отличие от стругов, были тяжелыми судами с большим водоизмещением. Значатся они и в судовом инвентаре астраханского Делового двора в 1679 г. Поэтому читаем, что «жители той страны» делают суда вятской постройки, «которые отпускают во все места и продают за хорошую цену; ибо суда, делаемые на реке Вятке, почитаются за лучшие, в разсуждении мастерства и прочности лесу». И предназначались те суда «не только к удовлетворению нужд местного торгового судоходства, но и поставлялись даже в казну, для надобностей судоходства волжского».

Вятские судостроители пользовались заслуженной славой. В 1603 году царь Борис Годунов повелел отправить в Сибирь большую команду вятских плотников с инструментом для: «... постройки су-

дов и были поселяемы в вогульских юртах».

С незапамятных времен опытным путем было доказано, что перевозка грузов тем дешевле и удобнее, чем больше площади и чем меньше глубины занимают речные суда, учитывая, что в России реки мелеют почти повсюду и не позволяют судам сидеть в воде глубже 8–10 вершков. Эти основные условия судоходства позволили выработать особый тип плоскодонных большегрузных судов — барки, приспособленных к неглубоким нашим рекам. Сделанные полностью из дерева, с нетолстыми ребрами и не тугими связями в длину они скрипели и изгибались, казалось, что вот-вот рассыплются, однако удобно и безопасно переплывали они быстрыны и порожистые места, противостояли ударам речных волн, преодолевали мели и перекаты без значительных повреждений, изумляя этим иностранцев.

Барок различного назначения, грузоподъемности и величин в России насчитывалось до 42 типов, в северо-восточной части — 12,

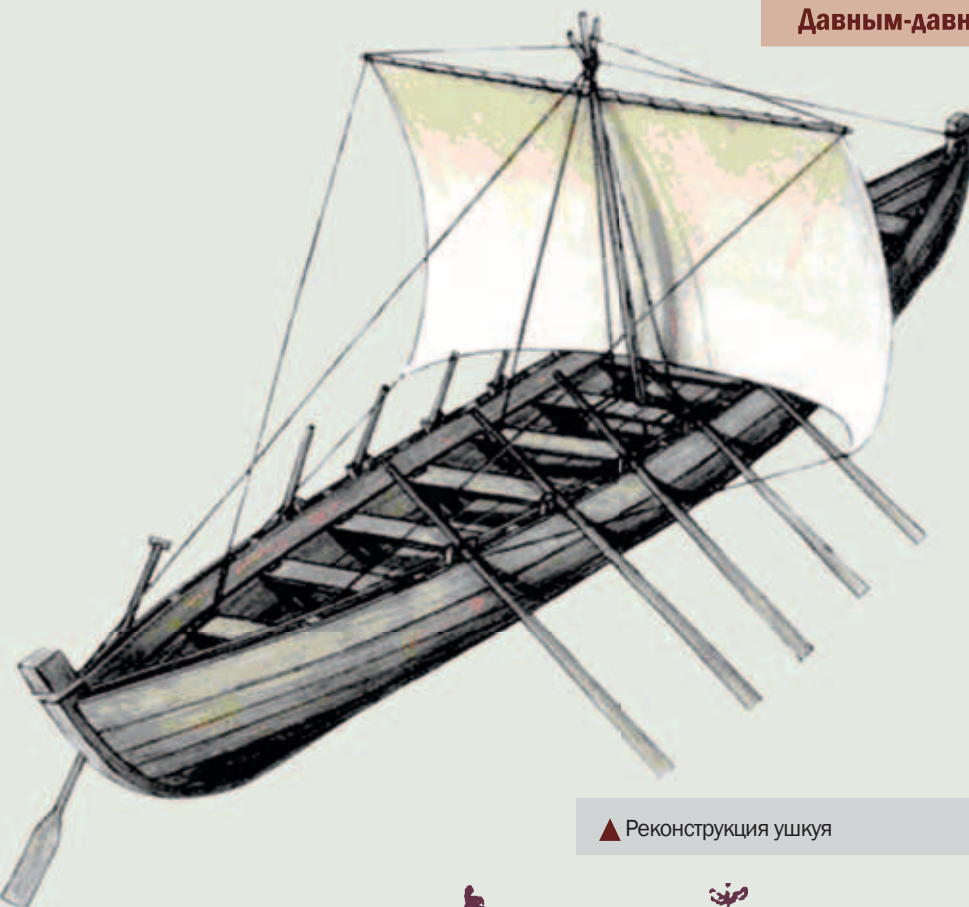

▲ Струг с чердаком

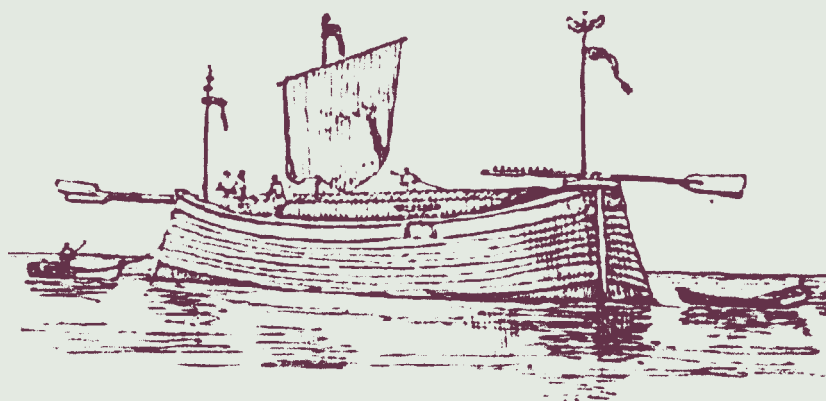
◀ Грузовой струг или насад

не говоря уже о лодках. Построение барок составляло немаловажную отрасль отечественной промышленности, занимало многие тысячи рук и приводило в обращение значительные капиталы. Этим делом обычно занимались жители приречных мест. Без всяких чертежей, записав основные данные по судну от заказчика, простыми плотничьими инструментами — топор, доло-

▲ Реконструкция ушкуя

▲ Барка, ходившая по р. Лузе

то, пила и несколько буравов, строили они суда грузоподъемностью до 400 000 пудов, средний же размер различных типов барок равнялся 20 саж. длины и 4-м саж. ширины, вместимостью до 20 000 пудов, т. е. среднее речное судно равняется товарному железнодорожному поезду конца XIX века в 30 вагонов, считая по 700 пуд. в каждом.

Так какие же суда строили слободские умельцы и каких высот достигли в этом деле?

Прародителем всех судов на Русском Севере являлся речной ушкуй длиной до 7 саж., шириной до 1,5 саж., высотой борта до 1,5 аршин и грузоподъемностью до 300 п. Помещалось в нем до 30 человек, кормы не имел, был заострен

с обеих сторон, чтобы в случае опасности сразу отойти от берега, при попутном ветре ставилась мачта с парусом, обычно лежащая по середине вдоль судна. Конструктивные особенности ушкуя применялись для постройки как небольших судов до 20 саж., так и для речных мастодонтов длиной до 40 саж. и более.

Основная часть конструкции ушкуя и барок — это кокора или копань, ствол обычно елового дерева с отходящим от него под прямым углом корня. К стволу крепились доски днища, а к корню — бортовые доски и дополнительные стойки «накурки» в зависимости от высоты бортов. Кокор для постройки судна требовалось много, и заготовкой их занимались жители многих деревень. Вокруг города, в различных волостях, по справочнику

1905 года, находилось 12 деревень с названиями Кокора, Кокоры, Кокоринская, Кокорская, Копани, Копаневская. В XVIII–XIX веках — пик деревянного судостроения — их было больше. Само название говорит об основном занятии жителей, которое определяло в дальнейшем и их фамилии. У нас распространены фамилии Кокорин и Копанев. Есть еще одна фамилия, имеющая отношение к судоводительству — Кормщиков. Кормщик — это главный человек на судне, капитан в наше время, отвечающий за всех и за все.

Доски бортов и днища у небольших судов сшивались ивовыми или черемуховыми прутьями, а чаще всего сосновыми корнями; у больших судов доски пришивались деревянными гвоздями — нагельми или склотнями, диаметром 2 дюйма. В Шепелевской волости были две деревни — Б. Склотни и М. Склотни. Не там ли они изготовлялись?

По мере роста торговых отношений требовались и другие судна. Это в первую очередь струг, по сути тот же ушкуй, только размерами от 17 до 20 саж. и грузоподъемностью до 10 000 пуд. Струг выполнял одновременно две функции — торговую и военную. Большинство из них имели лубяные крыши, а при наличии воинской команды — крытое помещение или «чердак» для ее размещения.

Насад — более тяжелое и вместительное за счет ширины судно до 30 000 пуд. и длиной до 25 саж.ней.

На реке Лузе, вблизи Ношульской пристани, слободскими судоделами для нужд купечества, товары которых свозились зимой и складировались на этой пристани, по заказу строились два вида большегрузных судов: барка 10–16 саж. длиной, 5–7 саж. шириной, 2 саж. высотой и до 40 000 пуд. груза и малая беляна — большая барка или бархат до 28 саж. длины, 6,5 саж. ширины, 1,5 саж. высотой и до 70 000 пуд. груза. Оснастка и якоря доставлялись из Слободска. Вблизи плотбища, места строительства, находилась пильная мельница слобожанина Платунова. Такие же плотбища для постройки барок находились в верховьях р. Сысолы и в устье р. Чепцы.

Самые большие барки — беляны, т.к. они не смолились, были белыми и ходили только ввиз по рекам, после разгрузки разби-

▲ Беляна

рались и продавались, были различных размеров, строились на р. Вятке в лесничествах Кильмезском, Малмыжском и Уржумском и имели 35–41 саж. длины, шир. 10,5 саж. и выс. 2–2,5 саж., вмещали до 100 000 штук теса. В лесничестве Нолинском 30–32 с. дл., 10 с. шир. и 2,6 с. выс. и во 2-м Слободском — 32 с. дл. 9 с. шир. и 1,8 с. выс. Поднимали до 300 000 пуд.

2-е Слободское лесничество — это левобережная часть р. Вятки, где находились «боронские», т. е. охраняемые корабельные боры. Правление лесничества было в селе Роговском. Лес, заготавливаемый на суда, рубился с ноября и вывозился окрестными крестьянами в счет податей к плотине Холуницкого завода, где складировался и хранился не менее года. Доски же для постройки судов просушивались два года под кровлей. Распиловка производилась первоначально, с 1764 года, на двух лесопильных мельницах, каждая с двух рамах с 3-мя и 4-мя пилами. На каждую раму на ее заведение до конца XVIII века выдавалась беспроцентная ссуда в 1000 рублей сроком на 5 лет. Тес большей частью

шел на свои нужды, для постройки судов — коломенок, для сплава металлов на Волгу, далее в Рыбинск и Петербург. Коломенки имели все качества барок: плоское дно, перпендикулярные борта, почти везде ровной вышины, но обычно несколько уже, прочнее построены и борт немного выше. С помощью весел, шестов и бечеvy поднимались они по реке от 7-ми до 11 верст в день; управлялись потесьями. Прежде строились коломенки в 20 с. дл., почти 6 с. шир. и 8 фут. выс., позднее для прохода по Мариинской системе в Петербург размеры были ограничены — дл. до 18 саж., шир. 4. Поднимали до 20 000 пуд. груза.

В конце XVIII века у подножья плотины Холуницкого пруда появилась еще одна большая пильная мельница с 4-мя рамами о трех

пилах каждая, т. к. вектор торговли переместился на юг, где появлялись новые города и требовалось огромное количество леса, пиломатериалов, металлов, хлеба и торговля нуждалась в новых судах очень большой грузоподъемности — белянах.

В 1814 году в трех верстах ниже по реке от Холуницкого был построен пленными французами Богородский железодельный завод (вспомогательный) с плотиной 48 саженей, в которой было три шлюза для пропуска заводских судов — коломенок с грузом железа. При открытии нижнего створа коломенки вместе с валом воды шли по Холунице, легко преодолевая все мели, и выходили на Вятку.

Учитывая размеры днища, подыскивали по возможности ровную площадку на отлогом берегу при повороте реки или в устье впадающей в последнюю речки, просторном истоке озера или старицы. Намеченное место должно было удовлетворять следующим условиям: 1. Оно не должно находиться на весенней «струе» — так называется место с наибольшей скоростью течения; «струя» при подъеме воды изменяет свое положение и тогда не избежать напора льда. 2. По высоте место должно приближаться к самой низкой меженной воде, чтобы беляну весной пораньше

▼ Закладка и постройка беляны

▲ Расшива

подняло прибылой водой. 3. Место по возможности должно быть близко к пристани — месту загрузки беляны, причем лучше выше по течению и на том же берегу, а самое лучшее, когда беляна строится там же, где впоследствии может загрузиться, даже до прибылы воды, когда судно еще стоит на земле.

В г. Слободском было две пристани — устья р. Спировки и р. Пятерики, а постройка белян производилась на «плотбище», так называемым в наше время старом пляже.

Здесь же строились по заказу Волжского судоходства коноводки — огромные суда дл. до 50 саж., шир. до 28 аршин, высотой 2 саж. или, как их называли местные жители, — «машины». Приводилась в движение лошадьми. Лошади вращали ворот, на который наматывался канат с якорем на конце, завозившийся вперед на лод-

ке «завозне». Даже при благоприятных обстоятельствах коноводки в продолжение суток продвигались вперед против течения не более 50 верст.

Управление беляной было делом весьма трудоемким. Судорабочие направляли судно с помощью «гребков» или весел и «ходовых шестов» весьма приличных размеров, а также «потесей» — огромных весел на корме и носу судна. При сплаве по р. Вятке для направления и замедления хода использовался и замедления хода использовался «рысковый якорь», который спускался на длинном канате с кормы судна. Вытравляя лебедкой этот канат, замедляли ход судна, а перемещая якорь вправо или влево, изменяли тем самым направление движения. Для перемещения якоря служила лодка, тоже называемая завозней. При выходе на р. Каму и Волгу, при сплаве в высокую весеннюю воду, применялся «лот», чугунная чухка, весом до 200 пудов, имевшая форму усеченной призмы. На основание

этой призмы были насажены железные зубцы. К лоту приделаны два кольца, за которые крепились два каната, в свою очередь закрепленные на лебедке, находящейся на носу судна. Лот опускался в воду, и как бы скорость ни была велика и хотя бы дул прижимистый к берегу ветер, с помощью такого лота всегда можно было задержать движение самого большого судна и дать ему правильный ход. Для этого выпускали или подтягивали тот или другой канат от лота, работали потесями, и судно «отуривалось», т. е. принимало желаемое положение по отношению к лоту, который тоже получал медленное прямолинейное движение вместе с судном, плывшим кормой вперед. Так стало возможным сплавлять по Каме и Волге беляны небывалых прежде размеров.

Самая красивая из барок, строившаяся также и в Слободске, ходившая по Вятке, Каме и Волге, — это расшива, имевшая несколько закругленное днище, корма суженная, носовая немного возвышалась, палуба на корме расширялась свесами за борта судна. Первое время расшивы, ходившие с большой скоростью, применялись для истребления разбоев особыми военными командами. Позднее расшивы использовались для срочной перевозки ценных ямарочных грузов. В указе 1744 года о судах типа расшив отмечалось, что на них плавают только купцы и промышленники. Расшивы поднимали до 20 000 пуд. груза, имели 15 сажен в длину, 13 аршин в ширину, 17 четвертей в высоту. Они были отделаны резьбой и расписаны самодельными художниками согласно фантазии хозяина. При попутном ветре, распустив оба паруса — коренной и верхний, они шли против течения до 30 верст в день, а вниз по реке и до 60. Это было захватывающее зрелище: расшива как чайка летела по реке, вспенивая волны и обгоняя попутные суда.

Барки строились в Слободском, по воспоминаниям старожилов, до конца 50-х годов прошлого столетия, т. к. катера и буксиры в годы Великой Отечественной войны были востребованы на нужды Министерства обороны и большинство из них уничтожено, разрушенные войной города, особенно Сталинград, нуждались в лесе, металле, зерне и др., а барки успешно справлялись с их доставкой. ☒

◀ Соболь. Фото Виктора Вагатова

▶ Следы соболя на болоте.
Фото автора

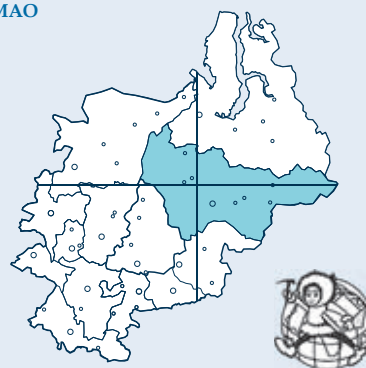

Владимир Переясловец

Старший научный сотрудник
заповедника «Юганский»

Наша страна широко известна сетью заповедников, занимающих 1,6% ее территории. Уже более 30 лет я работаю научным сотрудником заповедника «Юганский», который находится в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Его площадь достаточно большая — около 6,5 тысяч кв. км. Характерной чертой климата нашего региона является долгая многоснежная и морозная зима.

ХМАО

Тропление зверей от А до Я

Для специалистов-зоологов это время полевых работ, в ходе которых определяется численность зверей и изучается зимняя экология видов.

Ежегодно в феврале-марте сотрудники заповедника забрасывают в самые удалённые его уголки для проведения зимних маршрутных учётов. В течение двух недель они проходят маршруты, на которых подсчитывают число свежих следов, оставленных обитающими в этих районах животными. Однако для дальнейших расчётов по определению численности каждого вида необходим такой важный компонент, как протяжённость суточного хода — расстояние, которое зверь проходит в течение су-

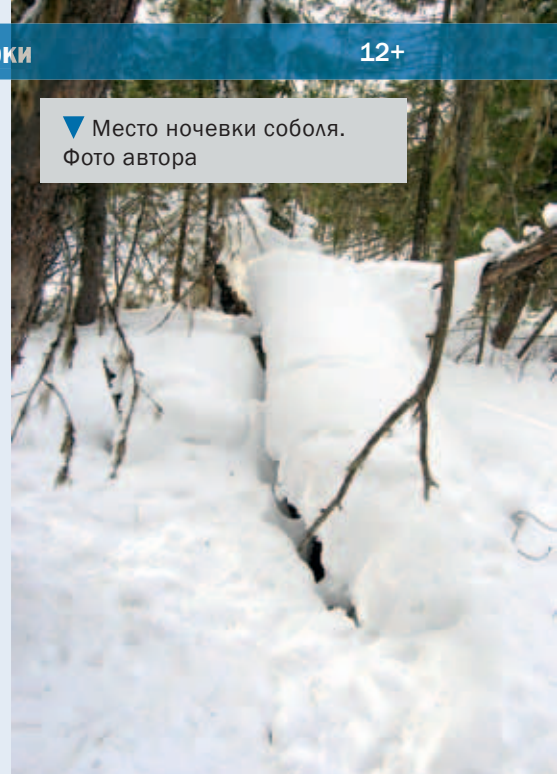
ток. Этот показатель и определяется в ходе тропления.

Задача исследователя при троплении — найти свежий след зверя и пройти строго по нему, повторяя все изгибы и петли. При движении подсчитывается пройденное расстояние, фиксируется конфигурация суточного хода зверя и отмечаются особенности его поведения, которые можно прочитать по следам на снегу.

До появления GPS-навигаторов суточный ход вытрапливаемого зверя рисовался в блокноте по мере продвижения по следу. Смена направления движения определялась по компасу, а пройденное расстояние измерялось парами шагов на лыжах. Средняя дли-

на пары шагов выявлялась заранее. Навигаторы значительно облегчили тропление: они автоматически подсчитывают пройденное расстояние и сохраняют в своей памяти конфигурацию маршрута. Однако сам процесс тропления всё равно очень трудоёмкий и для его успешного завершения необходимо сочетание ряда благоприятных факторов, да и удача не помешает!

Наиболее часто на зимних маршрутных учётах в заповеднике отмечаются такие виды, как соболь, лисица, россомаха, ласка, лось, северный олень, белка и заяц-беляк. Самый короткий ход у белки — она проходит по земле всего около 300 метров в сутки, в основном передвигается по деревьям. Са-

▼ Место ночевки соболя.
Фото автора

мый протяжённый суточный ход у ро-сомахи — этот зверь ходит очень широко и может пройти за сутки несколько десятков километров. Остальные виды из нашего списка проходят за сутки в среднем 2–5 км.

На тропление нужно выходить утром, как только под пологом леса станет достаточно светло. Зимний день короток и его не всегда хватает для того, чтобы полностью вытро-

пить суточный ход, например, соболя. Успешность тропления значительно повышает выпавший накануне снег, который заметает много-следицу — различные следы, оставленные зверями в предыдущий период времени. Идеально, когда на тропление выходишь через сутки после хорошей пороши, тогда на снегу, как на чистом листе, отражены только свежие следы зверей, что помогает

избежать досадных ошибок при рас-путывании следов.

Итак, идём тропить соболя. Раннее утро. Мороз -20°C . Температура подходящая, так как в сильные морозы ниже -35 соболю может по несколько дней не выходить из укрытия. Да и нам работать достаточно комфортно, ведь в лесу придётся провести весь световой день. Два дня назад легла пороша, накрыв старые следы зверей и ямки от упавших

◀ Место подснежной охоты.
Фото автора

▲ Пересечение троп соболя и глухаря. Фото автора

с деревьев комков снега. Идём в пойму реки, в кедрово-еловый лес, где вероятность встретить свежий след соболя достаточно высока. Однако сегодня его здесь не было. Переходим реку и пробиваем лыжню через пойму к ближайшему болотцу и вскоре натываемся на свежий след.

Простейший способ определить свежесть следа — это пощупать его руками. Если след рассыпается при малейшем надавливании, то значит, что он «парной», свежий, оставленный недавно. Если дно следа смёрзлось в той или иной степени, значит, след старый. Направление движения зверя при определенном опыте легко определяется по углам следовой ямки и направленно выброса из неё комочков снега.

След обнаружен — начинаем тропление. Включаем спутниковый навигатор и с первыми шагами начинаем

▼ От съеденной полевки осталось несколько капель крови. Фото автора

▲ Погибшие кедры образуют мощные завалы. Фото автора

запись электронного трека, фиксирующего протяжённость суточного хода. Сначала тропим в пяту — идем по следу против его движения, ищем, откуда собо́ль вышел на охоту. След, попетляв по краю болота, круто сворачивает к пойме. Здесь, у самой реки, большой завал из упавших крест-накрест огромных кедров. У комля одного из них в снегу темнеет отверстие, от которого веером расходятся старые тропки собо́ля. Где-то под снежной толщей и под завалом в уютном тупичке оборудовано постоянное зимнее укрытие зверька. Именно отсюда он вышел сегодня на охоту. Остановив запись трека, быстро возвращаемся к месту, от которого начали тропление.

Полдень уже миновал, и солнце начало спускаться к верхушкам деревьев. Наша скорость передвижения невысока — около 2 км в час, а во время распутывания следовых петель и того мень-

▲ Следы собо́ля. Фото автора

ше. Надо спешить и попытаться до темноты полностью завершить тропление. От места обнаружения следа двигаемся в догон собо́ля — ищем место, где он ляжет на отдых. С этой точки возобновляем запись трека.

Распутывая все изгибы и повороты следа, фиксируем места охоты хищника, точки, где он оставлял различные метки, залазил на деревья, копался в снегу и многое другое. Вот у одного из вылазов из-под снега виднеются капельки крови и клочок шерсти. Здесь собо́ль съел пойманную под валежником полёвку. Недалеко от этого места зверёк оставил мочевую метку и кучку экскрементов. По расстоянию между ними можно точно определить пол животного. Оказывается, мы тропим самца.

Спустя полчаса относительно прямолинейный след резко сворачивает в сторону и собо́ль переходит с прыжков на стелющийся шаг, начиная кого-

▼ По выделениям можно определить пол собо́ля. Фото автора

Уральский следопыт, март 2018

▶ Останки пойманного соболем рябчика. Фото автора

то скрадывать. Издалека хорошо видно, что охота была успешной — хищник добыл спящего в снегу рябчика. От птицы осталось лишь несколько косточек и кучка перьев. Сытый соболик отправляется на отдых — след практически не виден и снова сворачивает к реке.

К очередному завалу на реке мы подходим, когда по лесу начинают разливаться вечерние сумерки. Хаотично упавшие деревья надёжно прикрывают место отдыха зверька. Проверочный круг вокруг завала показывает, что выходного следа нет и соболик находится под завалом. Спустя несколько секунд убеждаемся в этом, наблюдая хвост улетающего пушистого хищника, потревоженного скрипом снега и треском веток.

Трудовой день закончен. И хотя до жилья ещё идти около часа и мороз к ночи крепчает, настроение хорошее. Суточный ход соболика вытроплен полностью, его длина составила 4,3 км. Не всегда удаётся сделать это в течение одного дня, сегодня повезло. **УС**

▲ Трек суточного хода соболика GPS

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Приём документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37 Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru Сайт: www.usfeu.ru

Раскопки Ипатьевской усадьбы

(Продолжение. Начало в «УС» №2, 2018 год)

Конструкция водослива и приключения с ней

Неожиданность, однако? Разобрав по частям последнюю плиту, выясняем, что под ней находится выложенная такими же плитами квадратная камера. На дне опять плита, но с аккуратной кругленькой дырочкой диаметром 3–4 см. Тонкодисперсный слой глины заполняет этот куб на четверть, а в верхней части находится еле заметное наклонное боковое отверстие в сторону и за пределы фундамента. Ну прямо предохранительная конструкция унитаза, но в граните, а не в фаянсе. Мудры были наши предки-строители. Придумали же надежную и красивую конструкцию, позволяющую отводить талые воды из подвального помещения в систему дренажа, расположенную вне дома. Эти каналы, проложенные по склону Вознесенской горки сверху вниз, в народе называют «ливневка». Вот мы и нашли один из уникальных элементов этой градостроительской конструкции.

Внутри этого куба, в иловатой глине, были найдены два скелета, целые, почти в анатомическом порядке — курицы и рыбы. Вероятнее всего, из подвала их затащили сюда крысы, а может, и нет. Под целой плитой с дыркой оказалась еще одна такого же размера камера, но в земле и без облицовки гранитными плитами. Да-да-да, это отстойник для грязных вод. Глина из талых и прочих вод тут оседает и накапливается, а излишки воды, отстоявшейся в этом кубе, стекают по верхнему боковому каналу в «ливневку». Все просто и рационально.

Такую конструкцию необходимо детально зарисовать. Два часа чищу, промеряю и рисую. Уже закончился рабочий день. Конечно же, посмотреть на это чудо подходят все участники раскопа. Пожимают плечами: «Чудаки археологи, нашли яму и радуются. Чему радуются, ведь это же не золото-серебро, а так, ерунда какая-то!»

Конструкцию разобрали, но на общий склад не унесли. А на утро — да что же это такое?! По гранитной плите, красивой и аккуратной, отмытой от глины, кто-то зубилом (!) пробил бороздки от центральной дырки к периферии. Получился этаким соляренный

(солнечный) символ. Полосок не менее 20 десятков. Надо же так постараться изуродовать предмет! И главное — зачем? Охранник клянется и божится, что на объекте никого не было. Ну прямо мистика какая-то.

Слои в стенках раскопа

Основные траншеи прошли довольно быстро и стали расширять их, добавляя раскопчные квадраты 2x2 метра с краев траншей, но перед этим зарисовали чередование слоев грунта, которые мы увидели в стенках раскопа. Интересно! Сверху мешанина отложений, образовавшаяся от снега Ипатьевского дома; ближе к бывшему дому с поверхности почвы — зола до полуметра мощности, а далее все закономерно: еще полметра пестрого культурного слоя с редкими остатками материальной культуры города Екатеринбурга конца XIX века. Это фрагменты толстостенной фаянсовой посуды, битое оконное стекло, редкие расколотые косточки когда-то съеденных животных. А вот под всем этим — примерно 10-сантиметровый слой желтого песка. По нашей рабочей гипотезе, это, скорее всего, остатки строительных материалов, складированных до постройки дома. Нашего дома, соседнего, а может быть, и первой деревянной Вознесенской церкви, которая была где-то тут рядом. А вот под этим слоем пошел более интересный: сантиметров 20–30, темный, с большим количеством целых и раздробленных костей круп-

Николай Ерохин

Родился в 1960 году на Северном Урале. Заведующий музеем Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии (г.Екатеринбург), краевед, знаток журнала «Уральский следопыт».

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

► Дом Ипатьева. Будуар, где жили царские дочери

▼ Охранники-рабочие ДОНа с Сысертского завода (в центре — А. Стрекотин, пулеметчик)

ных животных. И разные вещевые находки, хотя их и не много. Рабочая гипотеза: это отложения грунта и находки, относящиеся к XVIII веку. Возможно, что спектр питания горожан был более мясной. Это первичные предположения, их надо проверять и перепроверять. А ниже в слоях грунта — плотный чистый сутлинок без каких-либо находок. Археологи называют его «материк» и глубже не копают.

Кирпичи Ипатьевского дома, побеги тополей и... верующие

Как я уже упоминал, основная копающая сила состояла из верующих — добровольцев, и с ними необходимо было общаться. Объяснять, что мы тут делаем и зачем. Непросто обыкновенному человеку, нагруженному житейскими проблемами, понять странных ученых-археологов, смысл их работы.

А тут еще и помогать им приходится. В беседах и ответах на вопросы люди с удивлением открывали для себя мир вещей, который их окружал и окружает. И, естественно, у них возникало желание оставить у себя и только для себя частичку этого вещного мира, этих находок, которые они сами обнаружили. За отсутствием «золота-бриллиантов» неожиданными сувенирами для наших добровольных помощников оказались обломки кирпича «того самого Ипатьевского дома». Но еще больший интерес вызвали пробивающиеся рядом с раскопом, а позже и прямо из его стенок нежно-зеленые побеги тополей.

— Неужели это побеги тополей, которые стояли тогда и «видели» царскую семью?

— Неужели это кирпичи именно того дома?

Мы были даже несколько шокированы таким мироощущением наших

помощников. Однако с большим удовольствием расчерновывали и раздавали отводки всем желающим. Подбирали наиболее типичные обломки темно-красного и тяжелого кирпича. Правила раскопок соблюдались очень строго, и никто ничего с раскопа не брал без предварительного разрешения.

Находка оловянного кораблика

Хотя у рабочих в руках лопаты, но копают они очень аккуратно, в археологии такой метод называется «копание зачистками». Тонко, как масло, почти горизонтально расположенной лопатой снимается грунт. Все, что зацепила лопата, сразу выбирается и складывается на лист с находками данного участка, если находка значимая, вызываются люди, ответственные за детальную фиксацию и описание найденной вещи. Кроме этого, грунт, снятый с каждой (каждой!) лопаты, тут же просматривается и просеивается до мельчайшего камешка. Буквально пропускается через пальцы.

Именно так была найдена почти на поверхности земли, где-то в центре бывшего сада, оловянная игрушка длиной не более 2 сантиметров — маленькая модель броненосца. И что интересно: в передней части его полого корпуса пробито (гвоздиком или иглой) отверстие. Значит, с корабликом играли и, наверно, таким вот образом его символически потопили.

Быстро просматриваем имеющуюся у нас на руках литературу. Да, у царевича Алексея были здесь, в Екатеринбурге, оловянные игрушки. Месяцем позже, еще во время проведения раскопок, мы посетили выездную выставку документов и фотографий из московских архивов, посвященную пребыванию Романовых в Екатеринбурге. Так вот, на этих фотографиях среди вещей, обнаруженных колчаковским следователем Соколовым, оловянные игрушки тоже есть.

Провал на раскопе

Раскоп огорожен бечевочкой. Вокруг нас идут строительные работы, то интенсивные, то не очень. Строители делают свое дело, мы свое. Никто никому не мешает. Пока.

У самой западной (нижней по склону) части раскопа, там, где, по нашим расчетам, заканчивался сад, прогромыхал бульдозер. Сразу после его прохода Сергей Погорелов обратил внимание, что грунт в одном месте просел так, что тяжелому бульдозеру пришлось с натугой выбирать-ся из образовавшегося углубления.

▲ «Убийство царской семьи».
Художник С. Сармат

Внимательно оглядели провал. Обычно так выглядят провалы старых погребов. А тут нет никаких следов бревен, фрагментов досок, грунт однородный, «материковый». Странно и непонятно. Но дел на раскопе много, время поджимает, и поэтому с провалом решили разобраться позже.

Люди из милиции, церкви и... бомжи

По мере раскопок возникли сложности с рабочими. Верующих стало приходиться мало, у студентов практика закончилась, но зато появились люди из милиции и бомжи. Но все по порядку.

Недалеко от нас находится центральный железнодорожный вокзал. И вот что выяснилось. Оказывается, пассажиров-ротозеев, у которых украли деньги, документы, а также отставших от поезда без средств, милиция отправляет в церковь — ночевать, работать и ждать, когда бедолагам по почте перешлют ожидаемый денежный перевод. Так вот, администрация церкви

переправляла их к нам, на раскоп. Эти люди несколько отличались от тех, с которыми мы обычно имели дело. В первый день, несколько ошарашенные происшедшим, они достаточно хорошо работали, задавали вопросы, интересовались, на второй — откровенно сачковали, а на третий, как мы поняли позже, ждать их больше не стоило. На раскопе-то работать надо. Тут отлынивать невозможно. Все у всех на виду. И так, к сожалению, было почти со всем этим контингентом.

Затем появились бомжи. Как и почему их направляли к нам, я так и не понял. Но дела пошли еще интереснее, чем с предыдущими. Во-первых, оказалось, что никакого интереса, даже первичного человеческого любопытства, у них нет. Кто, зачем и что тут делает — им все до фени. Во-вторых, они сразу сообразили, что тут даром кормят. Правда, не совсем даром, зачем-то надо ходить к «этим копальщикам». А зачем к ним ходить? Надо просто регулярно появляться к обеду и ужину в трапезную. Народу копает много, поди разберись, кто есть кто. Однако четкий учет и контроль при раскопках вскрыл эту аферу бомжей уже на второй день. Повариха в трапезной Вознесенской церк-

ви моментально устроила нам разнос, и теперь каждый работник раскопа, отправляющийся на обед и ужин, получал при уходе с рабочего места чистую этикетку для находок «Ипатьевская усадьба квадрат... горизонт...». Красиво отпечатанная, чистенькая, ну прямо как талон на питание. Эту проблему решили так быстро, что не успели даже предупредить повариху на раздаче в трапезной. Однако она оказалась женщиной на редкость сообразительной и, не моргнув глазом, вооружилась иглой-подставкой.

Когда в очередной раз я пришел пообедать и увидел этот «штык» с низанными, как шашлык, этикетками, то от души порадовался находчивости Леши Смолина, который так лихо и быстро придумал выход.

Приходящие и мы

В верхах с самого начала почему-то сложилось мнение, что вся наша археология — это никому не нужная, мешающая и даже вредная ерунда. Именно поэтому значительную часть времени начальник раскопок археолог С.Н. Погорелов тратил на объяснения, показывая нормативные документы, просил, уговаривал, грозил и т.д. Ладно бы

одному человеку, так ведь все приходилось повторять каждому чиновнику, с которым доводилось общаться.

Для начала на нас нагнали московского археолога Белова, специалиста по городской археологии. Не буду скрывать своего впечатления, когда увидел его у нас на раскопе. Мэтр был искренне удивлен тем, что у нас все делается по археологическим правилам и нормам. Уж не знаю, что ему про нас наговорили, но он был несколько ошарашен увиденным. После его посещения отношение к нам если не улучшилось, то, по крайней мере, на нас не стали безапелляционно дивить сверху.

Архиепископ Викентий появился очень незаметно, почти в одиночку. Курирующий и помогающий нам отец Дионисий переговорил с ним в сторонке, затем Викентий подошел к краю раскопа, я представился и коротко обрисовал обстановку. Заглянув в котлован строящегося собора, он быстро и незаметно без всяких разговоров ушел.

Гораздо больше мне запомнилось посещение нашего рабочего места настоятелем церкви города Троицка Челябинской области. Крупный мужчина в соответствующем одеянии с большим интересом слушал наши объяснения, сам рассказал, что в своей студенческой молодости участвовал в археологических раскопках. А когда на традиционную просьбу подарить подлинную вещь из Ипатьевского дома я, несколько смущаясь, предложил ему полупудовый кирпич, то его радостная и откровенная реакция произвела на меня неизгладимое впечатление.

Каждый день на раскопе появлялся фантом-краевед. Молчаливый, никогда не подходящий близко человек с интересом разглядывал квадраты раскопа, иногда аккуратно перебирал обломки посуды, кованые гвозди или оскол-

ки костей... Иногда даже присаживался к работающим, перекидывался с ними несколькими словами или перебирал щепотку грунта и исчезал, чтобы точно так же появиться на следующий день. Иногда он появлялся в компании с другим фантомом. Тогда на их лицах появлялась какая-то мимика и интерес к происходящему.

Профессиональный интерес к раскопкам проявляли всевозможные корреспонденты телеканалов, газет и журналов. С ними было проще. Мы уже так часто повторяли для своих раскопщиков отработанную речь, что дать интервью или сфотографироваться в живописной позе нам не составляло никакого труда. Главное было четко ответить на порой наивные вопросы, чтобы затем именно наш ответ, а не их домыслы попали на экран или бумагу.

Посещение раскопа мэром и губернатором было без меня.

Отношение к кирпичу, гранитным плитам, стеклу, битой посуде

При раскопках попадает много находок, и то, что называется у обывателей мусором, строительным мусором и прочими некультурными отходами жизни, у археологов как раз называется наоборот — «культурные отложения». В каких-нибудь экзотических краях: тайге, степи или пустыне, вдали от шумной суеты, исследователи кисточками чистят каждый обломок горшка и еле дышат на него. А в городе? Земля набита самым что ни на есть мусором. Кирпичи, дорожный бульжник, всевозможное стекло, железо и битая посуда. Вообще-то все это можно разбить на определенные группы вещей, но даже специалист-археолог все равно попадает в затруднительное положение, что делать с таким количе-

ством «некультурных находок». Брать, мыть и чистить все — «утонешь». Не брать — нельзя, непрофессионально. Приняли «буриданово» решение — брать наиболее целое, диагностичное, крупное, характерное. А массовые и невыразительные находки, те, что я уже упоминал выше, — учитывать. Сколько и каких размеров находок той или иной группы попадает на каждый раскопный квадрат 2x2 метра, в пределах одного раскопного горизонта мощностью 10 сантиметров. Только на эту работу пришлось поставить отдельного человека. Зато полный порядок и «учет с контролем».

Погребальные 2-копеечники и раскоп на месте деревянной церкви

В одном месте при раскопках стали часто попадаться двухкопеечные медные монеты XIX века отличной и хорошей сохранности. Мы пытались фантазировать — почему? Единственное, что показалось правдоподобным — это монеты, которые или клали покойникам на глаза, или бросали в могилу. Старая деревянная Вознесенская церковь стояла как раз с этой стороны нашего раскопа. Как рабочая гипотеза — пойдет.

Именно по этой причине в этой части бывшего сада мы решили заложить отдельный, дополнительный раскоп. Потребовалось передвинуть со стационарной стоянки тяжелую строительную технику. Кроме того, тут же торчал из земли даже не пенек, а какая-то часть ствола тополя, того самого!

С прорабом договорились очень быстро, и уже через день экскаватором, да-да, экскаватором, стали производить вскрышные работы ну совсем «некультурных отложений» последних двадцати лет. Именно в эту часть сталкивали бульдозерами обломки Ипатьевского дома. Экскаватор не лопата, но и тут умеючи можно работать аккуратно. Соскребет ковш 15–20 сантиметров по площади — стоп! Лезешь в яму, изучаешь строение грунта. Потом следующие 15–20 сантиметров, и снова вниз.

Вот таким образом выкопали котлован глубиной 2 метра, пока под зубьями экскаватора не зачернела почва бывшего сада, а у трехметрового обрубка-тополя не стало видно прикорневое расширение ствола. Осторожность и осторожность. Внимательность — первое дело. **✎**

▲ Грузовик марки «Фиат». На подобном автомобиле перевозили тела убитых на место сокрытия на старой копяковской дороге

(Окончание
в следующем номере)

Вспоминая «Интурмаркет-2017» — праздник туризма и хорошего настроения

Меньше месяца осталось до начала туристической выставки «Интурмаркет-2018», которая будет проходить 10–12 марта в «Крокус Экспо» г. Москва. «Уральский следопыт» уже много лет принимает участие в работе выставки «Интурмаркет», были мы и в прошлом году.

Как отмечают организаторы, выставка «Интурмаркет-2017» стала настоящим праздником российского внутреннего туризма. 81 российский регион буквально потряс своей активностью, многообразием предложений, яркостью и информативностью экспозиций как профессиональных гостей выставки, так и прямых потенциальных туристов... Все гости «Интурмаркета» с радостью отметили удивительную атмосферу праздника, созданную на выставке. А профессионалы туристской отрасли по праву оценили предоставленную возможность не только обсудить в тесном диалоге, но и найти решение многих острых вопросов туристической индустрии... В рамках выставки было проведено беспрецедентно большое количество результативных переговоров, открывающих самые ши-

рокие перспективы развития туризма в российских регионах. Обсуждались основные направления импортозамещения, развитие социального, детского и сельского туризма, экотуризма, интеграция событийных мероприятий в туристическую отрасль.

Выставка, действительно, поразила нас масштабом и размахом — было 1430 участников из 138 стран и регионов мира.

Российские регионы представлены очень ярко, красочно и самобытно. Уже много лет самый боль-

Встречный ветер

шой стенд — это Алтай. Невозможно пройти мимо, обязательно останетесь посмотреть выступления артистов: яркие костюмы, зажигательные танцы, а горловое пение просто завораживает. Я обязательно хожу послушать мастеров горлового пения. А ещё у них можно вкусно покушать, попробовать блюда и напитки алтайской кухни и приобрести всё, что понравилось. Познакомиться с историей края, с интересными маршрутами: зазывают туристов и в санатории, и в активные туры.

Невозможно пройти мимо стендов регионов Кавказа — здесь сразу погружаешься в атмосферу праздника. Зажигательная лезгинка, музыка, песни, улыбки и истинное кавказское гостеприимство...

А на стенде Липецкой области при помощи специальных очков можно было совершить виртуальное путешествие по древнему Ельцу или 3D-тур по автотуристскому кластеру «Задонщина». Работала интерактивная фотостудия — каждый мог самостоятельно фотографироваться на фоне липецких достопримечательностей и тут же отправить картинку на электронную почту или в социальные сети. Вот именно так гости и путешествовали, и фотографировались...

Общий стенд «Восточного кольца» объединил сразу семь регионов — это Приморье, Саха (Якутия), Камчатка, Магадан, Чукотка, Бурятия и Иркутск.

Приятно удивило то, что выставка стала интересна не только профессионалам, но и простым посетителям — приходили семьями, много мероприятий организовано для детей, таких как мастер-классы, контактные зоопарки. Для тех, кто любит путешествовать самостоятельно, — тоже было много предложений — от разработанных маршрутов до простых карт и описаний достопримечательностей — выбирайте сами на свой вкус и исходя из своих возможностей.

Было много общения, новых знакомств, контактов и снова общения.

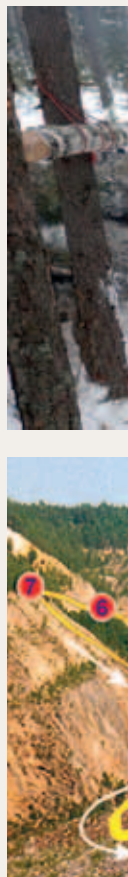
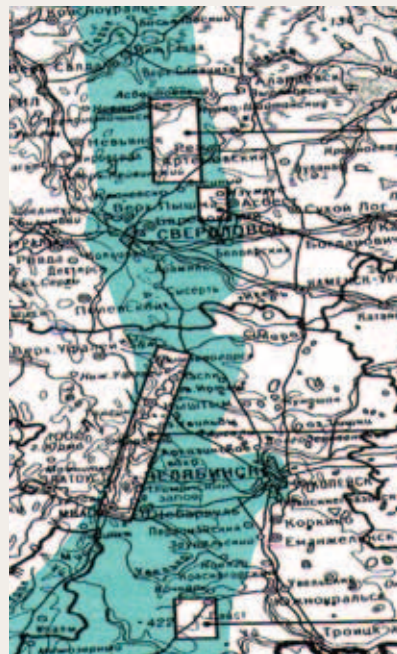
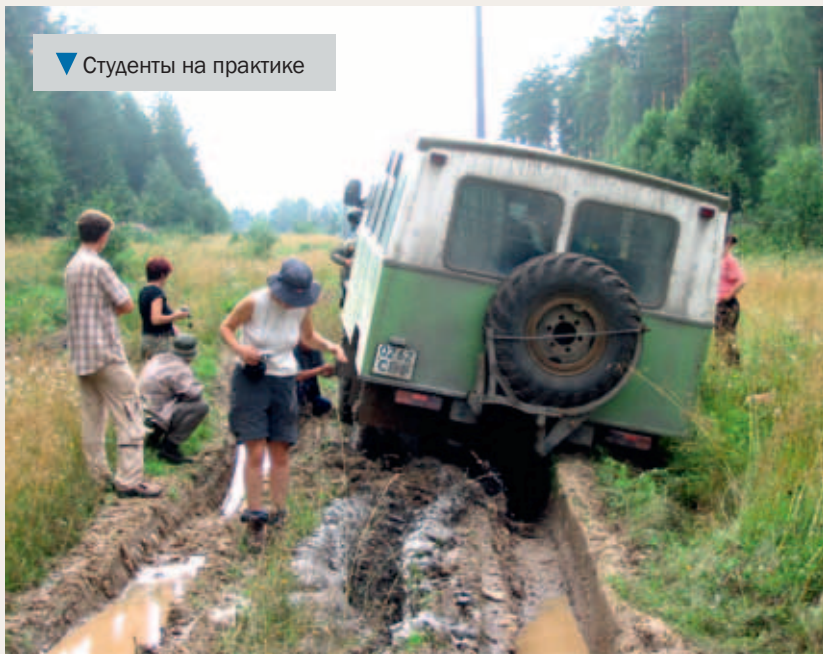
Атмосфера дружелюбия и праздника, радости и интересной работы. Поэтому что для участников это, прежде всего, работа, но любимая, интересная, что и создаёт такую атмосферу.

На «Интурмаркете-2017» были представлены страны, заинтересованные в российских туристах: Испания, Турция, Египет, Греция, Болгария, Марокко, Китай, Румыния, Кипр, Таиланд и, конечно страны СНГ и Прибалтики.

И вот уже скоро «Интурмаркет-2018», приглашаем всех на этот праздник туризма и хорошего настроения. И обязательно приходите к нам, на стенде «Уральский следопыт» всегда рады гостям!

▼ Студенты на практике

Самоцветная полоса Урала — сказка, которой нет конца

Всем нам в детстве читали и рассказывали сказки. Под их впечатлением у нас появлялись образы и первые впечатления о мире. Кто родился и вырос на Урале, обязательно слышал такие словосочетания: Серебряное копытце, Огневушка-поскакушка, Золотой полоз, Данила-мастер, Хозяйка Медной горы, и др. И когда встречаешь на камнях в лесу или в поле маленькую ящерицу, сразу в голову приходит заветно-потаенная мысль-надежда — неужели сама хозяйка решила открыть свои богатства, как когда-то Даниле...

Самоцветная полоса Урала — это условное название территории, узкой лентой протянувшейся с севера на юг более чем на 500 км, вдоль восточного склона Среднего и Южного Урала. Она начинается в окрестностях д. Нейво-Шайтанка Свердловской обл. и протягивается до окрестностей г. Пласт Челябинской обл. Условно Самоцветную полосу Урала можно разделить на 5 районов: *Муззинские самоцветные копи*, *Режевской минералогический заказник* (Липовское месторождение и Адуйские самоцветные копи), *Уральские Изумрудные копи*,

Сысертско-Уфалейский участок (Бажовские места и месторождения демантоида), *Ильменские и Вишневы горы*, *Пластовский участок* («Русская Бразилия»). Впервые термин «Самоцветная полоса Урала» употребил в 1924 году Константин Константинович Матвеев — известный ученый, первый заведующий кафедрой минералогии в Уральском горном институте, основатель Уральской минералогической школы.

Самоцвет — это природные минералы и горные породы, обладающие насыщенным цветом или рисунком, твердостью, ярким блеском и способные принимать огранку, шлифовку и полировку. Термин «самоцветы» применялся на Урале с 18 века. Широкую огласку получил благодаря работам академика А. Е. Ферсмана.

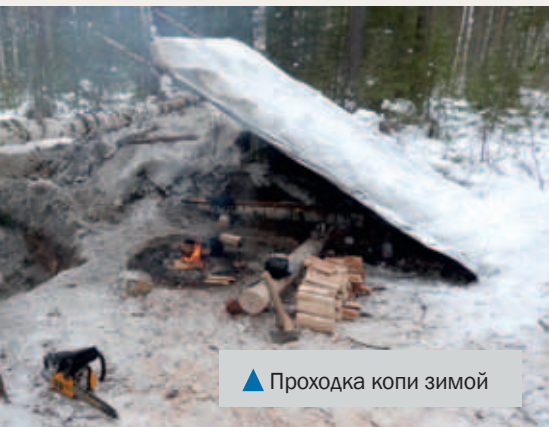
Старательство — поиск и добыча самоцветов, их обработка, коллекционное и коммерческое дело на Урале. Здесь истоки «народной минералогии», старательского дела, традиционных ремесел, истоки культуры уральского камня (по Э. Ф. Емлину).

▼ Старая копь

▲ Разбор пегматитовой жилы

▲ Проходка копи зимой

Михаил Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского государственного горного университета, кандидат геолого-минералогических наук.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

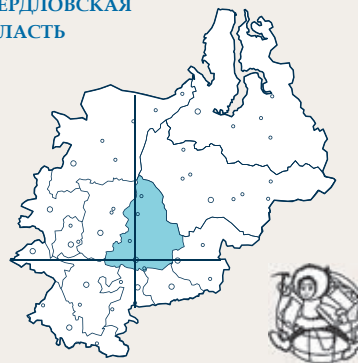

Фото Михаила Попова и Александра Маковецкого

▲ Мариинское

гих районах Урала. Занимаясь поисками медных и железных руд, братья Тумашевы в районе Мурзинского острога в 1668 году обнаружили первые русские самоцветные камни: горный хрусталь, топаз. Первые сто лет изучения Самоцветной полосы связаны с Мурзинкой и ее окрестностями.

Первое крупное месторождение малахита на Среднем Урале было найдено ещё в 1702 году, на Гумешевском руднике, расположенном на нынешней северо-западной окраине Полевского. Нашли его крестьяне из Арамилской слободы — Сергей Бабин

История открытия и освоения полосы

Уникальная минералогическая провинция «Самоцветная полоса Урала» известна более 300 лет. Ее открытием Россия обязана славной династии уральских рудознатцев Тумашовых. Алексей Иванович Тумашов был посадским человеком из Соликамска. Являясь опытным плавильщиком меди, Алексей Иванович был зачислен в экспедицию по строительству Пыскорского завода. Завод проработал до 1657 года, когда «за пресечением руды» был закрыт, а Дмитрий и Михаил Тумашовы, сыновья Алексея Ивановича, получили разрешение на поиски руды в дру-

▼ Древний карст

▼ Липовское месторождение

и Козьма Сулея. Только в 1797 году бергмейстер Александр Васильевич Раздеришин сообщает о коренном месторождении *шайтанского переливта*. В своё время «каменная лихорадка» на Южном Урале и началась с находки кристаллов *топаза* в XVIII веке в Ильменских горах при поисках белой слюды. Следующее крупное открытие самоцветов на территории Самоцветной полосы произошло в 1810 году, когда братья Федор и Афанасий Кузнецовы нашли *малиновые шерлы* у деревни Шайтанки (ныне с. Октябрьское). 1831 г. является официальной датой открытия *уральских месторождений изумруда*.

В 1844 году на берегах р. Каменка (Пластовский р-н Челябинской обл.) при ломке известняка для обжига на известь рабочими случайно было обнаружено видимое золото и камни-самоцветы. С этого события началась история добычи *розовых топазов, бериллов, эвклазов* и драгоценных металлов (золото) на территории «Русской Бразилии».

В 1880 году при поисках россыпного золота на реке Положихе, в окрестностях с. Колташи, обнаружены первые *гальки рубинов, сапфиров, гранатов*. Позднее Данилой Кондратьевичем Зверевым (прототип Данилы-мастера) здесь было найдено несколько кристаллов *алмаза*.

Неизвестно, когда первые горщики пришли в долину реки Адуй. Но в конце XVIII века здесь уже велась добыча дымчатого кварца, аквамарина, полевого шпата и особенно аметистов, образующих красивые друзы, достигающие веса в несколько десятков килограмм. Громкая слава пришла к Адуйским копиям в 1899–1900 гг., когда только на одной Семенинской копи артелью горщиков было добыто около 600 кг травяно-желтых бериллов. Это открытие привлекло внимание минералогов, и в 1903 году появилось первое описание месторождения, сделанное Петром Людвиговичем Дравертом. Начиная с 1912 года месторождения Самоцветной полосы Урала изучаются и подробно описываются в ряде монографий академиком Александром Евгеньевичем Ферсманом. В 1922 году выходит классическая монография А.Е. Ферсмана «Драгоценные и цветные камни России», в которой большое место уделено описанию самоцветных копей, расположенных на современной территории Самоцветной полосы Урала. В монографии приведены многочисленные карты и схемы, до недавнего времени бывшие единственным картографическим материалом, доступным любителям и коллекционерам минералов.

14 мая 1920 года по декрету В.И. Ленина Ильменские горы (около г. Миасс) были объявлены первым в мире *минералогическим заповедником*, созданным для охраны и изучения недр земли. И вот уже без малого 100 лет добыча минералов в заповеднике разрешена лишь в научных целях. С 1930 г. там существует богатый редкими образцами минералогический музей, основанный А.Е. Ферсманом. Исетская геологоразведочная партия объединения «Уралкварцсамоцветы» в 1977–1980 гг. проводила поисково-разведочные работы на Адуйском месторождении. Изучались копи: Семенинская, Мещерского, Топазница. В 1995 году на территории Самоцветной полосы Ура-

ла (в районе г. Реж) был образован природно-минералогический заказник «Режевской».

Самые известные самоцветы

Уральские самоцветы всегда считались визитной карточкой Урала. Прекрасные их экземпляры выставлены в лучших музеях России и мира. О их красоте и особенностях написано много научных и научно-публицистических книг. Ниже приводится список самых-самых из них.

В 1770 году на руднике была добыта *малахитовая глыба* массой более 80 тонн. Часть её хранится в минерало-

гическом музее Санкт-Петербургского горного института.

В 1828 г. в копи «Старцева яма» на Мурзинке был добыт гигантский кристалл *желтовато-зеленого берилла* длиной 25 см и весом 2,5 кг из полости в 5 м длиной с огромными кристаллами темного кварца и желтоватого полевого шпата, усыпанным шерлом и сподой (мусковитом).

В 1834 году на Изумрудных копиях найден крупный *изумруд* весом более 2 кг, названный «Изумруд Коковина».

Один из самых *крупных сростков александрита*, найденный в 1840 году, состоит из 22 больших кристаллов весом 5,7 кг.

В 1843 году в копи Стрижова в Ильменских горах нашли кристалл *аква-*

марина 24 см по длине и и 21,5 см в сечении, вес составил около 2 килограмм.

В 1869 году на Малоседельниковском месторождении была добыта самая *большая глыба родонита*, весом 2850 пудов или 45,6 тонн.

Одна из наиболее уникальных находок в окрестностях Мурзинки — *топаз* «Победа» весом 43,6 кг, найденный С.К. Борщевым в 1985 г. на копи Мокрыша.

В 1981 году на Уральских Изумрудных копиях был добыт редкий по красоте *сросток кристаллов изумруда*, раз-

Уральский следопыт, март 2018

мером 10х12х30 см и весом 6,5 кг. Он получил название «Шахтерская слава».

В 2000 г. на Мариинском прииске (Уральские Изумрудные копи) найден кристалл александрита весом 597 г, названный «Патриот».

Краткая геологическая характеристика Самоцветной полосы

Самоцветная полоса Урала располагается в границах Восточно-Уральского поднятия, сложенного разнообразными породами: осадочными, вулканическими, интрузивными, метаморфическими. Основная территория

Самоцветной полосы занята гранитными массивами с пегматитовыми полями (Мурзинским, Адуйским, Каменским, Варламовским, Борисовским и Санарским). В состав полосы также входит Ильмено-Вишневогорский миаскит-карбонатитовый комплекс — один из крупнейших щелочных комплексов мира, известен с конца XVIII в. Здесь впервые в мире были описаны нефелиновые сиениты (миаскиты) и открыты новые минералы — ильменит, монацит, эшинит, канкринит, чевкинит, пиррохлор и др. На его территории развиты щелочные пегматиты. Рудный комплекс Уральских Изумрудных копей представлен изумрудносными слодитовыми комплексами (слодитовые сланцы) и бериллоносными кварц-плаггиоклазовыми жилами.

Отличительной особенностью Самоцветной полосы Урала является обширное развитие пегматитов, с которыми связано образование большей части камнесамоцветов. Еще Ферсманом в 1922 году были выделены пять типов пегматитов, главным образом по характеру минерализации:

1) **Обычные** — с мусковитом, гранатом без друзовых полостей.

2) **Топазо-берилловые** с самоцветной минерализацией в друзовых полостях (пегматиты Мокруши, Тысячницы, Светлинское пегматитовое поле).

www.uralstalker.com

3) **Контаминированные** (лат. contaminatio — смешение) — образованные в результате внедрения гранитных пегматитов в ультраосновные породы. Они имеют друзовые полости с турмалином и кордиеритом в качестве характерных второстепенных минералов (копи Буженинов бор, Кордьеритовая, Мора).

4) **Полевошпатовые** — с аномально развитыми блоково-микроклиновыми зонами, без самоцветной минерализации на современном эрозионном срезе (Копи Мыльница, Полевошпатовая, Ильмены), рассматриваемые как перспективные на керамическое сырье.

5) **Рубеллит-лещидолитовые**, наиболее типичным представителем являются жилы с цветным турмалином на Липовском месторождении.

Гидротермальное происхождение имеют месторождения *горного хруста-*

ля и аметиста (Ватиха, Тальян, Чукса). Слабо развиты в районе экзогенные месторождения, которые образуются в виде кор выветривания и речных россыпей (Корнилов лог). В них часто находили *корунд (рубин и сапфир), топаз, хрустали.*

Известные месторождения драгоценных и поделочных камней в пределах Уральской самоцветной полосы

Мурзинские копи: 1. Тальян (аметист); 2. Мокруша (голубые топазы, берилл, морион); 3. Казенница (топаз, турмалин, берилл, морион); 4. Голодная (топаз, берилл, турмалин, морион); 5. Ватиха (аметисты).

Район Южаково-Корнилово, копи: 1. Золотуха (цитрины); 2. Чернуха (шерл, морион); 3. Корнилов лог (рубины, сапфиры, корунды, гранат).

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

Режевской минералогический заказник: 1. Липовские копи (розовые турмалины, рубин, хризоберилл, морионы); 2. Копь «Медвежка» (Шайтанский переливт); 3. Коренное проявление благородных корундов около д. Колташи; Адуйские копи (морион, аметист, полевой шпат, берилл).

Изумрудные копи Урала: 1. Марининское месторождение (изумруд, александрит, фенакит); 2. Сретенское месторождение (изумруды, александрит, фенакит); 3. Красноболотное месторождение (хризоберилл, александрит).

Сысертско-Уфалейский район: 1. Долгоречинское проявление (гранат-альмандин); 2. Полдневское, Каркодинское месторождения (демантоиды); 3. Гумешевское проявление (малахит).

Ильменско-Вишневогорский р-н: 1. Вишневогорское месторождение (гиацинт, лунный камень, сапфировидные корунды); 2. Потанины горы (солнечный и лунный камень); 3. Ильменские горы (амазонит, топаз, сапфировидный корунд, полевой шпат).

Район г. Пласта (Русская Бразилия): 1. Борисовские сопки (кианит); 2. Россыпи р. Санарки (эвклаз, берилл, розовый топаз); 3. Пегматитовые жилы в районе д.В. Санарка (хризоберилл, аквамарин, гелиодор, морион).

Популярные маршруты по Самоцветной полосе

«Уральский Центр камня» при УГТУ совместно с «Центром развития туризма Свердловской области» при правительстве Свердловской области разработали и внедрили наиболее интересные и познавательные маршруты:

1. Изумрудные копи Урала и Музей минералогии, камнерезного и ювелирного искусства г. Заречный;

2. Баженовское месторождение хризотил-асбеста;

3. Режевской минералогический заповедник и Музей «Самоцветная полоса Урала»;

4. По Бажовским местам.

5. «Геологическая аллея в сердце Екатеринбурга как символ каменных богатств Урала» и Уральский геологический музей.

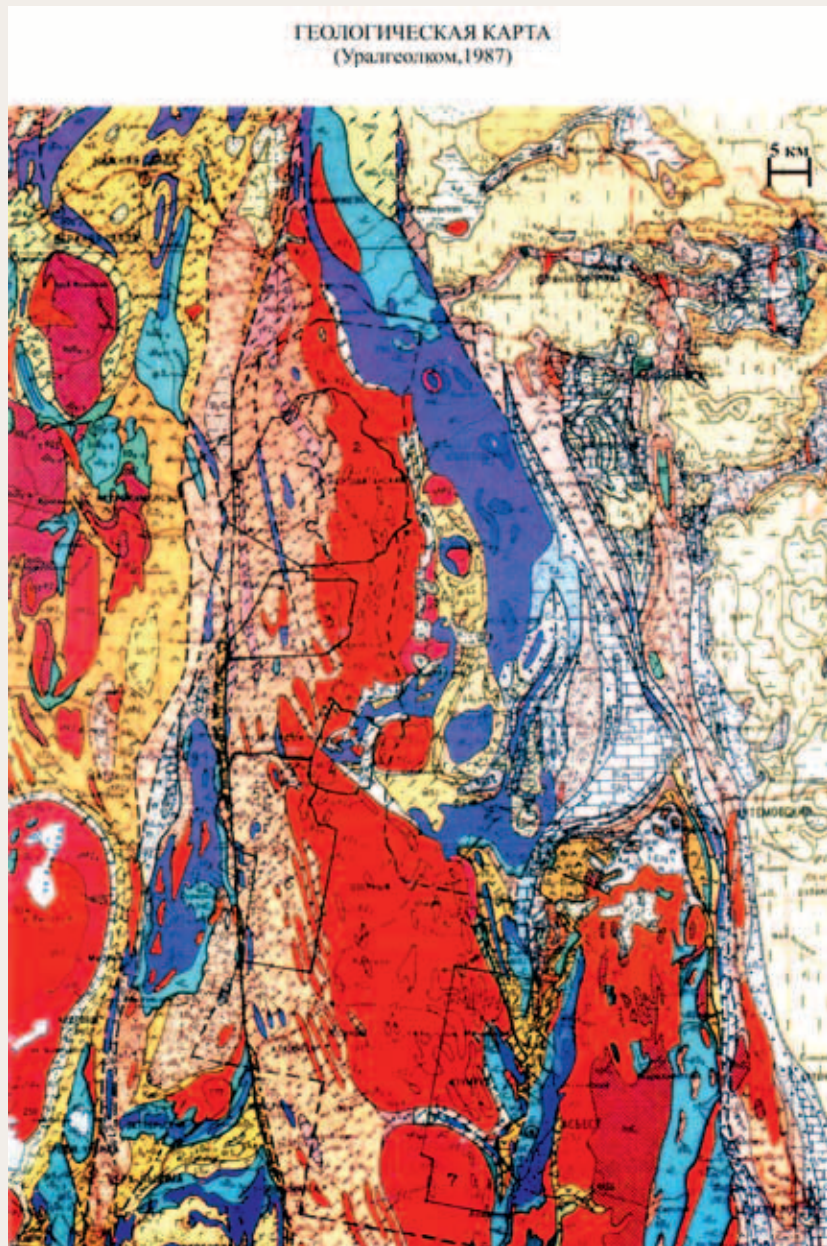
6. Уральский демантоид — зеленые глаза земли.

7. Ильменские копи и музей Ильменского заповедника.

8. Русская Бразилия.

Все маршруты разработаны и обкатаны с учетом состава групп (от школьников до проведения серьезной научной экспедиции).

Самоцветную полосу Урала каждый год посещают десятки тысяч (а может, и сотни тысяч — всех на пересчитать) жаждущих прикоснуться к сказ-

ке, культуре и истории уральского камня. Объекты Самоцветной полосы являются отличным научно-учебным полигоном. На территории Режевского минералогического заказника, Изумрудных копей проходят минералогические практики студенты МГУ, УГТУ, МГРИ-РГГРУ. А в Ильменах с минералогией самоцветов знакомятся студенты Казанского университета и Московского Государственного университета. Регулярно проводят исследования сотрудники УРО РАН.

Не выродились на Урале и вольные хитники (называемые уважительно **Хита**), славные преемники старых уральских горщиков. Зимой и летом зовут их Хозяйка уральских богатств, чтобы показать свои кладовые. И работают они по старинке до мозолей кровавых кайлом, зубилом и лопатой (в настоящую тайгу трактор не загнать). А после

работы, вернувшись в наш «электронный» мир, пишут в интернетовских форумах и чатах про свои приключения и удачи, делятся советами. Хотите проверить — зайдите на сайт Хита Урала. И появляются среди них настоящие сказочники, как знаменитый наш соотечественник П.П. Бажов. Только Бажов писал по рассказам старых горщиков (сам камень не добывал), а современные пишут про свое — пережитое. И называют это **самоцветные байки**. Почитайте книги А. Маковецкого «По следам самоцветов» и «Живень, самоцветные байки» — лучше и искренне самого Бажова сказано. Чего стоят слова: «Удивительно это, ведь погребов самоцветных в нашем крае ещё столько припрятано. Что ни тебе, ни детям твоим, ни внукам не выбрать, как ни старайтесь. Просто разучились мы глубже подошв своих заглядывать. А если прикоснуться к са-

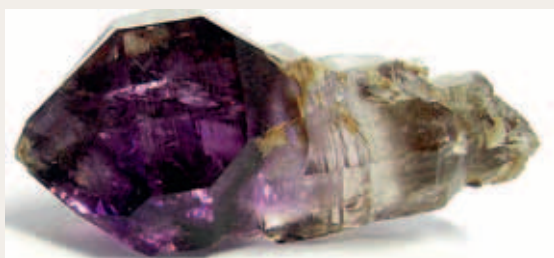
ворится о самовольной добыче янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней. В этой статье приравняли полукриминальные структуры, которые нелегально добывают янтарь и нефрит (приносящие большие прибыли) в местах их организованной добычи с простыми любителями камня, студентами на геологических практиках, участниками геолого-минералогических туров. Пока непонятно, что попадет в список под названием *полудрагоценные камни*. Кварц, змеевик и халцедон – ими на Урале отсыпают дороги. Или другие, более серьезные камни. Сейчас без лицензии запрещено собирать – добывать алмаз, изумруд, александрит, синий корунд и рубин. Все зависит от решения высших чиновников, которые даже и не слышали про Самоцветную полосу. Но все, кого роднит камень, пытаются достучаться до «каменных сердец» и объяснить абсурдность ситуации. Закон вступает в силу в сентябре 2018 г., и мы надеемся на разум и, как обычно, на «царя».

моцвету, что в занорыше лежит, на перине из глинки влажной, из слюдки серебристой, да в яме, собственноручной выбитой, – все, пропал навеки». (А. Маковецкий).

Но только не все солнечно в сказочной стране Самоцветной полосы Урала. Надвигается ураган-гроза в виде статьи 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в которой го-

Успевайте, приезжайте к нам на Урал. Прикоснитесь к прекрасному сказочному миру Самоцветной полосы Урала... Пока не стало поздно и сказка не ушла в воспоминания и книги. **УС**

ЕКАТЕРИНБУРГ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТУРИСТСКИЕ
ВЫСТАВКИ

ЛЕТО

6-7 апреля 2018

EXPOTRAVEL

5-6 октября 2018

**ОТДЫХ
ЗА РУБЕЖОМ**

**ОТДЫХ
В РОССИИ**

**ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ
ТУРИЗМ**

**ДЕЛОВАЯ
ПРОГРАММА**

Страна-партнер

Соорганизатор блока
«Оздоровительный туризм»

Урало-Сибирская Ассоциация
оздоровления и гостеприимства

Отель-партнер

EKATERINBURG

Организатор:

ЭКСПОКОМ

+7 (343) 379-38-48, www.expo-com.info

Цветная палитра Урала

Иллюстрации предоставлены Уральским центром камня

Елена Попова

Преподаватель по геологии, экскурсовод, руководитель проектов по геотуризму.

Шайтанский переливт

и другое имя — шайтанский переливт. Его слои при солнечном свете словно переливались шелковистым блеском, плавно переходя один в другой; теплые желтые, молочно-белые и кирпично-красные оттенки. А шайтанский потому, что впервые найден возле села Шайтанка.

Почти два столетия шайтанский переливт находили чаще всего на полях. Сырье отбирали из глинистых наносов и на пашне. Затем камень поступал на Екатеринбургскую и Петергофскую гранитные фабрики. Настоящее геологическое изучение месторождения началось в 1930-е годы. В 1960 году работы в районе месторождения проводили геологи Уральского геологического управления под руководством А.В. Глазкова. Здесь были проведены поисково-разведочные работы, в результате которых был найден сначала россыпной источник, потом разведаны и изучены коренные жилы переливта. Месторождение получило название Медвежское, так как располагалось в северных окрестностях уже исчезнувшей деревни Медвежки.

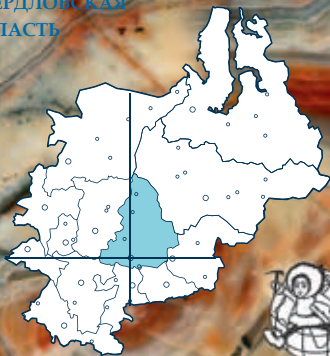
Шайтанский переливт долго считали агатом, почти до 1985 года. Основную роль в таком долгом заблуждении сыграло мне-

История открытия

Итак, находка этого камня случилась в 18 веке, когда Россия во времена правления Екатерины II активно осваивала Уральские горы и минералогические экспедиции часто ознаменовывались замечательными находками. Место, где впервые нашли камень с красивым волнистым рисунком, находилось недалеко от села Шайтанка на Среднем Урале. Первооткрывателем его считали надворного советника Александра Васильевича Раздеришина, который был главой Комиссии для приискания камней и прочих редкостей. Судьба его была тесно связана с горным делом, геологией и минералогией. Свою находку он описал так: «Капельковатый, с зеленой, белой и красной поверхностью хащедон, имеющий в некоторых местах блестящую поверхность, в двух верстах от Шайтанки открыт мною в 1797 году на самой поверхности земли». Здесь Александр Васильевич пи-

шет о коренном месторождении, а саму россыпь он нашел в 1791 году. Но оказывается, что еще в 1787 году партия Якова Федорова добыла восемнадцать пудов полосчатого медово-желтого, яркого оранжево-красного камня недалеко от села Шайтанка. С 1785 года они собирали камень для большой пирамиды (составной каменной горки), которая должна была отразить все минеральное разнообразие и богатство России, и именно в это время партия Якова Федорова вела добычу «агата изжелта-красноватого с разными прожилками» в пяти верстах от этого села. Так что по праву первооткрывателями этого чудесного камня считаются и бергмейстер Александр Васильевич Раздеришин, и рудознатец Яков Федоров.

Самоцвет оказался очень похож на минерал агат и поэтому получил красивое название — «уральский агат» — за внешнее сходство. Немного позднее появилось у чудесного камня

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА

предоставлен Уральским Центром камня

Переливт

Здравствуй, дорогой читатель. В этом номере журнала мы расскажем тебе про один из самых интересных и замечательных камней Урала, в названии которого уже таится загадка. Что же это за камень?

Фират Нурмухаметов,
директор Уральского центра камня.

ние академика А.Е. Ферсмана, отнесшего переливт к халцедонам-агатам. После этого никому просто в голову не приходило приглядеться к камню повнимательнее. Кроме шайтанского, есть и другие переливты — макаровский, зотовский — находимые в разных местах на Урале; есть месторождения в Забайкалье, даже в Казахстане, но нигде в мире нет больше такого камня, как уральский переливт. Разные названия просто отличают самоцветы из разных месторождений; но общее строение у них одинаковое. Наше уральское месторождение переливтов, разведанное и изученное в советское время, единственное в России находится на Среднем Урале, на территории Ре-

жевского заказника, в верховьях речки Медвежки, в 3 км от села Октябрьского (быв. Шайтанка).

Отличие переливта от агата

Переливт — мелкокристаллический диксит-кварцевый агрегат с зональным строением; зоны отличаются размером или формой зерен кварца. Сами узоры возникли, когда подземные горячие гидротермальные растворы текли по трещинам в земной коре и отлагались на их стенках. А собственно к агатам относят полосчатый халцедон, особую тонковолокнистую разновидность кварца.

С агатами переливт роднит, в сущности, лишь ритмичное чередование слоев, окрашенных в мягкие, пастельные тона: бежевые, белые, голубовато- или зеленовато-серые, желтые, коричневаторозовые до коричневых. Но в его основе не халцедон, как у обычных

агатов, а микрокристаллический кварц.

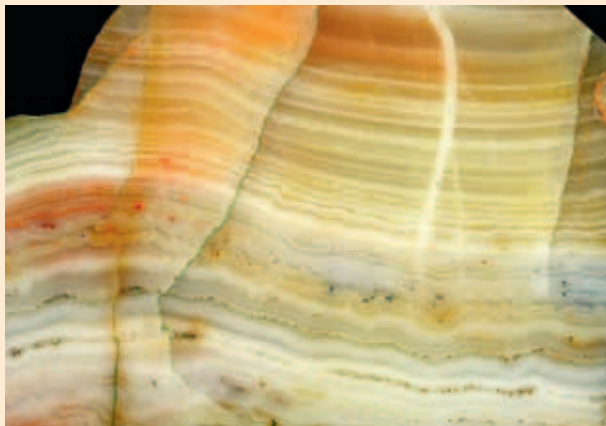
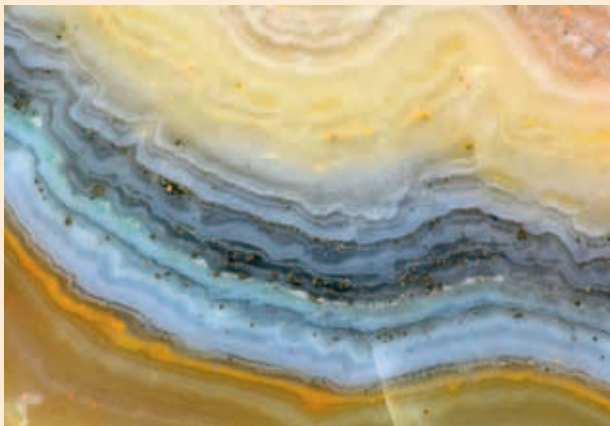
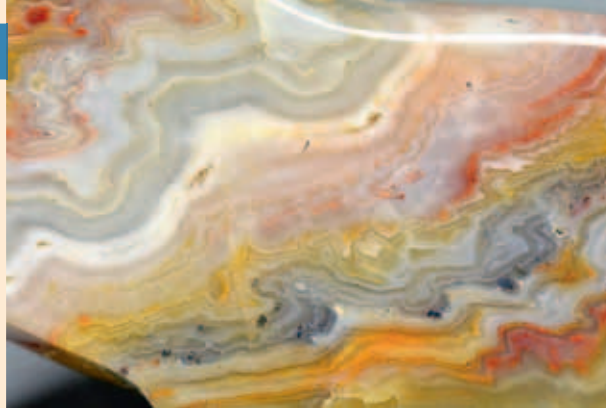
Полосчатость и окраска переливта

В окраске переливта существует четыре типа рисунков:

- 1) линейно-полосчатые с четкими, часто несколько изогнутыми слоями разных цветов;
- 2) волнистые, с волнообразно искривленными слоями;
- 3) сплошные, в которых из-за резкого искривления разноцветных слоев на плоскости распила наблюдаются причудливые фантастические узоры.
- 4) брекчиевидные, в которых переливт первых трех типов оказывается разбитым на кусочки разных размеров.

Полосчатость и окраска переливта определяется цветом и количеством минеральных пигментов (природных красителей). В первую очередь это минерал диксит, который слагает плот-

ные и разряженные прослои на всем протяжении кристаллизации переливта. Срастание диккита с кварцем дает белые и редко серо-лиловые полосы, хорошо выделяющиеся на бесцветном или сером фоне кварцевых агрегатов. Существенное значение в окраске переливта имеют включения тонкозернистого минерала пирита, который при низких содержаниях окрашивает слои в серо-голубой цвет. А при высоких концентрациях — в темно-серые до черных. Геологами было замечено, что с глубиной цвет переливта становится менее привлекательным, голубовато-серым. Живые медово-желтые и буровато-красные тона наблюдаются только в приповерхностных зонах. Оказывается, в природе постоянно происходят чудеса! Превращение одних минералов в другие. Если в результате разрушения переливта с первичной серо-голубой окраской

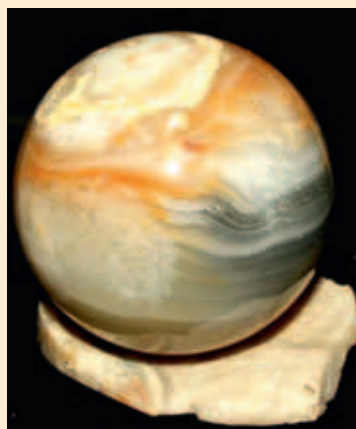
оказывается в зоне окисления (на поверхности), сульфиды железа, входящие в состав переливта, разрушаются. Образуются вторичные минералы: бурый гетит и красный гематит, которые и дают яркую оранжево-красную окраску камню.

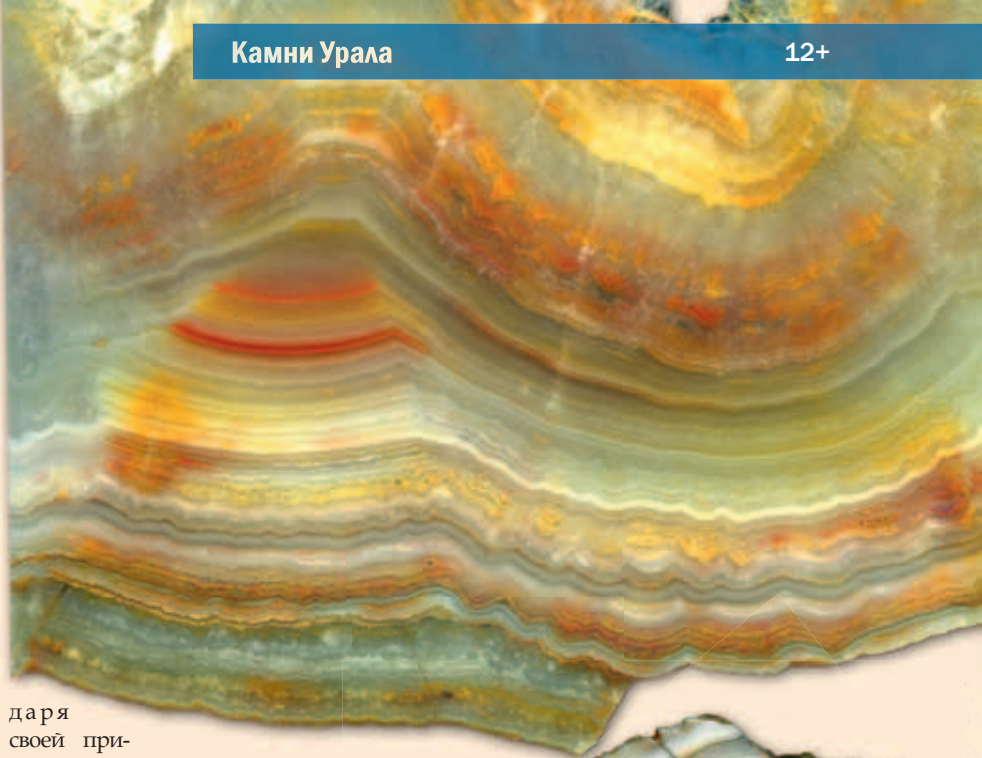
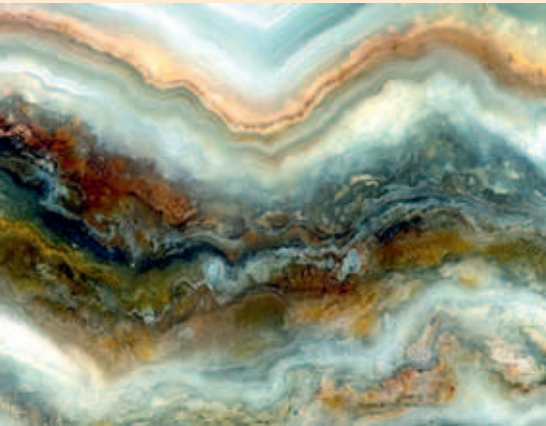
Изделия из шайтанского переливта

Благодаря своему строению переливта обладает высокой механической прочностью. При обработке он дает гладкие, зеркальные поверхности. Богатство природной палитры переливта дает возможность внимательному наблюдателю увидеть на случайных сколах и срезах пейзажные сюжеты, которые после обработки превращаются в красивые пейзажные миниатюры. Узорчатость камня отражает беспокойную жизнь минералообразования. Многократно разрушаясь и возрожда-

ясь вновь, природа создавала причудливые узоры шайтанского переливта.

На Екатеринбургской гранитной фабрике из переливта делали столешницы, облицовывали им каминные; камни с самым интересным рисунком шли на изготовление гемм, камей, небольших скульптур, а также шкатулок, пепельниц, пудрениц, письменных приборов и т.д. Из шайтанского переливта были вырезаны геммы «Диана, держащая оленя за рога» и «Аполлон Навинский во весь рост весь нагой, опершись о стол». После открытия переливта для Зимнего дворца в Санкт-Петербурге была изготовлена столешница. В Эрмитаже хранятся геммы из переливта, автор которых — сама императрица Екатерина II, увлекавшаяся резьбой по агату. Также в Эрмитаже, в Галерее драгоценностей, которая была создана в 1856 году, присутствуют изделия из переливта, в частности,

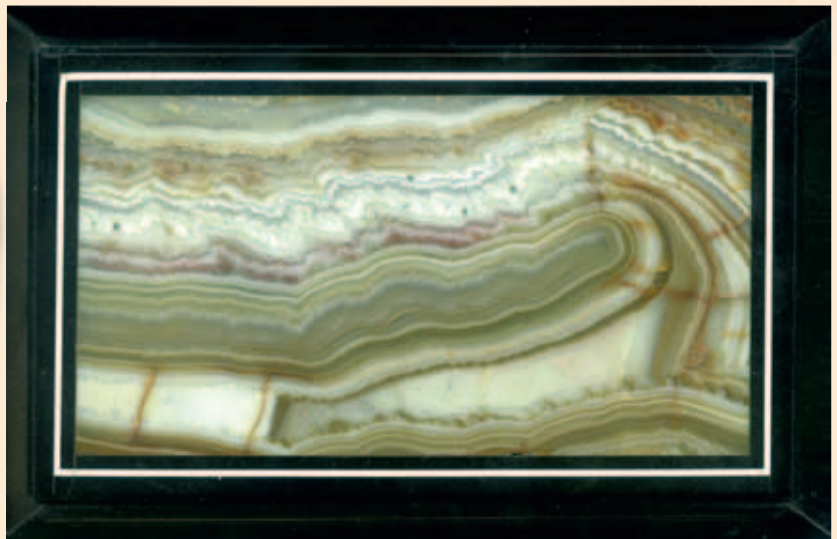
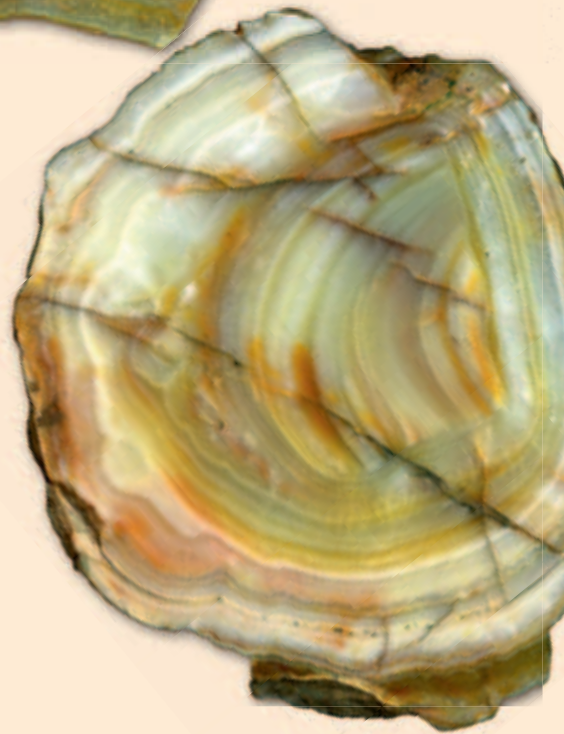
даря своей природной красоте шайтанский переливт стал известен в столице и самоцвету из маленького месторождения досталась такая слава.

перстни и кольца, которые до поступления в Эрмитаж принадлежали первым вельможам. В Павловском дворце-музее хранится старинная пепельница, оправленная серебром и украшенная гранатами, сделанная из переливта в 1900 году мастерами знаменитой фирмы Фаберже. Это показатель того, что уральский переливт считался весьма ценным камнем.

Самые известные изделия из переливта

Переливт применяли при изготовлении знаменитой карты Франции, созданной умельцами Екатеринбургской гранильной фабрики из уральских самоцветов и узорчатых камней. Карта экспонировалась в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, произвела фурор и была подарена Французской республике последним российским императором Николаем II. Вот так благо-

Много времени прошло с тех пор, как был открыт этот чудесный камень. Небольшое по своим размерам и запасам месторождение с поверхности выработано. В настоящее время оно законсервировано и карьеры затоплены водой. На дне этих искусственных водоемов, сквозь прозрачную воду видны красивые обломки переливтов различной величины. Если, дорогой читатель, ты хочешь отправиться в путешествие и посетить это замечательное место, то уральский агат ты сможешь найти в старых карьерах и отвалах. Уральская земля не до конца открыла свои кладовые. Любители камня находят красивые образцы на лесных дорогах и старых пашнях. История камня ждет своего продолжения. **УС**

Пятидесятые.

Приполярный зимний

Начало в «УС» №4, 2017 год

Зима 1958: Снова к Манараге, или О грифе «ДСП», вреде спешки и пользе фотографической памяти

Шестьдесят лет назад шестерка свердловских туристов, пытавшихся покорить зимнюю Манарагу, вынуждена была на самом старте — на станции Кожим — разделиться, чтобы заброситься в горы самолетом. Второй тройке — Игорю Дятлову, Петру Бартоломею и Николаю Хану — пришлось догонять остальных, перейдя на восточный склон Урала, на базу Северная Народа, в экстремальных условиях — без спальных мешков и печки. Из-за этой неудачи было потеряно не только пять дней, но и много сил, что, вероятно, сказалось на дальнейших событиях. После соединения группе предстояло снова перейти Урал, чтобы двигаться к главной цели похода — горе Манараге.

В Европу, к Манараге

Итак, вторая тройка догнала первую на базе Северная Народа, пройдя за трое суток от базы Пелингичей через перевалы Сураиз и Некрешенный. Группа наконец собралась вместе, чтобы в полном составе двигаться на западный склон Урала, к главной цели похода — горе Манараге.

Переход из Азии в Европу занял также три дня: одну ночевку пришлось сделать на плато Руин, вторую — в верховья реки Народы, под самым Центральным перевалом, ведущим в верховья реки Манараги.

На третий день предстояло перейти перевал Центральный, достаточно сложный даже сегодня — 1 А летом и 1 Б зимой.

При спуске с перевала произошло ЧП: на второй, крутой ступени упал и сильно разбил голову о камень Коля Хан. Потеря сознания, памяти — все

признаки говорили о сотрясении мозга¹. Пострадавшего перевязали, разгрузили, спустили вниз; сразу под перевалом поставили лагерь.

Здесь, под перевалом, пришлось провести три дня, ожидая, пока Хан сможет идти. Примуса не было, готовили на костре: дрова пришлось носить в рюкзаках за 8 км от зоны леса — «дровосеки» уходили сразу после завтрака, обедали на месте заготовки дров и возвращались с ними в лагерь только к вечеру. Начались морозы за 40. Печку топить было нечем.

Возвращение

Неослабевающие морозы, холодная усталость, раненый в группе, поджигающие сроки — все это заставило группу изменить планы и эвакуироваться с маршрута, отка-

¹ Из-за этой травмы Хан вынужден был взять академический отпуск, закончив институт на год позже остальных, в 1960 г.

Елена Шубницина

Кандидат технических наук. Более 15 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований — историческая география уральского Севера. «Вторая профессия» — фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живет в Сыктывкаре.

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

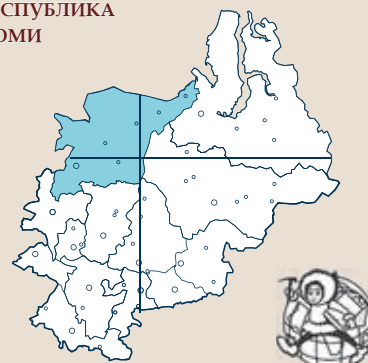
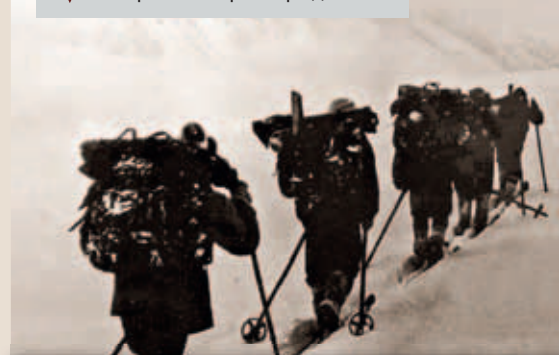

Фото из личного архива
П.И. Бартоломея.

▼ В верховьях р. Народы

Уральский следопыт, март 2018

▲ С дровами в лагерь

▲ Лагерь под Центральным перевалом

▼ Выход из-под Центрального перевала

▼ Установка палатки в тундровой зоне на «настил» из лыж

▼ На границе лесной зоны. Фото И. Дятлова

▼ В истоках р. Манараги. Слева — г. Победа

▲ Н. Хан. Фото И. Дятлова

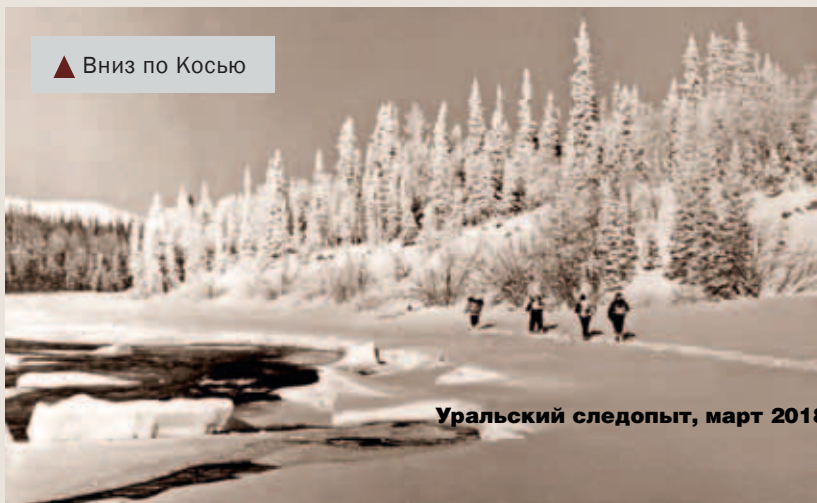
▼ М. Аксельрод

▲ С устья ручья Олений уже виден гребень Манараги. Фото И. Дятлова

▲ Вниз по Косью

завшись от попытки восхождения на Манарагу.

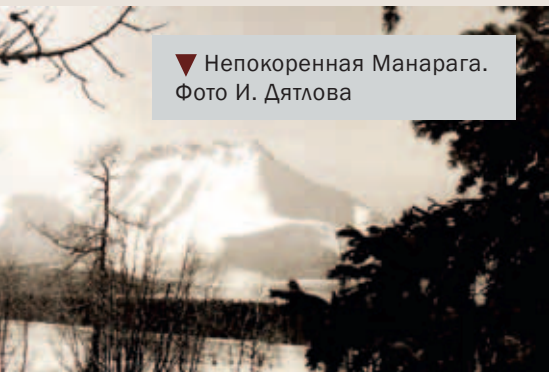
Возвращались по заиндевшей от морозов реке, осторожно обходя польни — между заснеженных хребтов, мимо Манараги, белеющей во всем великолепии... Излучины Косью иногда срезали лесом. Больше ста километров до станции шли несколько дней.

В лесной зоне

Наконец-то, после сорокаградусных морозов и ветров в горах, нача-

▲ И. Дятлов. Фото П. Бартоломея

▼ Непокоренная Манарага. Фото И. Дятлова

◀ Не обошлось без форс-мажора: полыньи на горной реке всегда опасны

лась лесная зона: можно греться у костра, сушить вещи у печки, спать в тепле. Не обошлось и здесь без ЧП. Ночами дежурили у печки — по очереди, по часу, подкладывая дрова понемногу, чтобы сильно не раскалять печь: боялись, что загорится палатка. Как-то один из ребят решил схитрить: забросил в печь побольше дров и уснул. В результате палатка вспыхнула, несмотря на асбестовую прокладку; искры прожгли угол и переднее полотно.

«Мы сидели ночью на жутком морозе, в темноте развели костер, и при его свете срочно ремонтировали палатку. Пришлось пустить «в расход» одно одеяло, чтобы как-то залапать угол. Год спустя, после трагедии на Северном Урале, эти дырочки в полотне дали повод для версии о падании раскалённых капель с самолёта или с ракеты».

Окончание следует. **УС**

▼ В лесной зоне. Костер — это тепло, это жизнь

Гений

из «Города гениев»

В ушедшем году исполнилось бы 90 лет Владимиру Васильевичу Армишеву (1927–1999), поэту и музыканту, художнику и дизайнеру, физику и лирику, главному герою рассказа-затеси из книги Виктора Астафьева «Город гениев».

Владимир Маслянка

Эта затесь — гимн городу Чусовому, его чудикам и талантам. Среди них — художник-самородок Валерий Чаплыгин, чусовской Стравидари Юрий Ситнов, маэстро спорта и музеевед Леонард Постников, человек-«оркестр» Владимир Армишев... Эта затесь — упрямая «патриотам», которые до сих пор не поняли всю многоцветность астафьевского мира — ведь он даже в маленьком чумазом городке увидел целую радугу гениев!

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Родился в г. Капустин Яр (первый советский космодром). С 1966-го по 1978 г. жил в Нижнем Тагиле и Свердловске. Окончил Свердловский госмединститут, санитарный врач. В 1997-м познакомился с В. П. Астафьевым. С 2003-го — директор ГКБУК «Литературный музей В. П. Астафьева». Автор книги «По следам «Весёлого солдата» (2004, 2014), составитель (в соавт. с А. М. Кардапольцевой) книги «Литературный Чусовой» (2013). Главное увлечение — художественная фотография. Живет в г. Чусовом.

Виктор Астафьев

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

повесть

Володе, Меле и
Наталье Армишевым
Много любви и
за добрую память
В. Астафьеву
28 мая 68 Армишев

Пермские книжные издательства • 1963

О нашем герое Астафьев в «Городе гениев» писал так:

«...Завелся здесь даже человек, предложивший реформу музыкального образования, подвергнув сомнению мировую музыкальную грамоту и всякую гармонию, считая, что семь нот в музыкальной системе мало. Слишком устарелая и малодоступная система. Сделав новый музыкальный инструмент всего из нескольких клавиш, он изобрел и изобразил общедоступные знаки записи музыки, пытаясь добиться того, чтобы музыка, как арифметика, была бы доступна всякому ребенку, любому смертному землянину. Изобретая новую музыкальную систему, человек этот предложил попутно и новомодную живопись, сам обучился прекрасно писать маслом, акварелью, цветными опилками на стекле, на стали. Замахивался и на всю нашу систему образования, предложил преподавать бесплатно физику и философию, в итоге обучившись, опять же попутно, прекрасно играть на рояле, сочинять музыку. Он пробовал учиться сразу в двух университетах Москвы, но заболел туберкулезом и его отправили домой умирать. Но он своей же методикой сам себя и вылечил, ходил по городу раздетый и босиком зимой и летом...»

Владимир Армишев родился 6 июня — в День Пушкина, и этим всю жизнь гордился. В конце 40-х прошлого века он познакомился с Виктором Астафьевым, приехавшим в Чусовой

вместе с женой в 1945 г. Астафьев быстро сошёлся с Армишевым — он был здесь притчей во языцех. Мог зимой ходить по городу босиком, подвигнув на это и свою невесту Тамару Передвигину. Имел прозвище «Гоголь» за характерный профиль и причёску. В чусовской военный и послевоенный период учился в Куйбышеве и Москве, работал в здешней школе № 9 художником и лаборантом, писал в газету «Чусовской рабочий». Словом, был чудиком от природы, отрицавшим авторитеты, трудно подчинявшимся дисциплине и выдержке, дабы не заплывать за буйки официальной пропаганды.

В Перми Астафьев и Армишев встретились вновь, перебравшись туда в 1962 году. Армишев стал одним из первых дизайнеров на пермском Нефтеоргсинтезе, а Астафьев набирал вес как писатель. Мало кому Виктор Петрович позволял присутствие в своём кабинете во время работы. Только маленькая Наташа Армишева (дочь Владимира) могла играть под астафьевским письменным столом, сидя на шкуре настоящего медведя. (Кстати, именно она стала одним из инициаторов издания двух отцовских книг).

А родился Армишев на реке Чусовой, у самых истоков Ермаковского похода в Сибирь — в деревне Вилижной тогда Верхнегородковского райо-

▲ В. Армишев. Рисунки лиц

на (теперь — Чусовского). Это совсем рядом с бывшими Нижнечусовскими Городками — только на другом чусовском берегу — в большой семье. В раннем детстве Владимира большая семья переезжает в г. Чусовой и поселяется в двухэтажном частном доме на ул. Комсомольской. Может, во время этого зимнего переезда из Вилижной в Чусовой на санях в тепле полушубка в глазах мальчика Володи навсегда запечатлелись звёзды...

Сейчас от ул. Комсомольской почти ничего не осталось, а раньше она была очень многолюдной («градообразующей»), в этом районе её пересекала большая «железная» лестница-монстр. По ней рабочий люд добирался утром и вечером на металлургический завод и обратно с верхотуры — на верхотуру больничного городка Старого города. Нового города тогда ещё не было и в помине, чусовские автобусы начали ходить много позже. Эту лестницу описал с позиции «единения рабочего класса» Валентин Курбатов, бывший чусовлянин, а ныне житель Пскова — известный литературный критик — в своём рассказе «Возвращение» и хорошо «восстановил» по памяти другой герой астафьевской затеси — чусовской художник В. Чаплыгин.

◀ В. Армишев. Двойной портрет дочери

ному художнику достигать превосходных результатов.

Он не кончал консерватории, но самостоятельно овладел игрой на фортепьяно настолько профессионально, что был приглашен в оркестр оперного театра. Он не учился композиции, но сочинил много прекрасных произведений, еще ждущих своего часа. Он разработал свою теорию музыки и наипростейшую систему записи нот, усовершенствовал рояль и ряд других музыкальных инструментов.

В математике оставил наше время далеко позади. Открытые им способы решения уравнений любой степени, извлечение любого корня из любого числа, новый способ моментального определения простого числа, каким бы огромным оно ни было, и т.д., он неоднократно демонстрировал нам, решая наши задачи в течение нескольких минут, а то и секунд, в то время как мы, будучи студентами физмата, программировали эти задачи на ЭВМ и тратили на это не один день. Жаль, что свои лучшие открытия он унес в могилу, так и не захотев осчастливить Человечество.

У него было более сотни изобретений, о которых он не любил говорить, но каждое из них было потрясающим: танк — шар, ветер — пароход, дающий электричество без всяких вращающихся деталей и т.д. Тяжело заболев раком, он посвятил целый год изучению этой болезни и, в конце концов, открыл способ ее лечения. Ему также удалось вылечить несколько людей, обратившихся к нему, но он отказался запатентовать свое открытие...

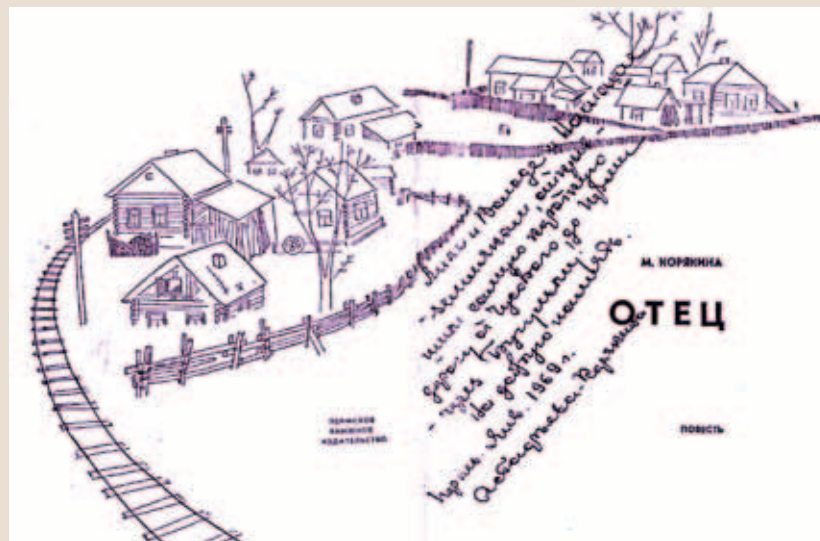
Он мучился поиском смысла жизни, и это нашло отражение в его

Дом родителей Армишева — Василия Степановича и Таисии Михайловны — выделялся среди других чувовских домов этого бойкого района — и своим месторасположением и разноголосьем множества жильцов. На втором этаже звучало даже пианино. Благодаря чувовскому художнику Ивану Слобожанину мы можем увидеть и «армишевские посиделки», и «армишевские типажи» за популярной тогда игрой в карты. На карандашном рисунке есть и сам художник, и Армишев-Гоголь, и его невеста Тамара Передвигина. Не здесь ли Владимир упражнялся в красноречии — его яркий ум всегда требовал эмоционального отзвука?

В предисловии к книге Армишева «Мысли в рифме» ее издатель В. А. Шемшук, исследователь знаменитой пермской аномальной зоны «Молетка», так пишет об авторе:

«Художник, изобретатель, поэт, математик, музыкант, композитор — в каждой из этих областей он достиг высот, однако большую часть своей

жизни представлялся художником, другие его достижения оказывались невидимыми постороннему взгляду. Как художник он отличался, прежде всего, тем, что с математической точностью разработал теорию цвета, позволяющую теперь любому зауряд-

▲ В. Чаплыгин. Портрет В. Армишева

▲ В. Армишев. Автопортрет

поэзии. Сочетание современности, мудрости и лирики делает его непохожим на других поэтов, в то же время в его стихах мы ощущаем давно нам известное и родное: свои мысли, чувства, даже события. Как все удивительно, похоже!»

Владимир Васильевич Армишев — это особая культурная страница г. Чусового. С максимализмом В. Армишева связано много самых разных историй-«быличек». Только не зная Армишева, неповторимого мистификатора и фантазёра, можно усомниться в возможности невозможного. Сам Астафьев, знавший Армишева и по Чусовому, и по Перми, говаривал, то ли укоризненно, то ли обиженно, слушая его «былички»: «Ведь знаю, что где-то наврал-придумал-спрятал «узелок», а вот где — понять не могу!»

Известна, например, история-«быличка», что в чусовском армишевском доме телевизионная антенна была столь высока, что её задел даже вертолёт. Потом якобы предложили повесить красные огоньки на верхушке антенны. Вот и не верь после этого про высоту армишевского полёта фантазии!..

Он мог ночью разбудить безропотную жену и попросить записать его ночной сон. Придя в гости к Аста-

◀ В. Армишев. Живопись мысли

«неожиданно» под ёлкой нашла плюшевого мишку и конфеты в папиной корзине...

Однажды Владимир Васильевич смотрел, как девочки играют у библиотеки в девчачью игру — классики. Было это в Москве у «Ленинки» (ныне РГБ). И родились стихотворные «Размышления у книгохранилища». Вот несколько строк из его экспромта.

*Над потоком обывателей
В нишах мраморных — писатели.
Смотрят каменные классики,
Как играют дети в классики.
Глухо бродят мысли вечные,
Даже в камне — человеческие:
«Мы культуру не калечили.
Человека — человекчили.
Зло клеймом позора метили,
Но чего-то не заметили.
Прорвалась душа звериная
В эру атома... с дубинойю.
И в нейлоне засверкал
Питекантропа оскал!»
Смотрят каменные классики,
Как играют дети в классики...
Дети солнцу улыбаются.
Мир — на лезвии качается. **УС***

фьевым на ул. Партизанскую, мог отказать от обеда по причине того, что он и так уже ест свою горбушку хлеба. Известен случай, когда он в гостях у В. Астафьева изорвал книгу С.П. Антонова из астафьевской библиотеки потому, что она «слабая». Уже живя в Перми, решил навестить дочку в летнем пионерлагере. «Отпросил» её у начальника лагеря, повёл в лес, где она

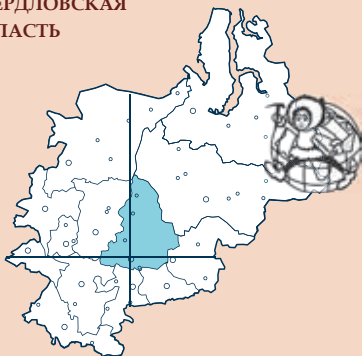
▲ Н.А. Шварц (слева) и А.И. Бабицкий у разрушенного памятника

Виктор Попов

Окончил Донецкий филиал Харьковского института искусств и Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Кандидат педагогических наук. Более 40 лет отдал преподавательской работе. Арт-директор фестивалей гитарно-симфонической музыки в Екатеринбурге. Автор и составитель нескольких книг о гитаре и творчестве Владимира Высоцкого, в т.ч. «Диалоги о гитаре» (2009) и «Письма о Высоцком» (2000). Живет в Екатеринбурге.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

ЖИЗНЬ

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Нечасто, но бываю на Михайловском кладбище на могиле мамы и бабушки. И вот в 1980-е годы мне стало известно, что погост этот собрались сносить. Уже основательно «почистили» территорию — многие металлические оградки вывезли, некоторые мраморные надгробья снесли, гранитные — были обрушены. То же было проделано еще раньше с еврейским и мусульманским кладбищами, которые находились на другой стороне улицы Блюхера, напротив, чуть правее от главного выхода с Михайловского. Их снесли и построили прямо на этом месте жилые дома — на костях человеческих.

Узнал я об этом, беседуя со старыми работниками, зрителями Михайловского кладбища, теперь уже покойными. Из тех долгих разговоров узнал, что на этом кладбище похоронены многие деятели культуры, искусства Свердловска. В том числе Петр Соломонович Столярский, замечательный педагог-скрипач, воспитавший целую плеяду знаменитых музыкантов. Во время Отечественной войны он, как и многие другие выдающиеся музыканты из разных городов СССР, был эвакуирован из Одессы в Свердловск. Здесь он умер и был похоронен совсем недалеко от церкви, слева от неё, если встать лицом к храму. Примерно посередине — между наружным забором и церковью. На памятнике была сделана надпись: «Народный артист УССР профессор орденоносец Петр Соломонович Столярский. 1871–1944 гг.»

Служители кладбища рассказывали, что несколько раз приезжали из других городов люди, интересовались этой фамилией и просили показать им могилу Столярского. Я воспользовался этой информацией, попросил показать и мне. Мы долго ходили по кладбищу с одним из служителей и, слава Богу, нашли! Но...

что же предстало нашим глазам? За высокой металлической оградой валялось на земле разрушенное вандалами, опрокинутое и разбросанное серо-мраморное надгробие. Прежде оно представляло собой квадратное в сечении основание — примерно 50x50 см, высотой около 70 см; на этом основании стояла круглая усеченная мраморная колонна диаметром около 40 см, завершающаяся мраморным же венком. Общая высота красивого мраморного памятника около двух метров. Повторяю, всё это было разбросано, хотя все детали остались на месте.

Буквально через несколько дней мы уже втроём — Наум Абрамович Шварц, скрипач, профессор Уральской консерватории; Алексей Иванович Бабицкий, баянист, педагог музпедучилища; Виктор Иванович Попов, баянист, директор железнодорожной музыкальной школы, — приехали на могилу к Столярскому, я взял с собой фотоаппарат. И снова — шок: металлическая ограда исчезла. Попытка поставить памятник «на ноги» не увенчалась успехом — он оказался не под силу двум мужчинам (профессор Н.А. Шварц по возрасту был не в счёт).

Иллюстрации предоставлены автором

◀ Остатки памятника на Михайловском кладбище

Тут же, на кладбище, Наум Абрамович решил: надо перенести прах Столярского и надгробие — пока не поздно! — на мемориальное Широкореченское кладбище в Свердловске, где также похоронены многие представители искусства и культуры.

...Начались долгие малоприятные хождения с этой идеей по инстанциям, по чиновникам. Три инициатора принимали в этом участие, но в основном этим занимался Н.А. Шварц. В конце концов, памятник все-таки был перевезен с Михайловского кладбища на Широкореченское и восстановлен там во второй половине 1980-х годов. Несмотря на настоятельные просьбы, ходатайства, прах перенести не разрешили (партийные органы, СЭС). Так нам сказал Н.А. Шварц.

С тех пор прошло почти треть века. К сожалению, уже не могу назвать точно, когда это было. Может, в архивах Уральской консерватории или в личном деле, в архиве Н.А. Шварца сохранились какие-то официальные письма, с которыми обращались в «инстанции» с соответствующими просьбами. Поисать бы...

Составляя это письмо, я наведаясь на Михайловское кладбище, попытался определить хотя бы примерно место фактического захоронения П.С. Столярского. Увы. Продираясь сквозь дикие зеленые заросли выше человеческого роста между старыми, еще сохранившимися надгробиями или их остатками и новоделами, которыми некоторые наследники заменили стгнившие железные памятники 1940–50-х годов, я не нашел даже признаков или каких-либо ориентиров захоронения выдающегося педагога и музыканта. Оно утеряно безвозвратно. Никакого порядка, никакого ухода — хотя бы минимального — за погребениями на Михайловском кладбище нет. Только редкие тропинки, едва видные в траве, протоптаны между могилами.

Уже стало общим местом ссылаться на ухоженные кладбища за границей. Там — распланированные дорожки, посыпанные песком; надгробия, не тронутые вандалами; скамеечки, располагающие к тому, чтобы посидеть на них, без суеты поразмышлять о жизни и смерти... Когда-то, в 1970-е годы, я был в Риге и посетил кладбище. До сих пор помню благостную атмосферу, душевный настрой, омытое тишиной умиротворение.

Надо непременно составить и издать географический путеводитель за-

хоронений со знаменитыми именами, с указанием секторов (участков). Дело долгое, трудное, затратное. Но — надо. Подобные путеводители были изданы, например, по московским Новодевичьему и Ваганьковскому кладбищам, по ленинградским Литераторским мосткам...

Хочу закончить небольшим фрагментом из книжки М. Гольдштейна «Пётр Столярский» (Иерусалим, 1989): «...Свердловская консерватория в трауре. Тысячи людей пришли попрощаться со Столярским. Были многолюдные похороны. Могила покрылась морем цветов.

На следующий день после похорон дочь Столярского в сопровождении его ученика Михаила Унтерберга отправилась на кладбище. К своему ужасу, они увидели, что могила была вырыта и возле неё лежал труп Столярского с открытым ртом и выбитой челюстью. Кто-то решил украсть золотые зубы. Состоялось новое перезахоронение. Это кошунство глубоко взволновало свердловчан, о нём узнали в разных городах страны. Милиция не смогла отыскать злодеев...» (Стр. 97).

Автор этой книги Михаил Эммануилович Гольдштейн тоже был учеником П.С. Столярского. Его брат Борис Гольдштейн — выдающийся, все-

мирно известный скрипач, лауреат многих международных конкурсов, был трагической фигурой «государственного антисемитизма». «Высшие чиновные инстанции признали дальнейшее развитие карьеры Гольдштейна «нецелесообразным»... «делалось всё для максимального торможения его концертно-исполнительской карьеры». Хотя 35 лет он был солистом Московской филармонии, но на протяжении почти 30 лет был невыездным. В 1974 году, в возрасте 54 лет, Борис Гольдштейн вынужден был вместе с семьёй уехать из СССР в Германию, где, наряду с исполнительской деятельностью, показал выдающиеся результаты и педагогической работы. (См.: Артур Штильман. Судьба виртуоза. // Ежедневная газета «Еврейское слово». М., 2007, 31 января — 6 февраля).

Заметим, что в шеститомной «Музыкальной энциклопедии» (1973–1982) и однотомнике «Музыкальный энциклопедический словарь» (1990) справки о Б.Э. Гольдштейне крайне лаконичны — не дают полной картины жизни музыканта. А Михаила Гольдштейна не упоминают вообще.

(Написано по просьбе руководителей Уральской консерватории и преподавателей струнной кафедры). **УС**

▶ Автор у памятника Столярскому, восстановленного на Широкореченском кладбище

Мы продолжаем печатать документально-художественное повествование о судьбе Надежды Михайловны Половцовой, именем которой был назван сталерельсовый завод, поселок при нем, а потом и город Надеждинск (ныне г. Серов Свердловской обл.). Читателя ждут встречи с людьми, окружавшими Надежду: ее отцом бароном Штиглицем, супругом А. А. Половцовым, архитектором Максимилианом Месмахером, инженером А. А. Ауэрбахом, вел. княгиней Елизаветой Федоровной и другими. События их жизни происходят в С.-Петербурге, Ивангороде на р. Нарове, в деревне Рапти под Лугой и на Среднем Урале. Недавно Серовскому металлургическому заводу было возвращено имя Надежды Половцовой.

«В нашей истории снам принадлежит решающая роль».

Томас Манн.
«Иосиф и его братья».

Белая горлица

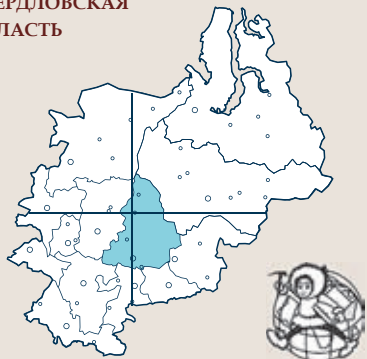
((Сны Надежды Половцовой))

Юний Горбунов

Писатель, историк издательского дела в России, автор сценария документального фильма и биографии Ф. Павленкова, нескольких книг, многих статей и очерков. Составитель материалов для словаря «Писательницы России» (более 15 тыс. имен). Редактор отдела истории и краеведения в нашем журнале.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Платье-бабочка

Похоронили Штиглица в подклете ивангородского Троицкого храма, где уже одиннадцать лет покоилась его жена Каролина Логиновна. Супруги Половцовы после похорон наедине оставались редко, и посмотреть друг другу в глаза у них не получалось. Но Надежде помнилась поездка в Рапти, семейное имение Половцовых под Лугой. Как поразил ее тогда пышно расцветший сиреневый сад!

Было самое начало июня, и в Петербурге сирень даже еще не взялась. А тут ее благоухание! Но на другой по приезде день налетел и гулял по лужской округе вихрь, поднимая клубы пыли и ломая деревья. От цветущей сирени мало что осталось. Будто минувшее несчастье снова им полыхнуло и напомнило о себе. И что же? О смерти, наследстве, о будущем без барона — папаша и тестя — не было сказано ни слова. Так, обычные бытовые разговоры. Зачем, мол, эта маята женщине? Пусть у главы семейства болит голова. На днях, сообщил ей муж, приедет к ним в Рапти художник Иван Крамской и будет писать ее портрет... И пошел Надежду вещий сон тогда в Рап-

тях, облетевшей в июне сиренью навязанный. Ночные грезы то и дело обрывались и этак прихотливо оборачивались какой-то немислимой явью. Будто она спала с открытыми глазами, и чудесно являлось ей грядущее ее детей и внуков.

...Во сне тюлевое платье паутиной белой пряжи, подаренное в день ее ангела, как живое, витало над ней, двенадцатилетней девочкой. И был никакой не декабрь, а лето в их парке на Парусинке. Платье то плыло над ней, надувшись облачком, то игриво опускалось к кустам душистого жасмина, а то, подхваченное ветерком, воспаряло ввысь, увертываясь от хищных еловых лап и мягких ладоней дуба. И вдруг обернулось большой зеленоватой бабочкой-крушинницей. На углах ее крыльшках Надя успела увидеть оранжевые метинки. Она ловила бабочку глазами, боясь потерять из виду. Ей было весело и боязно — вдруг улетит высоко, потеряется в дубовых и липовых кронах. Крушинница и вправду исчезла. Стоило Наде всего на миг закрыть глаза, а успели пролететь целые годы. И платье-бабочка, витающее над

▲ Бабочка Крушинница. Фото Павла Горбунова

▲ Пестроглазка Галатеея. Фото Павла Горбунова

◀ Французский портретист и живописец академической школы Каролус-Дюран (наст. имя Шарль Эмиль Огюст Дюран, 1838-1917) написал портрет Н.М. Половцовой в 1876 году. Надежде Михайловне 33 года

Парусинкой, явилось ей теперь крылатым парусником Аполлоном. По белому толло крыльев, частью даже прозрачных, платье-Аполлон было мечено черными и красными пятнами.

А кто это так голосит в комнатах их дома на Парусинке? Ба, да ведь это полугодовалая дочка Аннушка. Голосит?.. Да нет, она уже поет под собственное фортепьяно! И девочка Надя, глядя, как порхает ее платье-парусник, счастливо смеется музыкально-певческому ладу своей Аннушки. Надя, оказываясь, уже знает про ее грядущие музыкальные вечера в особняке на Сергиевской улице Петербурга, где, бывало, музицировал сам Антон Рубинштейн. Двенадцатилетняя Надя чудесным образом знает уже, что Аннушкины сыновья, по мужу князя Оболенские, все, кроме старшенького, не изменят музыка на самых крутых ветрах истории. Алеша, гвардейский ротмистр, будет петь басовые партии и давать уроки вокала в Нью-Йорке; Саша, кавалергард, адъютант генерал-губернатора в Киеве — лирический тенор — станет исполнять русские и цыганские романсы в Париже, а Петя, младшенький, возглавит собранный им оркестр народ-

ных инструментов и хор. И будет сочинять для него литургии, песнопения и романсы... Высоко поднялся и пропал из виду парусник Аполлон.

Спала она или не спала уже? А уходить из сна не хотелось. Еще промелькнуло мгновение в четыре года — и платье-бабочка вернулось к Наде пестроглазкой Галатеей с желтоватым — глазчатыми пятнами — исподом крыльев. Тогда родилась у нее дочка Надя — ее по Шашиному хотению одноименница. Запечалилась Надя, следя глазами за Галатеей. Всегда была вторая дочь ее болью-радостью. Черное то и дело чередовалось в ее жизни с белым. Рано-рано ее стало притягивать к себе небо. На Парусинке, а потом в Петергофском загородном особняке устраивала она себе домашние обсерватории и ночными часами жила в обществе планет. В свои 25 лет, работая в Пулковку, рассчитала коррекцию только что открытой планеты Геральдины. А вот замужество с сыном бывшего петербургского губернатора графом Алексеем Бобринском не задолго у нее: в сорок лет осталась одна с пятнадцатилетней дочкой, тоже Надю. Эта юная поэтесса, не ведая, что умирает от желудочной пагубы, все время просила читать ей Пушкина... А влечение к небу унаследовала другая дочь — София, выпускница Гатчинской военной воздухоплавательной школы. Полный Георгиевский кавалер, она жила в Париже и оставила книгу воспоминаний «Горе побежденным»...

На толловом Надином платье, витавшем пестроглазкой Галатеей, белого то всего ничего и осталось. Платье было не узнать — так разукрасили его пролетавшие мимо годы.

А первого сына — Сашу (на имени уже Надежда настояла) — в длянцем сне ей принесла белянка Аврора с крыльями оранжево-красного отлива. Он и по жизни был папиным сыном. Окончил, как и отец, императорское училище правоведения, служил в министерстве иностранных дел. В 1917-м умудрился попасть в комиссию по охране памятников искусства и старины. Эмигрантом жил в Париже. Читал лекции по истории русского искусства, древних дворянских родов. Был экспертом на книжных аукционах, сам писал книги и оставил рукопись воспоминаний. Продолжил, можно сказать, отцовскую стезю на ниве российской истории.

Следующее мгновение Надиного сна-видения длилось целых семь лет. Не было уже белого толла, а витала над Парусинкой нимфалида Аталанта, лесная обитательница, охотница из греческой мифологии. Только небольшие белые крапины на передних ее парусах выдавали бывший Надин толловый наряд. По всем темнобурым крыльям Аталанты пролегал красная перевязь — это явился на свет их младший сын Петр, охотник и вояка. По-домашнему Пит.

Он, увидевшись Наде, выбрал военную карьеру, хотя тоже не чурался искусств. Окончив Академию Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне. Февраль 17-го застал его командующим Петроградским военным округом. Пит единственный из Половцовых принял советскую власть, инструктировал кавалерию в Красной Армии. Но в 1928-м по семейной нужде уехал во Францию и на родину вернулся лишь 27 лет спустя. Знание языков и завидное трудолюбие помогли выжить за границей.

◀ Каролус-Дюран. Портрет Анны Половцовой-Оболенской. 1887 г.

Был знаком с Шалапиным, Глазуновым и тоже сочинял музыку.

Здесь Надино ясновидение разом оборвалось, и в ее сне вместо бабочек явилась на Парусинку... Белая горлица! Да, да, та самая птаха, обитательница папашиного кабинета!

— Ну, здравствуй, Богатична, — человеческим языком сказала птица и сразу неуловимо для Нади обернулась вдруг девицей, похожей и не похожей на птицу-горлицу.

Была и птицей, и человеком сразу. Платье ли на ней со шлейфом белометаллического отлива или обычный из перьев голубиный покров? Руками в широких рукавах то и дело взмахивает она или крыльями? А поймав-запечатлеть ее подвижную головку в прическе с хохолком Наде и вовсе не удавалось — Горлица вся была в движении. Да, правду сказать, Надио в ней ничего и не удивило — будто птица впорхнула в ее сон прямо из папашиных живых и теплых рук.

— Как живется тебе в этом хаосе бездушной материи? — продолжала Горлица. — Вижу, не сидишь сложа руки. Гляди, как детми-то обзавелась-озаботилась! Всевышний тобой доволен. А послал меня, чтобы ты не забывала нашу общую обитель. Не обижает Алебастровый? Это, скажу тебе, крепкий будет орешек...

Надя, слушая Горлицу, словно бы просыпалась от яви, возвращалась в сон.

— Мне здесь... — она долго искала слово. — Мне здесь невиданно, Горлица. В нашем прошлом с тобой саду... ты не представляешь... там было как-то тесно от... беспредельного блаженства и благоденствия. А здесь... я не умею тебе передать...

— Ба, подружка! Что я слышу? Не заиграйся, милая... Ты еще не знаешь хватку плоти...

Надежда проснулась.

Какой странный сон-видение с неведомыми картинками будущего ее детей и даже внуков. И эта горлица, якобы оставленная папашей... Кем послана она? Им самим?

Надежда была в растерянности, но одновременно чем-то необъяснимо грел ее этот сон, сулил какую-то надежду. Горлица называет ее Богатичной — а ведь верное нашла словечко! Говорят, богатичи, дети богачей, что голубые кони, редко в жизни удаются, больше маются. А ей не тот ли дивный выпал случай? Тюлевое платье! Ведь оно приснилось ей не вдруг. Его действительно родители подарили ей на двенадцатилетие. Не в модном магазине было куплено, а выношено личными визитами папаши в Кренгольмскую хлопкопрядильню, чтобы лучшую подобрали пряжу и тонаина была бы паутинной. Потом папаша вместе с ней навещался в мастерскую: шили бы платье под рост, под фигурку.

Надежда помнит, как она носилась в обновке по дому допоздна, никак не хотела расставаться, укладываясь спать. А утром... Утром платье ей вдруг не показалось. Явилось как... большая белая комната с голыми стенами, которую еще предстоит одеть в красивый наряд. И новое тюлевое платье было в одночасье размалевано разноцветной акварелью.

Каролина Логиновна принесла показать мужу и не находила упрёчных слов. А Александр Людвигович, глядя на самостоятельный Надин дизайн, задумался. Словно прозрение ему открылось. Почему нас окружает серая однотонная жизнь: заводы, мануфактуры, дома, одежда, быт?.. Почему все это смотрится этаким крестом, который надобно нести? Почему не берем пример с окружающей нас многокрасочной природы?

Очевидное не пришло ему на ум даже тогда, когда объявилась в Москве Строгановская школа рисовального ремесла и такая же при Обществе поощрения художеств. А вот в Надиной выходке, в капризе любимого и любящего существа, веление времени отразилось, как большое небо в капельке влаги: строить, шить, мастерить надо не только прочно, но и влекуще. Красота — предмет одухотворяющий и одушевляющий. Красивое всегда просится поцеловать. Хотя бы и воздушным поцелуем. Вот уж поистине желание ребенка сильнее приказа падишаха!

Барон не умел мыслить иначе, как глобально. Если с платьем не задалось, тогда он подарит своему найденьшу

► Генерал П.А. Половцов (в центре). Петроград. Июль, 1917 г.

◄ Скульптура А.Л. Штигица работы М.М. Антокольского

▲ Музей (на переднем плане) и Центральное училище технического рисования в Соляном городке. С 1953 года Высшее художественно-промышленное училище носило имя скульптора Веры Мухиной. А в 2006-м Петербургской государственной художественно-промышленной академии возвращено имя А.Л. Штигица.

рисовальное училище всероссийского охвата. И непременно с классами для девочек. И само собой с художественно-промышленным музеем, ведь мировая-то культура много чего накопила в эстетике предметной среды. Уже грезились барону филиалы в провинции...

Место Рисовальному училищу было облюбовано в Соляном городке, что на левом берегу Фонтанки, против Летнего сада. Прежде на Фонтанном берегу обреталась Партикулярная (для гражданских судов) верфь со всеми ее причиндалами. Барону территория понравилась: вроде бы и пустырь, а в самом столичном центре. Здесь под приглядом старой церкви святого Пантелеймона вдоль Соляного переулка и было на рубеже годов 70-х и 80-х хотеньем и деньгами Штигица и старанием все того же «семейного» зодчего Александра Кракау поставлено Училище технического рисования, до самых советских времен носившее имя барона. А когда обзавелось филиалами в Нарве, Ярославле, Саратове, стало именоваться Центральным.

Для Нади, Надежды Михайловны, мужней уже жены, от папашиного особняка до его же Училища по набережным Большой Невы было чуть ли не рукой подать. Да и от собственного их дома на Большой Морской недолго надо топтать. Любила этот найденный маршрут Надежда Половцова. Третьим домом, школой и обителью души стало для нее Училище. **BC**

Д.С.С. Следопыт, март 2018

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Ангелина Кусайко

Окончила геологический факультет Пермского госуниверситета. Инженер-геофизик. Десять лет преподавала историю и обществоведение в Верхнекамской средней школе. Отличник народного просвещения. Возглавляла отдел имущественных отношений администрации Чусовского городского поселения. Увлекается горными лыжами, историей и краеведением.

Иллюстрации из фондов музея Копалинской школы

Село Копально

Впервые упоминание о селе Копально появилось в переписи Прокопия Елизарова в 1647 году. Значит, селу насчитывается не менее 370 лет. Оно образовалось от слияния двух деревень — Степковки и Заручья. 23 июня 2017 года село праздновало свой юбилей. На сцене Дома культуры состоялся большой праздничный концерт, приготовленный Копалинским сельским домом культуры.

«И приспел Дарье срок рожать...»

О происхождении названия версии разнятся. Газета «Чусовской рабочий» писала так: «В то время оставались по берегам Чусовой беглые людишки из казачьей вольницы, ссыльные переселенцы и прочий трудовой люд, бежавший вниз по Чусовой от непосильной работы. Вот и Гаврил Антонович Копалин с женой плыли по реке, добрались

до дивных мест, когда приспел Дарье Поликарповне срок рожать. Первенец на свет появился в землянке, которая и положила начало деревне. Благодатные места оказались — зверья и рыбы вдоволь, в лесу — грибы и ягоды».

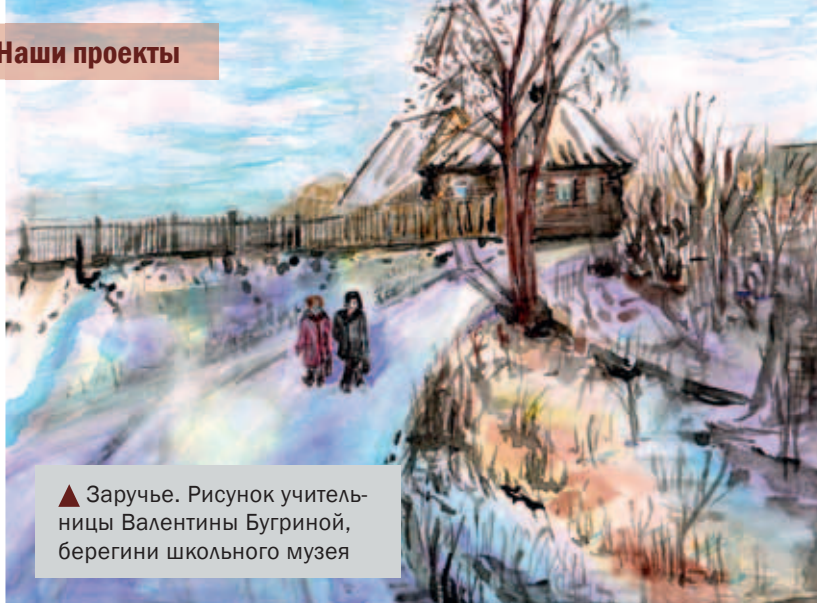
А местные жители название села объясняют тем, что первопоселенцы, меняя русло реки Чусовой, перекопали его и основали селение на месте древнего городища «чуди». В селе, мол, до сих

пор Чудиновы — самая распространенная фамилия.

В 1848 году благочинный П. Первушин писал: «Село Копально... расположено на высоком берегу Чусовой близ впадения речки Степковки. Вдоль по угору улица с одним рядом упирается в церковную площадь. За этой улицей вторая улица параллельно первой. Тоже с одним рядом домов. От реки Чусовой по угору берега реки Степковки идет улица с двумя рядами домов, которая упирается в глубокий овраг с ручьем. Улицы пересекаются проулками, выходящими в поля».

В 1877 году на пожертвования прихожан в селе была построена православная Покровская церковь. А к концу 19 века образовано двухклассное училище (впоследствии четырехклассное). Сегодня в этом здании — общеобразовательная Копалинская сельская школа. Строили в 1904 году всем миром, отбывая труд- и гужовинности. Высокое кирпичное здание стоит на пригорке напротив церкви, поблескивая большими окнами на три стороны света.

По изначальному замыслу в высоком цоколе фундамента хотели оборудовать мастерские для обучения детей ремеслу, пригодному для крестьянских нужд. Но замыслу воспротивился благочинный отец Николай: зачем де в храме познания плодить мастер-

▲ Заручье. Рисунок учительницы Валентины Бугриной, берегини школьного музея

стеной в склон. Другая дорога тянулась вдоль берега реки Чусовой. Вход в лавку был со стороны реки. По вечерам в доме купца собирались женщины на распевки песнопений церковного хора. На святую Пасху парни и девки гуляли во дворе. Первый вторник после пасхальной недели жители села праздновали «родительский день». Накануне вечером топили баню специально для покойника и сносили туда мыло, веник, белье. Сами крестьяне в этот день в баню не ходили, грешно, дескать, а главное — боялись, как бы с покойником там не встретиться.

Земля и Воля

После отмены крепостного права помещичьи земли передавались за плату с рассрочкой платежа на 40 лет. Земля передавалась не лично крестьянину, а общине (Бутеровское общество, Голицинское общество). Общинная комиссия наделяла землей по количеству в семье едоков. Земельные наделы крестьян, пашни и сенокосы были не в одном месте. Пашни по полям трехпольного чередования посевов. Сенокосы по разному качеству: заливные, суходольные, лесные.

Вспоминает Епифан Веприков: «Отец мой, когда пришел к матери в дом, тогда общественники с них половину земельного надела сняли, а было то надела всего на полдуши, мол, ты инвалид, получаешь пенсию. Это говорили те, от кого должна отходить земля, при земельных разверстках по едокам. Наше общество называлось Голицинским, у него было мало сенокосных угодий. Не так, как у Бутеровских. У них на душу пахотных угодий было от 3 до 9 десятин сенокоса, а у нас только 3 десятины. Поэтому общественники предложили косить сено исполу

▲ Разлив Чусовой. Река пришла в лавку

щину? Земство встало на его сторону, и подвал на сажень с лишним забутовали гравием. Почесали мужики затылки, да что тут поделаешь, выше головы не выскочишь.

В 1906 году появляется в селе общественная библиотека.

В доме купца Ерефелия Григорьевича Ярилова на первом этаже была его торговая лавка. Дом стоял на перекрестке двух дорог, одна из которых шла в гору, и двухэтажный дом красного кирпича как будто вырос одной

▼ Дом купца Ярилова

тоубийству — Первой мировой войне. Много было крику, шуму и сомнений».

До Февральской революции административным органом власти в районе было волостное правление Калино-Камасинской волости Пермского уезда, центр которого находился в селе Верхнее Калино. В марте-апреле, когда создавались первые Советы на местах, в Калино-Камасинской волости образовался Волостной совет, а в деревнях были избраны земельные общества Советов крестьянских депутатов.

После революции помещичью землю поделили между обществами. Епифан Веприков выпросил в окружном комитете земельный участок, принадлежащий графу Шувалову, и через два года смог прокормить свою семью хлебом.

Шубы, хлебозаготовки и Пинские болота

Крестьяне в Копально жили крепкими хозяйствами, дома ставили добротные, в основном пятистенки и шестистенки с крытыми дворами. Сьновьи избы ставили рядом под одни ворота. У некоторых копалинских «достаточных» крестьян имелось по 5 лошадей, 5-7 коров, у большинства же по 2-3 лошади, 3-4 коровы, 5 овец.

Пашня по дедовскому обычаю была разбита на трехпольный севооборот и принадлежала земельному обществу. Важные дела решались всем миром на собраниях.

Вот отрывки из воспоминаний копалинского крестьянина Афанасия Семеновича Долматова 1896 г.р., хранящиеся в Чусовском краеведческом музее.

Семья отца имела земельный надел на 2 души, это около 4,5 га пашни, держали две рабочие лошади, две коровы и другой скот. Из восьми детей Афанасий был младший. Со старшими братьями ездил на лесозаготовки. В 1913-1915 годах учился портняжному делу у крестьянина Василия Батанова.

у французов. В то время Чусовским заводом управляли французы и их свита, они имели хорошие сенокосы на наших землях в гарях. Эти сенокосы были изъяты после отмены крепостного права в виде отрезков. Вот отец и страдал исполу на части этих покосов.

Когда я подрос, подал заявление на общее собрание. Обсуждая, дать или не дать мне землю, говорили, что молод еще, но большинством голосов комиссия решила дать земельный надел на 1/8 души — это 300 кв. сажень. Землю я должен был получить от горлохвата: у него было больше всех земли, а едоков меньше. Дали мне пашню плохую, подмористую, сырую. Надо пахать, а вода стоит. Пашни набралось 12 полос мелкой чересполосицы, при обработке только время проводишь, а пользы мало. Хлеба для всей семьи не хватало, приходилось покупать».

В 1917 году в Копально состоялись демонстрация и митинг по случаю отречения царя Николая II и при-

хода к власти временного правительства. «На митинг пришли с флагами-лозунгами, музыкой с красными бантами — свобода! Перед началом торжества снялись на большую карточку, а потом заполнили здание школы — стены прогнулись!.. На митинг приехали ораторы от меньшевиков, эсеров, большевиков. Народ ждал, что новая власть положит конец смер-

▼ Митинг в Копально

► Демонстрация в селе Копально в мае 1917 г.

Он научил шить одежду, вместе ходили по деревням, обслуживая крестьян.

В августе 1915-го призвали в царскую армию. Попал в артиллерию. В боях в районе Пинских болот получил ранение. Награжден Георгиевской медалью IV степени.

Февральская революция застала на тех же Пинских болотах у станции Молодечно. Был свидетелем, как солдаты расправлялись с ненавистными офицерами, не выполняли приказов командования. Были созданы солдатские комитеты. Афанасия избрали делегатом от воинской части 112-го артиллерийского дивизиона. Приходилось участвовать в боевых операциях по борьбе с контрреволюцией.

В Копально Долматов вернулся в феврале 1918 года. «Царская армия развалилась, солдаты самовольно покидали воинские части, отправлялись домой. Так и я отправился в родные края». Добровольно вступил на военную службу при Копалинском военном комиссариате. Зачислили стрелком в отряд при комиссариате. Позднее отряд стал красногвардейским, выполнял приказы Лысьвенского военкомата в прифронтовой полосе на станции Калино. Командиром был Павел Семенович Латкин. В ноябре 1918 года подал рапорт о приеме в Красную Армию. Направили в г. Вятку, потом в Котельнич. Обучал солдат военному делу. В мае 1919 года отправили на фронт. Был командиром взвода стрелков. Получил тяжелое ранение и два месяца лечился в городе Рыбинске. После по-

► А.С. Долматов

▼ Семья А.С. Долматова

пал на нестроевую службу на лесозаготовки и сплав в Калининский район. Таким образом очутился дома.

Женился. Жена Александра Федоровна Долматова была из семьи зажиточного крестьянина Федора Фетисова. В одном из его домов они и жили. Фетисовские дома стоят в Заручье до сих пор.

В 1929 году Афанасия Семеновича избрали председателем товарищества по общественной обработке земли (ТООЗ) «Новый путь» в Заручье, куда вступило 17 хозяйств.

В 1930-м он председатель Копалинского сельского совета. «Время было трудное. Пришлось проводить первые хлебозаготовки, установленные на район. Обязали все хозяйства. В первую очередь зажиточную часть деревни, а потом середняков. Приходилось принимать жесткие меры к некоторым крестьянам». Дважды избирался секретарем партийной организации колхоза «Новый путь». Пермский облисполком назначил ему персональную пенсию в размере 30 рублей в месяц.

Супруги Долматовы воспитали одиннадцать детей. Александра Федоровна Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1949 года награждена орденом Материнская слава.

Семья Долматова вела большое хозяйство — утки, гуси, индюки, корова, два теленка, овцы, лошадь, две собаки лайки, пчелы, огород 25 соток, голубятня... Афанасий Семенович пользовался большим уважением у сельчан. На пенсии шил шубы и полушубки из овчины. В доме всегда много было людей. Его хоронили в 1977 году с митингом и оркестром.

▲ Павел Симонов (сидит)

Сходка на Диком лугу

В августе 1918 года из Калино-Камасинской волости выделился Копалинский волостной совет во главе с военным комиссаром Федором Семеновичем Долматовым (брат А.С. Долматова). Обстановка в Калинской и Копалинской волостях Пермского уезда была тревожной.

На кирпичном заводе «Огнеупор» на станции Калино была создана военнизированная дружина. Командиром избрали рабочего завода П.С. Мальцева, бывшего унтер-офицера царской

ектов на железнодорожных путях станции Калино. Отряд состоял из двух полных взводов и подчинялся Лысьвенскому ЧК.

В заводскую дружину «Огнеупора» вступили два тезки-копалинца. Павел Симонов, токарь снарядного цеха Лысьвенского завода, и Павел Ермаков. Обоим было по 19 лет.

В октябре того же 1918 года в Копалинской волости случилось ЧП. На Диком лугу против деревни Нижней Лещевки собрался нелегальный сход крестьян (кулаки и подкулачники). Его поднял некий Аркаша Филимонов, а спровоцировал военный комиссар Копалинского комиссариата Михаил Димиденко своей жесткостью против крестьян, встревоженных переписью лошадей.

О тайной сходке узнали Симонов и Ермаков. Они пробрались на луг, схоронились в кустах и слушали речи возмущенных крестьян. Когда зашел разговор об оружии, Павел Симонов не выдержал, взобрался на остожье (куча соломы) и закричал: «Не слушайте смутьянов, советская власть наша народная, ее надо защищать!» За ребятами погнались, но они убежали. А утром следующего дня Лысьвенская ЧК начала аресты участников сходки. Арестовывал Афанасий Долматов, служивший стрелком в Копалинском комиссариате. Арестовали и Михаила Димиденко и сняли с работы. Вместо него приехал новый комиссар Теплов. Арестованных вскоре выпустили, кроме двоих зачинщиков сходки — Чунжина и Недорезова. «Красные» расстреляли их при отступлении в декабре за Верхнечусовскими городками.

В декабре 1918 года 1-й Среднесибирский корпус генерала А.Н. Пепеляева прорвал Лысьвенский фронт, и части 3-й Красной Армии отступили в направлении станций Калино и Чусовская. Начальник 29-й дивизии М.В. Васильев писал: «Измученные шестиме-

◀ Жажичные семьи

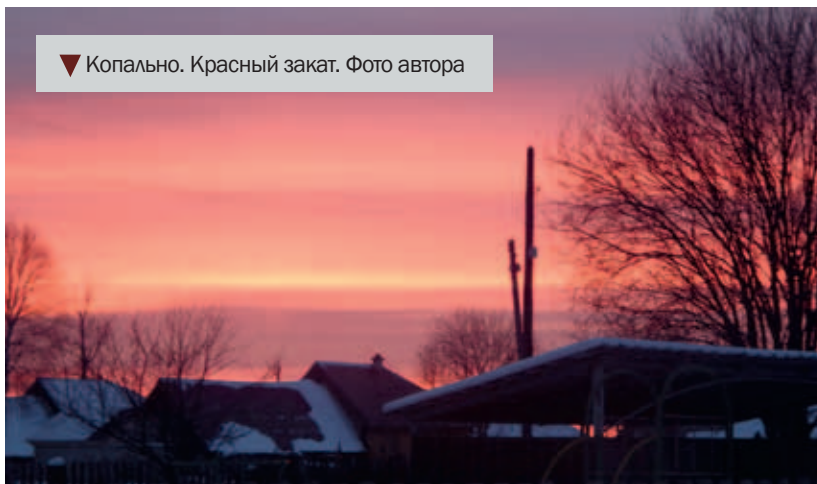

▲ Павел Ермаков

армии. В дружину записывалась заводская молодежь и крестьянские парни из сел и деревень Лещевки, Копально, Борисовой.

Вскоре дружина стала красногвардейским отрядом. Несла охрану объ-

▼ Копально. Красный закат. Фото автора

счяными боями, мы отступаем в тридцатиградусные декабрьские морозы. Бойцы размалывают овес и делают овсяные лепешки. Идем лесом, без дорог, полураздетые, отчаянно отбиваясь от нападающего противника». Ушли с красногвардейцами и крестьянские парни Симонов и Ермаков. 13 декабря колчаковцы вышли на станцию Калино, а 15 декабря взяли село Копально.

На помощь 29-й дивизии Красной Армии спешили из Перми полки Особой Камской бригады, которые заняли оборону по линии станций Сыльва и Ляды. Но это не улучшило положение. Часть красногвардейцев попала в плен, часть ушла в леса.

Ребята попали в плен на станции Валежная, но сбежали и лесом добрались до деревни Средняя Лещевка в дом Павла Ермакова. Но их заметил сосед Яков Куликов, который помнил аресты Лысьвенского ЧК и сходку на Диком лугу. Позже он стал председателем колхоза. Яков запрет лошадь и ночью поехал в Копально доносить на ребят. Комиссариат колчаковцев располагался в доме Федора Фетисова в конце деревни Заручье. Он был богат, держал сторону белых и местных кулаков. Этой же ночью ребят схватили дома, били. Предлагали служить в армии Колчака, но они отказались.

В Лещевке срочно собрали сход крестьян обсуждать судьбу арестованных парней. Лещевское земское общество не захотело взять их на поруки. Мужики припомнили ребятам срыв собрания на Диком лугу, арест участников, расстрел... Родители не смогли собрать нужное количество подписей, чтобы спасти ребят от расстрела. Рано утром их вывезли в одном исподнем на трех санях, а 6 января 1919 года в канун Рождества они были расстреляны на Копалинском сельском кладбище.

28 сентября 2017 года на кладбище села Копально восстановлен памятник Павлу Иосифовичу Симонову и Павлу Егоровичу Ермакову. Освободили село от колчаковцев в июле 1919 года.

В тылу и на передовой

В 1940 году от приусадебных участков сельских тружеников в пользу колхоза «15 лет Октября» власти отрезали 3,18 га земель. Такая политика преследовала цель заставить крестьян работать в общественном хозяйстве. Кроме того, увеличение колхозных земель автоматически поднимало госпоставки по налогам. Помимо госпоставок, каждое хозяйство индивидуально платило продовольственный налог с отдельной семьи: яйца, шерсть, мясо, масло сливочное и топленое, картофель. Если в хозяйстве не было яиц, то сельяне шли в лавку, покупали яйца и сдавали государству. В 1939 году стоимость трудодня составила 1 кг 670 г зерном и 1 руб. 33 коп. деньгами. А ведь это был основной источник пропитания для крестьянской семьи.

В войну, когда почти все мужчины ушли на фронт, хозяйство и госпоставки по налогам держали на своих плечах женщины. Пахали, сеяли, убирали, даже 8–10-летние дети работали. В том числе и на лесозаготовках. Бригада копалинских женщин на реке Койве перевозила лес на казенных лошадях. Анна Егоровна Чеснокова вспоминала: «Ели грибы с червяками, а когда горели сырые галоши у печки, на работу ходили по очереди с подругой Анной Шибановой». Женщины заменили мужчин на полях, учились водить трактор. Копалинские бабушки вязали носки для бойцов Красной Армии и отправляли на фронт.

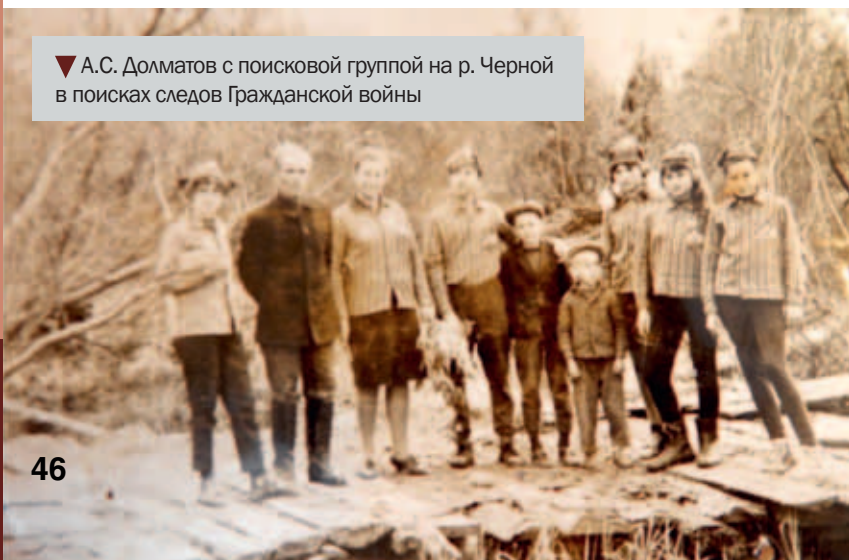
Но и в это тяжелое время сельяне сумели дать займы 200 тонн зерна колхозам Куединского района. Все свои личные сбережения — 743000 рублей — внесли на строительство танков и самолетов, за что были отмечены благодарственной телеграммой И.В. Сталина.

Из села Копально, деревень Кучино, Темной, Махнутино, Борисово ушли на войну 146 человек. Был среди них и Иван Егорович Фетисов, уроженец деревни Заручье, Копалинско-

▼ У памятника П. Симонову и П. Ермакову

▼ А.С. Долматов с поисковой группой на р. Черной в поисках следов Гражданской войны

го сельского совета. Мобилизованный 14 января 1942 года, он попал в 202-ю стрелковую дивизию в составе 11-й армии рядовым-пулеметчиком. Дивизия держала оборону на Валдайском направлении Северо-Западного фронта. Населённые пункты в полосе обороны дивизии часто переходили из рук в руки. В январе-феврале 1942 года советские войска перешли в наступление и окружили основные силы 2-го армейского корпуса 16-й немецкой армии группы армий «Север». В историю эта операция вошла под названием «Демянский котёл».

Уральский следопыт, март 2018

▲ Иван Егорович и Александра Николаевна Фетисовы. Довоенное фото

► Бабушки из с. Копально, вязавшие бойцам на фронт теплые вещи

◀ День села. Фото автора

В журнале боевых действий сохранились описания жестоких боев за село Запрудно: «24 марта 1942 г. 202-я стрелковая дивизия в течение дня вела подготовку к ликвидации опорного пункта противника Запрудно, 645-й Краснознаменный полк пополнял свои боевые порядки за счет расформирования лыжных батальонов. Противник из района Запрудно вел пулеметный огонь по боевым порядкам наших подразделений».

В конце марта 1942 года сослуживец и тоже уроженец села Копально Егор Петрович Чудинов в письме к своей жене сообщил, что Иван Егорович Фетисов 24 марта из боя не возвратился.

В те годы солдат, пропавший без вести, приравнивался к предателю,

поэтому много об этом не говорили, но жена Фетисова — Александра Николаевна — долгие послевоенные годы ждала и надеялась, что придет с войны ее Иван.

История солдата-пулеметчика Ивана Фетисова получила продолжение в 2015 году. 1 мая отряд «Поиск-вездеход» города Пензы, ведя поиск солдатских захоронений в районе села Запрудно Демянского района Ленинградской области, поднял из земли солдатский медальон. Он оказался с запиской — редкая удача. Чернила выцвели, но можно было прочитать: «Фетисов Иван Егорович 1899 года рождения».

Памятная записка из солдатского медальона вручена племянникам

супругов Фетисовых — учительнице Любове Федоровне Шелковниковой и Зое Александровне Вилисовой.

В день юбилея села перед жителями и гостями с танцами и песнями выступали школьники Копалинской сельской школы. Громкие аплодисменты публики вызвал танец «Ромашковая Русь». Вместе с исполнителями зал пел песни «Володенька» и «Край родной». Порадовали зрителей юные танцоры, исполнившие танцы «За околицей» и «Встреча».

Словами уважения и признательности были отмечены люди, неравнодушные к жизни села, ветераны труда и труженицы тыла.

Видеоряд, составленный из эпизодов жизни села, всех привел в восторг. Многие узнавали себя на экране в рядах Бессмертного полка, на лыжных гонках, веселой Масленице. А еще копалинцы увидели свое село с высоты птичьего полета. Широкая река, заливные луга с буренками, дороги, лентами выходящие сквозь дома, пестрящие разноцветными крышами. С высоты видно все село, растянувшееся вдоль берега полноводной Чусовой и будто улыбающееся в золотистых лучах света. ✎

При подготовке текста были использованы воспоминания и работы А. С. и Б. А. Шелковниковых, В. А. Александрова, Епифана Веприкова.

▼ На Северном Урале. Фото
из архива «Уральского следопыта»

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134 – 241X
следопыт
www uralstalker.com

Март 2018

Аэлита

50

Законы Вселенной

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА
Дракон и Ласточка

50

55

Законы Вселенной

ЯРОСЛАВА ОСОКИНА
Синее-синее в тених и на солнце

55

60

Законы Вселенной

РОМАН ВЛАСОВ
Пять свиданий

60

68

Координаты чудес

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВИЧ
Истории мёртвой земли

68

80

Повод для улыбки

БОРИС БОГДАНОВ
Виктор Павловски, чудовище

80

Дракон и Ласточка

Екатерина Бакулина

Родилась в Москве, где и живет до сих пор. Закончила Московский педагогический государственный университет, художественно-графический факультет, по образованию — учитель рисования и черчения. Немного даже поработала в школе. Но основная ее специальность — компьютерная графика. Занималась спецэффектами для кино, рекламы, рисовала персонажей для 3D мультиков. Сейчас не работает, занимается дома с детьми. Писать пытается давно, с переменным успехом. Первая публикация состоялась в 2005-м, в журнале «Порог», потом ещё в газете «Просто фантастика», американском журнале «Я», но потом всё как-то заглохло. Теперь взялась за дело снова, из последних публикаций — «РБЖ-Азимут» (№ 25), пилотный номер «Астра-Нова»/«Меридиан», первый самостоятельный номер «Астра-Новы».

- Это ещё что?
 - Рапорт, сэр.
 - Я вижу, что рапорт. Какого чёрта, спрашиваю.
 - Дракон просит перевести его в проект «Странник 9».
 - Вместо Ласточки?
 - Нет, вместе с Ласточкой. Он утверждает, что это пойдёт на пользу проекту и эффективность исследований резко возрастёт.
 - Что за бред? Проект индивидуальный. С какой стати нам прокладывать второй маршрут...
 - Нет, сэр, Дракон предлагает себя в качестве дублирующей системы. Он пойдёт по одному маршруту с Ласточкой. Он утверждает, это повысит надёжность и точность результатов.
 - Предполагаемая точность нас и так вполне устраивает. И бюджет не резиновый, отправку сразу двух аппаратов на Проксиму мы не потянем.
 - Да, сэр. Меня только удивляет... знаете, Дракон всегда был слишком амбициозен для вторых ролей, он один из лучших, он сам подал заявление к нам и настаивал, чтоб его направили именно в «Странник 8», к звезде Барнарда, потому что туда ещё никто не летал, даже беспилотники. А теперь просит перевода...
 - Что вы хотите этим сказать?
 - Наверно, у него есть какие-то веские основания...
 - Бросьте. Какие могут быть основания?
- К тому же, кого я поставлю на его место? Подготовка идёт полным ходом, мы не можем срывать сроки проекта.

— Значит, отклонить, сэр?

— Да.

* * *

— Сэр, новый рапорт от Дракона.

— Опять? Чего он хочет на этот раз?

— Того же самого. Но на этот раз он упирает на психологический фактор. Утверждает, что оди-
ночные полёты плохо сказываются на психике.

— Какой ещё психике? Он же машина!

— Прошу прощения, сэр, но он не вполне ма-
шина. Дракон — кибернетический организм, об-
ладающий разумом. Несмотря на то, что согласно
Брюссельской конвенции он несёт в себе не более
двадцати пяти процентов органических тканей,
всё же не корректно...

— Мне плевать, сколько у него там процентов!
Это машина, собранная в нашем цеху. Пошли его
к чёрту!

— Да, сэр. Но он отмечает, что, по последним
исследованиям Тьюнинга, именно психологиче-
ский фактор привёл к сбоям на предыдущих про-
ектах.

— Тьюнинг — шарлатан, не имеющий никако-
го отношения к науке. Мы потеряли Тесея из-за
ошибки в расчёте маршрута, он попал в гравита-
ционное поле Сатурна. У Ариадны произошёл от-
каз навигационного оборудования, и она верну-
лась на Землю. Арго...

— Да, сэр, но все они слышали в космосе голоса.

— Космос полон голосов. Мы непрерывно тре-
племся на всех частотах.

— Да, но все они утверждают, что голоса обра-
щаются к ним. Это пугает их.

— Я не пойму, этот Дракон, он что, боится голосов?

— У Дракона самые лучшие и самые стабиль-
ные показатели по всем тестам. Если бы он был че-
ловеком, то такого спокойного, уравновешенного
и не подверженного всяким фобиям...

— Хватит. К чему вы клоните?

— Вряд ли он боится за себя, сэр.

— Тогда какого дьявола ему надо?

— Думаю, он переживает за Ласточку. Она едва-
едва прошла по нормативам.

— Если Ласточка не соответствует, давайте пе-
реведём её на ближние полёты, у нас и тут работы
навалом. Хоть на Венеру.

— Формально она соответствует. Ласточка рвёт-
ся к звёздам, сэр. И она очень просит не отстра-
нять её, уверяет, что справится.

— Она просит? Наплодили тут, кибернетики...
Этот хочет туда, эта сюда... Старые добрые авто-
маты были надёжнее.

— Но, сэр, в качестве исследователя ни одна ма-
шина не сравнится с человеческим разумом. В да-
лёком космосе невозможно предусмотреть всего,
а автоматы не способны принимать нестандарт-
ные решения. К тому же...

— Да, знаю... Дракону отказать.

* * *

— Новое сообщение от Дракона, сэр. Он го-
ворит, что понимает сложности финансирова-
ния и готов отказаться по возвращении от пенсии

и прочих социальных программ. К тому же уверяет, что результаты, которые будут получены в ходе исследований, покроют расходы и превзойдут все ожидания. Он приводит ряд выкладок, и, ознакомившись с ними, сэр, позвольте заметить, я думаю, что, возможно, действительно будет выгоднее отправить их в паре.

— Нет. Этот Дракон морочит нам голову.

* * *

— Сэр, тут снова... Я, пожалуй, зачитаю дословно: «Я понимаю, что никакими разумными доводами вас не убедить, поэтому прошу просто по-человечески, позвольте нам отправиться вместе...»

— Достаточно! Он что, неврастеник? Вы же, кажется, говорили, что это самая уравновешенная из всех наших моделей.

— Так и есть. У него лучшие показатели и самый высокий исследовательский потенциал. За три года работы на Марсе он показал себя как лучший в серии, именно поэтому мы и отобрали его для программы освоения дальнего космоса.

— Вероятно, мы ошиблись. Но теперь уже поздно искать нового кандидата, старт через неделю. Правительство свернёт нам шею за срыв сроков.

* * *

— Сэр, Дракон...

— Опять?

— Он говорит, что отказывается лететь к звезде Барнарда. Либо он отправляется вместе с Ласточкой к Проксиме Центавра, либо вовсе никуда.

— Это что, ультиматум?!

— Похоже на то, сэр.

— Передайте ему... да, передайте, что если я услышу от него ещё хоть слово — оставлю на Земле... и разберу на запчасти!

— Да, сэр. Но не думаю, что это его остановит.

— Что?! Тогда передай — спишу в утиль обоих, и эту чёртову Ласточку тоже!

— Понял, сэр.

— Господи, никогда не думал, что буду угротать машине.

* * *

— Какие у нас новости?

— Полёт проходит нормально, сэр. Ещё месяц до орбиты Юпитера Дракон и Ласточка пройдут вместе, потом разойдутся. Показатели у обоих в норме, уровень тревожности даже у Ласточки очень низкий. Все системы работают в штатном режиме.

— А что там с голосами?

— Они засекали сигналы невыясненной природы, но пока это их не слишком беспокоит.

* * *

— Сэр, с Ласточкой, похоже, проблемы.

— Что опять?

— Уровень тревожности очень высок и продолжает расти. Если так пойдёт и дальше, высок риск сбоя системы.

— Какого чёрта? Мне же говорили, что учли ошибки предыдущих проектов и на этот раз сбоя быть не должно.

— Да, сэр. Нам впервые удалось достичь пояса Койпера, раньше наши аппараты срезались ещё на внутренних орбитах.

— Что говорит сама Ласточка?

— Она уверяет, что справится, сэр, просит не отзывать её. Говорит, что этот полёт слишком много для неё значит.

— Каковы шансы на успех?

— Примерно пятьдесят на пятьдесят.

— Хорошо. Что с Драконом?

— Дракон идёт нормально, все показатели близки к оптимальным.

— Отлично! А как паниковал на Земле, а!

— Прошу прощения, сэр, но Дракон беспокоился не за себя.

— Вот и накаркал, чёрт бы его побрал!

* * *

— Сэр, сообщение от Дракона.

— Да?

— Он просит отозвать Ласточку принудительно, говорит, она едва держится и всё время плачет.

— Плачет?

— У них выделенный канал, сейчас качество связи уже плохое, куда хуже, чем с центром, а примерно через год может вообще исчезнуть, слишком велико расстояние. Но пока они могут общаться.

— Да я не об этом. Она машина... как она может плакать? Что за чушь?

— Ей страшно, сэр.

— Страшно? Судя по вашим докладам, у Дракона тоже был сложный период, но сейчас он функциони-

рует стабильно. Надо полагать, он справился со своими страхами. Возможно, и Ласточка справится.

— Сэр, если мы вернём её сейчас, то по крайней мере сохраним и сможем использовать в дальнейшем. Но если Ласточка запаникует, то мы можем её потерять совсем.

— Подождём ещё немного. Дадим этой Ласточке шанс.

* * *

— Сэр, у Ласточки проблемы. Почти полный отказ системы навигации, сбой в терморегуляция и жизнеобеспечении, связь с ней нерегулярна, сильные помехи.

— Возвращайте её.

— Мы не можем, сэр. Она отказывается возвращаться.

— Какого чёрта? Возвращайте принудительно.

— Не выходит, сэр. Вероятно, какой-то сбой системы... Последнее сообщение от неё: «Я вижу звёзды!», и я думаю... одну минуту, сэр, меня вызывают по другой линии... одну минуту...

— Что еще?

— Сэр... мы потеряли связь с Драконом.

— Что?! Вы же уверяли, что с ним полный порядок, никаких проблем!

— Да так и было. Похоже, он просто выключил связь.

— Какого дьявола?!

— Думаю, сэр, он полетел за Ласточкой.

* * *

Звезды. Миллионы и миллионы крошечных точек, словно дыры в тяжелом бархатном полог

космоса, за которым горит свет. Стоит протянуть руку, отдёрнуть эту проеденную молью завесу и... Что скрывается там?

Нет, наверно, я просто схожу с ума.

Если закрыть глаза... если бы можно было закрыть глаза!

Если закрыть глаза, то можно вообразить, что плывешь по реке.

Вода тёплая, почти неощутимая, несёт тебя словно бумажный кораблик...

Нет...

Если открыть глаза — можно вообразить, что ты дома, ещё совсем мальчишка, лежишь на лужайке на заднем дворе и смотришь в небеса.

Родители давно спят, а ты осторожно выбрался в окно, прокрался, как настоящий герой, по карнизу и притаился за кустом жимолости.

Лег тихонько навзничь.

Земля холодная, уже успела остыть, но тебе всё равно... и мама, конечно, завтра будет ругать, увидев измазанную травяным соком рубашку. Пусть ругает!

Зато сейчас ты смотришь на звёзды! И нет больше ничего вокруг.

Вселенная готова раскрыться и принять в свои объятия.

Небо чёрное-чёрное, такое огромное, что кружится голова.

Наверно, страшно потеряться в этом небе...

Не бойся, маленькая, я уже иду... я уже скоро...внизу, у реки, поют цикады...

Я уже иду!

* * *

— Сэр! Ласточка вышла на связь!

— Что? Какая ещё Ласточка?

— Ласточка! Помните, сэр, около восьми лет назад мы потеряли с ней связь?

— Да... припоминаю. Она вернулась?

— Нет, сэр. Она недалеко от Проксимы, подаёт сигнал SOS, просит выслать буксир, забрать её и Дракона.

— Он что, тоже там?

— Да, сэр. Ласточка говорит, что Дракон нашёл её, смог вытащить едва ли не с того света... Даже не представляю, как это ему удалось при неработающей связи!

— Вот же чёрт... А буксир им зачем? Ласточка не может лететь?

— Ласточка в порядке... ну, насколько это возможно. А Дракон посадил двигатель ускорением и бесконечными манёврами, сжёг всё топливо. Удивительно, как вообще не развалился на части! Я не думал, что наша техника способна на такое. При самом экономичном режиме систем жизнеобеспечения хватит лет на шесть, может, чуть больше.

— А потом?

— Потом... потом, сэр, мы тоже сможем вернуть Дракона на Землю, но только как аппарат.

* * *

— Сэр, Касатка просит перевести её третьей, в группу «Странник 12».

— Третьей? Чёрт бы их всех побрал! ...переводите. **УС**

Синее-синее в тених и на солнце

Ярослава Осокина (псевдоним)

Родилась и живет в Москве. В 2005 году окончила Российский государственный социальный университет, а через два года перешла на веб-разработчика в Институте электроники и математики. Работает по специальности, рисует и придумывает разные истории. Первая целиком написанная повесть (лет в пятнадцать) была о пиратах и приключениях. В 2006 году в журнале «Scienco kaj kulturo» была напечатана маленькая повесть на эсперанто. С 2015 года публикуется на сайте samlib.ru.

Марик был чёртовым долбанутым придурком, и если вы думаете, что это можно сказать как-то по-другому, то ошибаетесь.

Кира собиралась ему голову проломить, но Грай удержал. Поймал её за руку, хохотнул и пошёл дальше.

Кира рванула в противоположную сторону, стискивая кулаки, — потому что растерянное лицо Марика вызывало только невыносимое желание врезать по нему от души.

Но Марик — слабак. Поломается, и правда, даже от одного удара. И кто потом им чинить все железяки будет? Герка-кузнец? Он только по-крупному работает, остальное в его толстенных пальцах просто крошится.

А ведь так хорошо всё начиналось.

Кира с Граем столкнулись в маленьком коридоре, она уже шла отдохнуть перед дежурством, он — по делам, перекинулись парой слов, и Грай вдруг сказал, что она очень красивая сегодня, и притиснул её к стене, жарко дыша, впился в губы.

Кире он давно нравился — а что, высокий, крепкий, один из лучших бойцов базы. Поэтому она собиралась немного посопротивляться — для интереса, а потом сдаться. Грай же не дурак, поймёт, что Кира имеет на самом деле в виду.

Но зато чёрт принёс настоящего дурака: на шум и возню сюда заглянул Марик, и вот ведь надо же!.. полез её защищать. Её! И от кого!

Да она двоих таких, как Марик, могла бы пополам скрутить и переломать как веточки. А уж сам Грай-то и нечаянно зашибить мог.

Но он только посмеялся. И ушёл.

«Убить гниду мало», — бесилась Кира, укладываясь спать. «Сволочь, и так никакой личной жизни», — скрипела она зубами, проснувшись.

— Сдохни, придурок, — процедила девушка, бросая на его и так заваленный железками стол свой шлем. — Проверь.

Марик поглядел на неё исподлобья. Столик у него низкий был, и сидел он за ним прямо на полу, на подстилке. В его мастерской было жарко, и он скинул верхнюю часть комбеза, остался в одной майке. Тощие его руки, выпирающие ключицы — всё на виду. Он робко заулыбался, потом быстро перестал, поняв, что Кира не шутит и на самом деле сердита. Скуластое смуглое лицо немного побледнело — решил, небось, что бить опять будут.

«Смотрит, как собака виноватая, — с ненавистью подумала Кира, — хочет, чтоб мне стыдно было, что ли?»

Марика она знала почти всю жизнь — они из одного детского отделения были и учились сначала вместе. Пока не выяснилось, что у Марика ни сил, ни выносливости, и всё, на что он годен, так это ковыряться в разном мусоре.

Она резко отвернулась, чтобы не пнуть Марика или его железки. На тренировках препод всегда ей орал: «Кира, твою мать! Сдерживайся! Что ты лупишь не глядя?!». Кое-как она научилась — препод, если что, и тычками науку подкреплял.

Взгляд скользил по всем тем бесполезным штукам, которые мастерил Марик в свободное время и развешивал и у себя, и по базе тоже. Конструкции из палок и подвешенных камешков, концентрические круги из проволоки с привязанными

белыми перьями и бусинами, странные мозаичные картинки в рамках: с одной стороны какая-нибудь длинноволосая тетка, а перевернёшь — птица в старинной клетке. Вот смотришь, смотришь все эти дурацкие обломки и камни, палки и проволока, вроде и ничего, мусор... а красиво, что ли? Некоторые ещё и двигаются, если тронуть, а в кают-компании штука из железок звенит, как... Кира всё не могла подобрать сравнение. Когда никого не было рядом, осторожно качала и слушала. Как вода в дальних коридорах базы, когда протечка из разбитой стены, и по вывороченным камням — ручей? Как мелкие смеются в детском отсеке? Или как чирикает та желтоногая птица, которая живёт в заброшенной фабричной зоне?

Короче, пока смотрела, успокоилась. Когда поймала себя на этом, снова захотела рассердиться, но уже как-то не так вышло, вяло.

— Вот, — тихо сказал Марик и сунул ей шлем. — Извини.

Придурок, извиняется.

— Давай я ещё твой коммуникатор посмотрю насчет обновлений.

— Не надо, — буркнула Кира, забрала шлем и быстро ушла.

Последнее время они чаще ходили в патруль не по окрестностям, а чуть дальше, забирались на север и даже начали переходить через реку. Безбашенный Пашка прошёл первым через мост, сквозивший дырами.

Прошёл туда и обратно, а в середине даже попрыгал, хотя командир патруля шипел в рацию: «Пашка, дебил, голову оторву, если свалишься! На тебе до хрена оборудования!

Вернёшься, сука, на три дня отправлю в штрафной!»

Но Пашка никого и ничего не боялся, даже Катрины, которая командовала штрафными и гоняла их в самую задницу, в дальние коридоры базы, чинить обваливающиеся потолки и бить всякую многоногую дрянь.

Хотя вот дряни-то поменьше было. Так-то не особо заметно, но вообще, если вспомнить, как было даже полгода назад, сразу станет ясно, что тварей из сумрака гораздо меньше.

Командир нынешнего патруля Хворост считал, что это не к добру. Что твари уходят, потому что какая-то большая и более страшная дрянь к ним приближается.

Хворост помнил Сумеречные времена, когда умер старый мир.

Командир никогда не говорил, но Марик как-то подсчитал: по возрасту должен был помнить и то, когда не было мутантов, когда был жив огромный город вокруг.

Но Хворост никогда не рассказывал о хорошем. Он вспоминал только дурное: серую чуму, засуху тридцатых, полчища безумных, осаждавших базу. Ещё крылатых тварей, плевавших кислотой. И то, как много лет небо закрывали чёрные пылевые облака — в самом начале Сумеречного времени. И ещё Хворост всё боялся, что времена эти вернуться.

Кира жуть как не любила его слушать — ну его, думать о таком. Куда лучше Грай говорит.

— Мы сильнее, чем мутанты, — объяснял он. — Сколько наших пострадало последнее время? Да фигия, по пальцам руки пересчитать. А они до-

хнут. Лезут и дохнут. Лезут и дохнут. Самые тупые сдохли, а те, которые умнее, уже не лезут. И не будут лезть.

Вот поэтому Грай Кире и нравился — он был умный, не бормотал, поминутно извиняясь, и говорил не о безнадёжности.

— Кира, хватит башкой по сторонам крутить, — прикрикнул Хворост, у которого глаза и на затылке были. — Тебе чего сказано? Держишь под наблюдением правый передний сектор. Пашка, тебя тоже касается, смотри, куда сказали.

Сегодня они вошли под тень высоченных башен за рекой. Здания стояли близко друг к другу, втыкаясь в самое небо острыми костями рассыпающихся стен.

Тут было опасно не из-за тварей.

Здания скрипели и стонали под ветром, порой куски бетона и оставшиеся стекла соскальзывали вниз, разбиваясь.

У патруля сегодня было дополнительное задание: разведать, нет ли чего полезного для базы на этом участке. Раньше до башен никто не ходил, а мародёров так далеко на север не заносило.

Послали Хвороста главным — как самого осторожного.

Поэтому, конечно, никуда толком они не зашли. После моста завернули к ближайшим трём остовам башен, мимо высоких металлических цилиндров (Грай сказал, что похоже на вентиляцию, а Хворост подтвердил, что под ними должны быть большие подземные пространства).

— Осматриваемся, — коротко приказал он, останавливаясь на маленькой площади между тремя башнями.

Одна была полукруглой, с колоннами на первом этаже, другие квадратные, с рублеными четкими линиями.

Посреди площади — лестница вниз, заваленная битыми стеклами и обломками камня и бетона. Рядом — прямоугольный провал, тоже доверху наполненный мусором.

Здания вздыхали, и Кире вдруг показалось, что они покачиваются под ветром, ещё чуть-чуть, и стукнутся, зазвенят, как одна из дурацких игрушек Марика. Такая большая наземная звенелка из бетонных палок.

Под ногами хрустело стекло, и солнце тысячей лучей преломлялось в них, слепя глаза и отражаясь синими бликами на остатках стен.

Хворост распределил направления, а сам встал у прохода, зорко следя за всеми сразу. Его взгляд одновременно и раздражал, и успокаивал. Хоть и нервный, занудный, Хворост бил без промаха. Если что полезет вдруг из зданий, он заметит первым и снимет.

Кира брела вдоль самой большой кучи бетонных обломков, внимательно глядя по сторонам и запоминая.

Граи почти сразу нашёл под завалом несколько проржавевших железок, скорее всего, частей вертолета, и они с Хворостом решали, взять ли что-нибудь для анализа или не надо трогать, чтобы дальше не обвалилось.

Кира, к её досаде, ничего путного не обнаружила, но, поколебавшись, набила один из подколенных карманов небольшими осколками синезелёного стекла. Может быть, когда-нибудь отдаст Марику. Если он бесить не будет.

Пашка нашёл ещё проход к заваленным, но почти целым автомобилям, так что вылазка вполне себе удалась, и Хворост всё оставшееся время патрулирования по прежнему маршруту одергивал их — ребята отвлекались, обсуждая, получится ли их вытащить и насколько там всё прогнило.

На следующий день Кира зашла к Марику, чтобы забросить свой комм: он постоянно терял сигнал.

— Я же говорил, обновиться надо, — тихо сказал Марик, но Кира только нахмурилась, и он замолчал.

Пока Марик ковырялся, настраивая обновления, Кира прошлась вдоль стены, поглядывая, вдруг что новое. Нашла на полке широкую, подбитую с краю чашу, наполненную осколками стекла. В мастерской свет нормальный только над столом был, но Кира и не приглядываясь поняла, что они синие.

— Это чего? — недовольно спросила она.

— Это из вчерашнего патрулирования мне ребята принесли, каждый понемножку, — оживился Марик. — Очень красивые, такой цвет! Всё думаю, как в них дырочки сделать, чтобы не треснуло, и потом можно будет...

Он встал рядом и выудил одну из стекляшек, повертел в худых длинных пальцах. Неуверенно улыбнулся ей, глядя сверху вниз: Кира и забыла уже, насколько он её выше. Тогда, в коридоре, не до того было.

— Да блин! — раздражённо крикнула Кира. — Ты мне комм починил? «Дырочки», «дырочки», о какой хреноте ты думаешь?!.. Лучше бы что полезное сделал! Придурок!

От жгучей досады Кира была готова пнуть эту чашу, чтоб дурацкие стекла разлетелись во все стороны — так ему и надо! — но удержалась, только топнула тяжёлым ботинком о пол.

У досады не было корней и причин, не от того же Кира злилась, что теперь её набранные в развалинах стекла для Марика будут просто как «каждый понемножку»? Да нет же. Только устала. Устала, и ничего больше.

Примолкший Марик вернул ей настроенный комм, и Кира вылетела из мастерской, чертыхаясь во весь голос.

Спустя несколько дней внешняя каменная стена тренировочного двора обзавелась сверху рядом острых синих зубов.

Твари, правда, давно не подходили к этой стороне базы, но бывали времена, когда и через эту высоченную стену перебирались.

— А я думал, он чего хитрое сделает, — разочарованно сказал Хворост, которого Кира застала на тренировочном поле.

Она остановилась рядом с ним, закинув голову. Да.

Наверно, Марик молодец. Мозги свои повернул, куда надо. Хотя и так, всё равно дурак. Зачем именно здесь?

Лучше бы не западную стену укреплял, где редко кто лазит, а южную. Там до сих пор бывают «го-сти» из фабричной зоны.

Как есть дурак.

На тренировке Кира так была по старой груше, отрабатывая удары, что порвала её. Тренер долго орал — и так всё изнашивалось, неоткуда новое брать.

Ещё на отработку оставили, потому что починить грушу сама Кира не смогла — ну вот руки у неё под это не приспособлены, не всем же мастерами быть.

После занятий Кира долго драила полы во внутреннем помещении, потом убирала снаряды и подметала двор.

Провозилась до заката.

На приземистой крыше базы, замаскированной под холм, появились первые красные отблески солнца. Кира, размахивая метлой, поглядывала, как полоса света ползёт вниз, и прикидывала, сможет ли на пищеблоке выклянчить пропущенный ужин.

Когда на серой стене вспыхнуло синее и фиолетовое, Кира остановилась, приоткрыв рот.

Лучи заходящего солнца проходили сквозь уродливые синие зубья, зажигая их волшебными цветами, ложились сияющим веером на стену и твердую затоптанную землю...

Кира, онемев, переводила взгляд от стены к стене.

Придурак Марик.

Эта зараза наверняка и не думал о безопасности.

Он снова сделал бесполезную штуковину.

Солнце плескалось сквозь стекла, разбивалось на перышки, лепестки и листья.

На серой стене вставали горные хребты, ползли, удлиняясь и превращаясь в города, гряды облаков... летели птицы клином, тянулись вверх верхушки старого леса.

Кира смотрела на них, пока солнце не село. Она сопела и рукавом вытирала глаза — кажется, они слезились от света. **UC**

Пять свиданий

Роман Власов

Родился в 1986 г. в городе Москве. Рос и учился, пока однажды не окончил ВМик МГУ. Тогда начал работать в игровой индустрии. Сначала геймдизайнером и сценаристом. Выпустил приключенческую игру «Архивы НКД: Охота на фюрера» и ею до сих пор гордится. После переквалифицировался в программиста и профессиональных поводов для гордости стало меньше, но денег стало больше. Паралельно в жизни появились одна за другой жена и дочь. В данный момент продолжает работать программистом уже в компании «Консультант Плюс». Также преподает в школе — ведёт исследовательские проекты в области информатики.

Первое свидание

Олег стоит перед дверью, не решается войти. Больше всего он боится истерики. Потому что тогда он, скорее всего, сбежит. Непременно сбежит. А делать этого нельзя. Олег вспоминает тяжёлый, неподвижный взгляд исправителя и ёжится.

В коридоре пусто, сумрачно и очень холодно. Тихо жужжит камера наблюдения. На тусклом экране застыло изображение укутанного в одеяло ребенка. На его веснушчатом лице горе. «Регулярно проверяйте систему климатического контроля! Автоматика тоже ошибается!» — гласит бегущая строка. Пахнет лекарствами.

Олег мнётся на месте. Будь у него пальто, он мог бы посидеть на скамейке у окна. Дождаться, пока отведённое на свидание время закончится. Но пальто он оставил внизу. Машинально кинул подкатившемуся гардеробщику, а когда опомнился — тот уже угромяхал куда-то в недра больницы. Медсестра — сама в шубе и вязаной шапке, между прочим, — пожала плечами: «На выходе получите».

В палате должно быть тепло. Там своя система. Независимая. Узнать бы заранее, горит там свет или нет... Вдруг Карина спит? Как бы это было хорошо. Но дверь глуха. Нет даже замочной скважины — только серая, ровная поверхность и круг посередине с нарисованной ладонью.

Внезапно откуда-то сверху раздаётся скрежет. Затем — серия ударов. Там работает ремонтная бригада роботов, с которой Олег ехал на лифте. Смешные они были: круглые, приземистые, носатые, все в жёлтых пятнах.

Бух-бух-бух — удары не прекращаются. И становится почему-то всё холоднее и холоднее. Наконец, он не выдерживает.

Спит. Слава Богу!.. Или кого там теперь надо славить? Прогресс? Программу?.. Ладно, не важно.

В палате жарко. Горит приглушённый свет.

Пока идёт дезинфекция, он смотрится в большое зеркало в переходной камере. Он видит молодого человека в дорогом, прекрасно сшитом костюме и ботинках с серебряными вставками по последней моде. Человек представительен, умён, привлекателен. Взгляд — прямой, дерзкий. Орёл!..

А ещё этот человек — сволочь. Обычная такая сволочь. Но это нормально — у всех есть недостатки. У кого-то нос крючком, кто-то неряха, кто-то два и два сложить не может... Так что ничего страшного. Тем более не просто же он сволочь. Талантливая сволочь! Гениальная! Такие дома возводит, такие планы чертит! Никому и не снилось...

Наконец, Олега выпускают из прихожей. Карина лежит на боку спиной ко входу. Голова забинтована. Рядом — плюшевый щенок с разноцветными глазами.

Олег осторожно кладёт цветы на кровать, потом секунду думает и перекладывает их на тумбочку, прямо на планшет в кричащем оранжевом чехле. Это его снова не удовлетворяет. Он осматривает палату: жалюзи, два кресла, стеклянный столик, холодильник, переплетение линий, теней, форм... Ему хочется найти идеальное место, такое, где букет смотрелся бы лучше всего, но везде что-то мешает. Какие-то мелочи: тарелка с вишнёвыми косточками, скомканная футболка, разодранная упаковка из-под батареек.

Наконец, он решает оставить всё как есть и садится в ближайшее кресло. Так, чтобы Карина оставалась к нему спиной. Смотрит на часы. Можно и самому подремать. Только нужно поставить будильник. И не забыть перевести телефон в режим вибрации. А то глупо получится.

Гм. А ведь это не батарейки. Это же те самые капсулы «Молодость». Сиреневые... Второй уровень. Счи-

тай, начальный. Сам он давно уж пользуется пятым. Вот как бывает...

Сон не идёт. Мысли Олега возвращаются к страшным дням в исправительном пункте.

Длинный зал с белыми стенами. Бесстрастный механический голос читает бесконечные тяготящие лекции. За соседними партами какие-то юнцы и опухшие пьяницы. И ещё несколько одинаковых сторбленных женщин в платках. Сектантки вроде. Или даже настоящие церковницы. Шепчутся о чём-то, молятся...

К Олегу был приставлен личный исправитель. Толстый седой мужик с мрачными глазами. На руке — размытое пятно от сведённой татуировки. Он вёл с Олегом разъяснительные беседы. Хотя больше это было похоже на макание котёнка в им же сделанную лужу. «Свобода — это, так сказать, план. Если ты, так сказать, не можешь, так сказать, по плану... То какая тебе, нах, свобода?» И всё в таком же духе.

Самой тяжкой пыткой был подъем на рассвете. Олег уже давно привык работать по ночам, а утром отсыпаться. Программа такое позволяла, а тут — нет, нельзя. Вскочил, умылся, ноги в руки — и на обший завтрак с неизменной липкой дрянью под видом каши... И никак не отвертеться. Не пикнешь даже. Иначе — наказание. Работы. Вроде несложные, но какие-то бесконечно тупые. Следишь за роботами через монитор и на кнопку жмёшь — техника вызывает, если они что-то не так делают. Сидишь и думаешь, чем же ты сам от них отличаешься? Такой же робот под постоянным надзором.

А ещё и выход в сеть заблокирован. И всё, что ты можешь делать в редкие свободные часы, — торчать перед телевизором с комедийными сериалами. Ну или запереться в комнате и смотреть на бесконечную снежную пустыню за окном.

Но ведь живут же так люди! Много людей! И сами выбирают такую жизнь — распisanную кем-то по минутам... Перестают бороться, несмотря на все усилия навигаторов и исправителей.

Неужели и его, Олега, ждёт такая судьба?..

Рука Карины дёргается, и он тут же просыпается. До окончания свидания ещё десять минут. Как раз хватит для скандала. Но нет, ложная тревога. Он облегчённо вздыхает.

Надо будет встретиться с навигатором как можно скорее. Только в его силах прекратить эту попытку. Он всегда здорово помогал Олегу с женщинами. Особенно с этой, последней, внучкой главного архитектора.

Тихая была на вид девчущка. Мягкая такая, податливая. В теле. В цветущем восхитительном теле. И грудь — взгляд не отвести. Но такую чушь несл! Про вшей и понос у её любимой собачки. Всё же ничего нет хуже глупости!

Олег смотрит на спину Карины. Вздыхает.

Последние минуты он сидит как на иголках. Глаза его привязаны к секундной стрелке. Наконец всё заканчивается.

Второе свидание

С навигатором встретиться не удалось. Не совпало расписание. Зато в больнице починили климат-контроль.

У Олега новая причёска и новый же, тёмно-сиреневый костюм в чёрную полоску. Рядом — корзина с фруктами. Он сидит на скамейке в коридоре и смотрит через прозрачное стекло на панораму города.

Скопление башен в центре, одинаковые коробки по окраинам, пара неприглядных промзон с дымящими заводами, паутина из линий монорельса — унылое зрелище... Но всего лишь один смелый разрез — и вся эта зелёная тоска преобразится до неузнаваемости!

Вот здесь нужно резать — по бульвару Программистов. Снести несколько кварталов вокруг и разбить гигантский сад. А сверху подвесить воздушную площадь и силуэты поездов монорельса проецировать через стекло вниз. И окрашивать их в разные цвета... В сети, впрочем, возражают, что бульвар «имеет историческую ценность». Кто-то никому сто лет ненужный прогуливался здесь с кем-то под руку. А кто-то ещё более никому ненужный писал математические формулы на бумажках в местном кафе. Брр...

Этот протухший старикан — главный архитектор — тоже бубнил всё время про историческую ценность... И добубнился. Пусть теперь посидит на пенсии со своим «кхе-кхе, чрезвычайно бережным, кхе-кхе, подходом к переделке классических кварталов».

Всё-таки нехорошо с ним получилось. Прямо в день рождения такой подарок от Программы: «Увольнение в связи с профнепригодностью». И как он только умудрялся скрывать от всех свою болезнь? От медицинских роботов? От навигаторов? Да и Олег на самом деле не думал ни о чём таком. Случайно узнал, случайно сболтнул... А вышло, что подсидел.

Чёрт, для того чтобы двигаться вперёд, нужно жертвовать прошлым! Олег гениален. Они сами это признают. Так пусть не мешают ему творить в конце концов! Всё к лучшему!

— Товарищ! — слышит он вдруг. — Товарищ, а почему вы сидите в коридоре?

Подходит медсестра. Длинная и тонкая, как макаронина. Выражение лица — очень строгое.

— Я?

— Вы-вы. Почему не заходите?

— А... Я... Меня выгнали.

— Да что вы говорите?!

— Что делать, — Олег разводит руками.

— Ага... Видела я таких. Сначала глотают, понимаешь, пачками, а потом обижаются на весь мир! Всех же предупреждают! Крупными буквами написано: «Внимание!» Чего же теперь истерики устраивать?.. Не волнуйтесь, сейчас я с ней поговорю. Я умею с такими... — Медсестра делает шаг по направлению к двери, и Олег тут же вскакивает.

— Не надо, я сам.

Она останавливается, складывает руки на груди и скептически смотрит на него, подняв бровь.

— Вас же выгнали.

— Да, но знаете... Чужое вмешательство... Я посмотрю, может, она уже отошла.

— Но...

Олег быстро, чтобы медсестра не успела ничего ответить, нажимает на дверь и оказывается внутри палаты.

Карина, слава Программе, снова спит. Он переводит дух.

В этот раз она лежит лицом ко входу, и видно, что повязка закрывает правый глаз и щеку. В нем впервые просыпается что-то вроде жалости. «Как же она так?» — думает он.

Карина... У них так хорошо все начиналось. Почему, если быть честным, многие женщины сошли по нему? Да потому что он был «тем самым архитектором, который придумал воздушные площади», знаменитостью. Лауреат международных конкурсов, надежда страны, то, сё... А Карина была будто из другого мира и слыхом про это всё не слыхивала.

Познакомились они в аэропорту. Олег подхватил её сумку с ленты и донёс до станции монорельса. Сумка была тяжёлой, неудобной, а рядом ещё крутился робот: давал ценные советы о перевозке грузов и назойливо хотел помочь. Олег справился. Карина сказала, что это очень романтично.

На следующий день они пошли гулять по бульварам. По тем самым бульварам, которые в скором времени предстоит разрезать «одним смелым разрезом». Он шутил и рассказывал всякие небылицы из жизни архитекторов. Она ела мороженое, громко смеялась, тут же смущалась и изображала картинную приличную улыбку. Получалось очаровательно.

Кожа у неё была очень гладкая, смуглая, чистая. Без родинок, без веснушек. И походка такая красивая, лёгкая... Олег всерьёз представлял Карину своей будущей женой. Можно сказать, что он влюбился.

Впрочем, ее страница в сети несколько мечтания подпортила. Интересы: психология, коньки, воздушный серфинг. Планы: дом, дети, дача... Дача?.. Ну какая может быть дача в современном мире? Ничего потрясающего воображения, ничего стремящегося в вечность. А работа её и вовсе скука смертная — секретарь в научной библиотеке.

И тем не менее он согласился на пять свиданий. Всё же планы на то и планы, чтобы их менять. Может быть, он сможет повлиять на неё? Открыть новые горизонты? Многие женщины говорили, что Олег обладает даром вдохновлять... Научная библиотека — это ведь неплохо. Что-то она соображает. Может что-то. Значит, надо учиться!

Но самое главное — на пяти свиданиях разрешён секс!

И вот накануне первого из них Карина пошла кататься на коньках, заложила крутой вираж, не удержалась на ногах и со всего размаха упала головой на низкую ограду парка, прямо на чугунную шишечку...

Глаз — ладно. Глаз восстановили бы. Но «пляска» — совсем другое дело. Вот они, следы — уже видны у Карины на щеке, на шее... Полосы сморщенной кожи, мёртвая ткань, ороговевшие клетки — уродство и страх

оказаться в больнице от каждого пореза — такая получилась у неё «Молодость»...

«Да, мы доказали, что имеем дело с побочным действием этих таблеток. Мы установили это абсолютно точно, — гнусавил доктор. — Между собой мы называем это явление безумной пляской онтогенеза. Да, вероятность её очень мала, но тем не менее любое, я подчёркиваю, любое механическое повреждение кожи может привести к фатальным последствиям».

Много шума наделала в своё время эта передача... Но «Молодость» пить не перестали. Написали предупреждение крупными буквами, построили на море санаторий для невезучих и постарались забыть...

Олег достаёт из кармана синюю пачку. Вертит в руках, вздыхает.

Как теперь бросить Карину? Не угодил ли он в ловушку?

Нет, ответил он себе. Надо только сразу расставить все точки над *i*. Прийти и рассказать всё, как есть. «Нам не по пути», «не будем мучить друг друга», «ты ещё найдешь того, кто полюбит тебя такой, какая ты есть» и прочее в том же духе.

Программа ввиду понятных обстоятельств дала ему отсрочку. Свидание с Кариной появилось в расписании дня Олега лишь через неделю. И всё же времени ему не хватило. Он кругами ходил вокруг больницы и всё представлял, как же она будет выглядеть... И в его воображении она становилась все безобразнее и безобразнее.

В итоге он не выдержал, сбежал, нарушил расписание и угодил на неделю в исправительный пункт. Теперь всё началось сначала.

Олег ставит корзину с фруктами на столик, отодвигает раскрытый на середине блокнот. В блокноте какие-то сердечки и улыбки. Олег смущается

сильнее, чем того от себя ожидал. Смотрит на Карину. «Как же это она так?» — повторяет он.

Её губы... Он представляет их первый поцелуй. Как она приподнимается на локтях, он опирается на тумбочку с журналами, наклоняется... Нет! Олег содрогается от приступа отвращения. Не бывать этому!

По часам ещё десять минут до окончания свидания, но выдержать больше он не может. Встаёт, уходит. Десять минут — мелкая провинность. Спишет потом на погрешность приборов контроля.

Надо будет обязательно поговорить с навигатором, обязательно!

Третье свидание

Медсестра, та самая макаронина, что застала Олега в коридоре, смотрит на него с подозрением, но ничего не говорит.

Он толкает дверь сразу, смело и уверенно. Сегодня у него есть защита, и даже если она спит, придётся её разбудить.

— Олег! — говорит она. И в голосе её столько радости, столько нежности, что всю его решимость как будто сдувает ветром.

— Привет, — отвечает он. — Это тебе.

— Конфеты! — восклицает Карина. — Спасибо! Фрукты были очень вкусные! И цветы замечательные!

Она сидит, опираясь на спинку кровати. Одеяло прикрывает только ноги, и Олег видит кремовую шёлковую ночную рубашку. Она лишь подчёркивает безобразность повязки на голове Карины.

Олег украдкой вздыхает. Всё идёт хуже некуда.

— Ну... Как ты?

— Я? Да что я?... Сплю все время. Врачи что-то колдуют-колдуют. Уколы делают. Я даже не запомнила ни разу, как мне бинты меняли... Глупо получилось с этими коньками... Я тебя очень ждала!

Олег тем временем отходит к окну и смотрит туда, где должна будет появиться его воздушная площадка. Нет, тянуть нельзя.

— Слушай, Карин, мы должны расстаться, — говорит он через плечо и мысленно съёживается в ожидании ответа.

— Что?.. Как?..

Он чувствует себя негодяем. Ему стыдно, но он всё же собирается и поворачивается отрепетированным движением.

— Прости. Я тебе очень сочувствую, и я понимаю, как это выглядит, но... Вот отказной лист. Подпиши, пожалуйста.

— ...

Карина пытается что-то произнести, но слова застревают у неё в горле. На лице, открытой его половине, — отчаяние и ужас. Она берёт из рук Олега бумагу и начинает читать.

Проходит несколько минут. Из глаза Карины текут слёзы. Внезапно она рвёт лист в клочья и истошно кричит:

— Убирайся!

Олег молча кивает и уходит. Что ж, теперь ему никто не помешает сидеть в коридоре. Его выгнали по настоящему.

С навигатором они встретились прошлым вечером. На самом верхнем этаже хрустального ресторана.

Лучи заходящего солнца окрашивали прозрачные стены комнаты в странный розовый цвет. Такими же розовыми были столы, стулья, посуда и даже роботы-официанты. Навигатор сидел в углу, в своём излюбленном месте и пил уже вторую розовую кружку пива. Он приветственно взмахнул рукой при виде Олега.

— Здорово, нарушитель. Всё бабы мучают, да? Ты меня слушай: с бабами построже надо... Пряма за горло держать, чтобы и трепыхаться не вздумала.

Навигатор Олега был совершенно не похож на других навигаторов. Он брился наголо, носил в ухе серьгу, ругался как сапожник, время от времени напивался в стельку, пел пошлые частушки на свадьбах своих воспитанников и имел трёх детей от трёх разных женщин. Как он при всём при этом удержался в Программе да ещё и стал навигатором, было загадкой.

Отказной лист он выдал сразу, громко заявив на весь ресторан: «Говно-вопрос». Только потом начался разговор.

— Будь я на твоём месте — поступил точно так же. Я всегда за честность. Коли ты больная, кривая уродина — знай своё место.

— А ведь она по-настоящему была молодой. Без всякой «Молодости», — вздохнул Олег.

— Да какая к хренам разница? Факт есть факт. Что ты, муж ей что ли? Пять свиданий даже не прошло. Так что радуйся! И давай за расписанием следи, а то неделей не отделаешься, загремишь по полной программе и все дела.

— Полная Программа... Точнее и не скажешь... Собственно, я о ней и хотел поговорить. О Программе.

— Шарашь.

— У меня осталось три свидания... И я... Не могу их выносить. Ну просто не могу. Ну вот вообще... Физически. Или психически. Не знаю.

— Да ладно. Подпишет она лист, и гуляй, Вася!

— А если нет?..

— Терпи тогда. Что тут можно сказать? Хреначь по шаблону. Цветы там, конфеты... Подбери в сети что попроще.

— Это ясно, да. Но... Я подумал... Я ведь не последний человек в стране. Я ведь очень и очень и очень крутой в своём деле. Ну да, я сволочь, я это признаю. Но почему бы не дать мне некоторые послабления? Может это Программа или нет? Ведь если я на все плю-

ну и отключусь, сдамся, то весь талант унесу с собой. Не будет ни воздушных площадей, ни разрезов, ничего. Это же глупо, а?

Навигатор сделал большой глоток и ухмыльнулся.

— Пути Программы неисповедимы... Сколько таких красавцев, как ты, уже нет с нами, сколько блестящих идей кануло в никуда — не пересчитать. А вот я — проклятый шалопай, палец о палец в жизни не ударивший, — здесь. Как думаешь, почему?

Олег в ответ пожал плечами. Ему только что принесли заказ, и он рассматривал салат, накрытый хрустальным колпаком.

— Отвечаю: потому что я всегда очень хорошо представлял, кто я такой, и не пытался строить из себя никого другого. Ты думаешь, Программа наказывает за плохие поступки? Нет! Она даже не знает (а знает ли кто-то вообще?), что такое хорошо, а что такое плохо. Она вообще ничего не понимает, кроме двоичной логики. Программа наказывает тебя за непредсказуемое, непродуманное заранее, хаотичное поведение. За нарушение определённого тобой же плана. Вот и всё.

Олег ничего ответил. Только ещё помрачнел. Навигатор некоторое время с усмешкой глядывался в его лицо, потом хлопнул по плечу.

— Ладно, не раскисай. Так уж жизнь устроена. Раньше хуже было. Пришлось бы тебе эту твою бабу под венец вести. Тогда считали: есть мужчина, есть женщина — есть семья, и нечего голову морочить. Сейчас по-другому. Сейчас свобода!

— Свобода, как же... — произнёс Олег тихо, но навигатор услышал или угадал его мысли.

— Олег-Олег... Ты же сам часть Программы. Ну представь, что Программа — это сложный механизм. Ты можешь быть колесом, гайкой, рулём, про-

клятой шестерёнкой, чем хочешь. Это и есть свобода. Я, например, ложная заклёпка. Совершенно бесполезная. Но главное — я не мешаю работе всего в целом. А ты мешаешь — берёшь на себя обязательства и не выполняешь их.

— Но это же бессмысленное мучение. Для меня, для Карины...

— Тогда она подпишет лист, и дело с концом.

— Не подпишет...

Навигатор откинулся на спинку стула в раздражении:

— Значит, в этом мучении есть какой-то хренов смысл! Неужели непонятно?

Четвёртое свидание

— Милый заяц, — Отец Карины стоит спиной к двери её палаты, расставив ноги, будто в борцовской стойке. — Я передам.

— Я могу... пройти? — спрашивает Олег.

— Нет. Она не хочет вас видеть.

Это низкий грузный человек с седой бородой, за которой прячется двойной подбородок. Лицо — красное-красное. На лбу — капли пота. Губы едва заметно дрожат.

— Но...

— Мне нужно с вами поговорить, молодой человек. Я нарушил расписание, чтобы быть сейчас здесь, и понесу наказание. Сделайте выводы, насколько это важно.

Олег делает неопределённый жест рукой, дескать «ну если так...»

— В былые времена я вызвал бы вас на дуэль, и мне доставило бы изысканное удовольствие пронзить вас в самое сердце.

Казалось, мужчина репетировал эту фразу не раз у себя в голове, потому что выпалил её слишком быстро и явно разлился на себя за это.

— Да... Но времена изменились... И сейчас я смиренно прошу не оставлять мою дочь в тяжёлую для неё минуту.

Олег не находит, что ответить. От волнения он проводит рукой по волосам и безнадежно портит причёску. Хуже некуда?

— Я понимаю вас и ваши поступки, хотя и не могу одобрить их. Моя дочь вам не ровня, и это трагическая случайность, что все так сложилось. Вы действуете в рамках правил, это достойно уважения. Но поймите и меня... Я консультировался с навигаторами и заказал длинный прогноз судьбы Карины. Судя по всему... Судя по всему, если сейчас вы уйдёте, то мою девочку ожидают большие несчастья. Даже... Даже если каким-то чудом её удаётся вылететь.

Олега передёргивает, и ему не удаётся это скрыть. Отец Карины сжимает зубы, но ничего не говорит.

— Большие несчастья... — произносит Олег медленно.

— Она вас полюбила... Ох... — Мужчина переводит дух. — Достаточно будет того, что вы перейдёте на следующий этап. Это уже многое изменит. А потом катитесь... Делайте, что хотите.

— Следующий этап... Два месяца. И целый отпуск вместе...

— Да. Вы спасёте её. Возможно, для вас это ничего не значит... И я не могу предложить ничего материального. Но я могу встать на колени...

Олег торопливо останавливает его. Хуже некуда?

— Я не знаю, что и сказать... Мне нужно подумать...

— Конечно-конечно, подумайте. О совести, порядочности, о человечности. Только помните, у вас осталось всего одно свидание до того, как придётся принять окончательное решение...

Пятое свидание

В этот раз Олег пришёл с пустыми руками. Под воспалёнными глазами иссиня чёрные мешки. Ворот несвежей рубашки расстёгнут — видны растущие на груди волосы. Походка — шатающаяся, неровная.

Карина свернулась комочком под одеялом и дрожит всем телом. За окном идёт густой снег. Слышится звук взлетающего самолета.

Долгое время они молчат и даже не смотрят друг на друга.

— Олег, — шепчет она наконец.

— Да?

— Олег, а ведь правда — мы могли бы пожениться?

— Да...

— У нас была бы большая красивая свадьба с голубями и танцами на твоей новой площади... Мы могли бы поехать в путешествие на юг, на море, а через девять месяцев у нас появился бы ребёнок. Девочка. Я бы пела ей колыбельные и заплетала косички. А потом мальчик. И ты бы учил его воздушному серфингу. По вечерам ты бы приходил с работы, а мы тут — ждём тебя. И ужин готов. У нас был бы большой стол с зелёной скатертью и подоконник, на котором спал бы ленивый рыжий кот. Мы бы жили на очень высоком этаже и в такую погоду, как сейчас, видели бы вокруг одну только белизну. И нам бы казалось, что ничего в мире, кроме нас, не существует...

Она говорит-говорит-говорит, не останавливаясь. Зима в её воображении сменяется весной, потом летом, осенью. Проходит год, второй, десятилетие.

Олег слушает с закрытыми глазами. Он думает о Программе, о её неисповедимых путях, представляет себя большой шестерёнкой с глазками и ручками. Рядом другая шестерёнка — Карина и ещё несколько шестерёнок поменьше. Все они крутятся-крутятся-крутятся и нелепо пищат. **У**

Истории мёртвой земли

Евгений Долматович

Родился в Ярославле. В 2008 году окончил Ярославскую военную финансово-экономическую академию по специальности экономист. Печатался в журналах (в том числе электронных): «Мозаика», «Фантоскоп», «Ното Legends», «Город ПЭ», «Процесс», «Урал» и в сборниках: «Очертания» (Ярославский филиал Союза Писателей, 2012 г.), «Аэлита/010» (Екатеринбург, 2014 г.), «Своими именами назовутся» (Рыбинск, 2015 г.). Живет и работает в Ярославле.

*Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?*

Уильям Шекспир

История 1

— Нужно рассказать об этом...

Серёжка выглядел напуганным. Бледный и весь какой-то задёрганный, он всячески сторонился оврага, то и дело нервно оглядывался по сторонам. Сентябрьский ветер трепал его жиденькие светлые волосы, а расчёсанные комариные укусы на тонких ногах почему-то навевали мысли об ушедшем лете. От этого становилось тоскливо.

— Он умер, — сухо произнесла Марина.

— Наверное... — Серёжка сделал шаг в направлении дачного посёлка. — Взрослые разберутся. Пойдём уже!

Но Марина не двигалась с места. Она стояла на самом краю дороги и зачарованно глядела на дно оврага. Там лежал человек. Кто он такой, Марина не знала, — по крайней мере, в посёлке этого мужчину никогда раньше не встречала. На вид незнакомец казался довольно старым: лет пятидесяти, а может, и того больше. Одет в какую-то рвань. Длинные пепельного цвета волосы всклокочены, торчат слипшимися прядями, а кожа, некогда коричневая от грязи и загара, ныне сделалась землисто-серой — смерть выбелила...

— Ну же! — Серёжка едва не сорвался на визг.

«И чего он боится?» — подумала Марина. Что мужчина в овраге мёртв, и так было ясно — хватило времени детально всё рассмотреть, — но вот отчего так трясся этот глупый мальчишка, она решительно не понимала. Ну да, запах... Характерная вонь мёртвой плоти маслянистым облаком окутывала местность, привлекая внимание мелких летающих тварей, разнообразных жучков-паучков и, вероятнее всего, всевозможного зверья, из тех, кто питается падалью. Солнце ведь ещё

не до конца утратило свой летний запал, а туманная осенняя прохлада лишь скромно жалась по утрам у порога, посему покойник пребывал в прескверном состоянии.

Но Марину это нисколько не смущало и не отталкивало. Ни на секунду не отводя глаз, она старалась как можно тщательней запечатлеть в памяти представшую её взгляду картину. Тут и там вокруг тела жужжали золотистые мухи, а в коже на щеках покойника что-то неустанно копошилось и извивалось. Один вытаращенный глаз был устремлён куда-то в сторону леса, другой комком белой пены застыл в глазнице. Рот же оказался распахнут и виднелись гнилые зубы, а на небритом подбородке смутно угадывались следы запёкшейся крови. Что ещё? Вывернутая под неестественным углом шея да скрюченные пальцы, с чёрными полосками грязи под желтоватыми, давно не стриженными ногтями... Вся перепачканная в земле и листьях, закопчённая от времени и постоянной носки одежда... Одного ботинка не доставало, и куда он делся, было не ясно...

«Будь овраг залит водой, — меж тем размышляла Марина, — тело нашли бы намного раньше. Вода всё выносит. Всё выкидывает. А может, и не нашли бы. Просто утонул, и всё. И никто ничего никогда не узнал бы... — А секундой позже: — Интересно, у него есть кто-нибудь, кто его ждёт, кто будет его искать?»

— Я уйду, — напомнил о своём существовании Серёжка. — Ты идёшь?

Марина никак не отреагировала. За всё то время, что она знала этого худенького и крайне болезненного на вид мальчика, она успела свыкнуться с его капризами. «Нытик и мяля», — понимала Марина, хотя ни разу не произнесла этого вслух.

Однажды мама сказала, что нехорошо обижать людей — не стоит этого делать, даже если твои слова являются правдой. «Но ведь правду говорить надо», — удиви-

лась тогда Марина, на что мама лишь вздохнула и покачала головой: «Не всегда, солнышко. Понимаешь, именно правда больше всего и обижает людей, задевает их чувства. Та правда, которую они пытаются не замечать, которую хотят спрятать от самих себя».

Истинный же смысл этих слов дошёл до Марины много позже — тогда, когда мама умерла.

— погоди минутку, — попросила Марина.

— Нет, — буркнул Серёжка и, помявшись, смущённо добавил: — Мне страшно. Ведь это... это настоящий мертвец!

«Вот именно, — подумала Марина. — И когда-то он был живым человеком. А теперь... теперь вот уснул... И сейчас ему снятся сны. Те особые таинственные сны, недоступные живым».

Мама умерла от какой-то страшной женской болезни. По крайней мере, так охарактеризовал болезнь дедушка, уверенный, что внука его не слышит. Но Марина услышала. И во время визитов в больницу ей не единожды доводилось наблюдать следы этого недуга на измождённом лице матери. Марина чувствовала, как зараза клокочет в груди родительницы, и слышала, как слабо-слабо бьётся материнское сердце. А по ночам Марина лежала без сна, беззвучно плакала, тщетно взывала к Богу и просила у него помощи. Увы, Бог так и не откликнулся. И хотя взрослые уверяли, что он услышал её молитвы, что рано или поздно всё непременно наладится и мама обязательно выздоровеет, мама всё равно умерла. Таким же солнечным днём, как нынешний. Просто уснула и больше не просыпалась...

«Теперь мама отправится на небеса, к Боженьке», — чуть позже бормотала бабушка, поглаживая Марину по голове. «Но ведь никаких небес нет, — шептала в ответ Марина, — и Боженьки тоже нет, иначе бы он всё исправил!» Видимо, бабушка решила не спорить, тихо сказала: «Зато маме больше не больно. Всё хорошо, хо-

рошо... — И, подумав, добавила: — Она просто уснула. Просто уснула...» А Марина молча смотрела куда-то в пол, и всё многообразие мира тонуло в глубине её тёмных глаз, исчезая там навсегда.

Что же это за сновидения такие, после которых нельзя проснуться? Или не хочется? А может...

Марина повернулась к Серёжке.

— Помоги мне, — попросила она.

— Чего?

— Я хочу, чтобы ты меня похоронил.

От удивления Серёжка даже рот раскрыл. О трупе он уже и думать забыл, всё его внимание полностью поглотили слова Марины.

— Мёртвые спят и видят сны, — пояснила она. —

И этот человек тоже спит. Ему также снится сон. И я думаю... — Она замялась, опустила глаза, подняла их вновь. — Я думаю, если лягу рядом и притворюсь мёртвой — если очень-очень постараюсь! — быть может... и я увижу такой сон. Пойму, что им снится и почему они не просыпаются.

Какое-то время они молчали, напряжённо разглядывая друг друга. По пустынной дороге ветер гонял пожелтевшие листья и всякий сор, трепал подол Маринино сарафана и лёгонькие (даже слишком для такой погоды) Серёжкины шорты с футболкой. Откуда-то издали эхом доносились голоса взрослых, лаяли собаки. Там текла своя жизнь, ещё пока недоступная для детей, непонятная им, но и, что греха таить, не шибко-то интересная. И никто из взрослых даже и не догадывался о том, что творилось ныне на дороге, в овраге у которой лежал мертвец.

— Ты дура! — вдруг яростно прокричал Серёжка. — Дура, дура, дура!

Он развернулся и, заливаясь слезами, бросился к дому, а Марина, слегка смущённая, грустно смотрела ему вслед. На какое-то мгновение она поверила, что этот

трусливый мальчишка согласится помочь. Или хотя бы подождёт, прежде чем растрепать родителям. Но... вышло иначе.

Она обернулась и окинула мертвеца тоскливым взглядом. Вид смерти не вызывал у неё отвращения или ужаса, а запах тления не отталкивал прочь. Всего лишь навеки уснувший, которому снится сон небытия.

Такой же сон, какой видит и её мама...

Взрослые поначалу не приняли всерьёз Серёжкин рассказ. Они улыбались, жевали шашлык, потягивали холодное пиво из банок и понимающе кивали, но при этом совершенно не торопились идти к дороге, дабы убедиться в достоверности его слов. И чем дольше это продолжалось, тем громче рыдал Серёжка.

Но уже спустя полчаса все разговоры взрослых непосредственно касались «ужасающей» находки детей. Тело подняли из оврага; местный врач наспех его осмотрел; участковый составил протокол. Мужчину никто не знал. Судя по одежде — какой-то бродяга. Судя по травмам — угодил под автомобиль.

— Дорога тут широкая, тёмная, — предположил кто-то. — Видать, ночью пьяный шатался, вот и сшибли. А водитель наверняка умчался впопыхах — от греха подалее. Так-то обычная ситуация.

Остальные согласились. Тело увезли, а на детей остаток дня косились с каким-то непонятным для самих детей состраданием, томно вздыхали, о чём-то судачили меж собой и многозначительно переглядывались. Женщины даже умудрились всплакнуть, хотя, в принципе, ничего такого и не произошло. Серёжке льстило подобное внимание: он зарделся, гордо ходил из комнаты в комнату и высокомерно на всех посматривал. Марина же молчала, удивлённая поведением родственников и бесконечными причитаниями бабушки.

Спать её отправили раньше обычного, сославшись на какую-то, якобы запредельную тяжесть минувшего

дня и отъезд в город, запланированный на утро. Между собой же взрослые неустанно твердили о шоковых состояниях и «таком ударе по ещё не окрепшей детской психике».

Но спать Марине не хотелось. Она неподвижно лежала в постели, немигающим взглядом уставившись в потолок. И лишь однажды, услышав скрип половиц за дверью, притворилась спящей. Кто-то тихонько приоткрыл дверь, заглянул в комнату, облегчённо вздохнул и убрался восвояси.

Не спалось Марине и много позже, когда за окном уже было темным-темно, а все разговоры в доме стихли, сменившись едва различимым похрапыванием из спален. Для надёжности выждав ещё с полчаса, Марина выскользнула из-под одеяла и, накинув поверх пижамы курточку, бесшумно выбралась из дома.

К тому времени, когда она вышла на дорогу, занялся дождь. Протяжно завывал ветер, и в воздухе отчётливо ощущались грядущие холода. Неумолимо надвигалась осень. Совсем скоро эта тоскливая пора перестанет довольствоваться одними лишь ночами, и тогда дни превратятся в унылые пасмурные будни. И так до тех пор, пока не выпадет первый снег, а лужи не покроются коркой льда.

Марина быстро отыскала то место, где накануне днём был обнаружен мертвец. Ныне овраг, естественно, пустовал — лишь пожухлая трава да чавкающая грязь вперемешку со щёбёнкой и опавшими листьями на дне. Какой-то прошлогодний мусор.

Но может... вовсе не обязательно, чтобы был покойник? Может, достаточно и самой могилы? Ведь овраг этот и есть могила — здесь человек встретил свою смерть: уснул и погрузился в беспробудный вечный сон.

Марина начала спускаться по склону на обочине дороги, осторожно ощупывая ногами ненадёжную почву, чтобы, не дай бог, не сорваться и не покатить-

ся кубарем вниз. Лёгкая куртка нисколько не защищала от разошедшегося дождя, и пижама довольно быстро намочила, сделавшись холодной и неудобной. Сырые волосы надоедливо лезли в глаза, закрывая обзор, но Марина не обращала на них внимания.

Оказавшись на дне оврага, она некоторое время просто стояла, ни о чём не думая и ничего не замечая. Потом села на стылую мокрую землю, — поёжилась, когда вдоль позвоночника ледяной волной прошёл озноб. В этот момент в вышине что-то ухнуло, раскат прокатился по небу, метнувшись куда-то за лес. А по дороге яркой вспышкой промчался автомобиль. Водитель даже и представить себе не мог, что там — за пределами видимости, в глубокой тёмной яме — сидит маленькая девочка, равнодушно наблюдающая за быстро удаляющимся светом фар его машины.

Когда же этот синтетический свет полностью растворился во мраке, навсегда исчезнув из её жизни, Марина принялась закапывать себя, покрывая ноги и тело липкой влажной землёй, ветками кустарника, перегноем опавших листьев.

Словно по-настоящему умерла. Спать и видеть сны, те самые сны...

Марина растрепала волосы и улеглась на землю, глянула в темноту неба, с которого на неё обрушивались потоки дождя. Зачерпнув пригоршню листьев, она рассыпала их по лицу, закрыла глаза и слегка повернула голову. Раскинула руки и затаила дыхание. Лежала, слушая монотонное бормотание дождя да протяжное завывание ветра, спиной ощущая холод здешней могильной земли и чувствуя запах... ещё не выветрившийся, едва уловимый запах тлена.

Быть может, теперь ей удастся увидеть сон — тот самый, что снится человеку из оврага; тот самый, что снится маме... Сон, после которого не захочется просыпаться.

Так она и лежала; дождь продолжал набирать силу, а по дороге изредка проносились автомобили...

История 2

Вагнер курил уже третью сигарету подряд, при этом краем уха слушая занудное бормотание радио. На город надвигались заморозки: обещали снег и гололедицу. В принципе, грядущее уже ощущалось: ночи стылые, дождливые; ежедневные капли на лобовом стекле; редкие прохожие в пальто — жмутся, сутулятся, стараются не смотреть друг на друга...

Заглушив двигатель, Вагнер приоткрыл окно и швырнул окурочок в темноту, сам же откинулся на спинку сиденья, тяжело вздохнул. Взгляд его скользнул по оградке, крестам и могильным плитам за ней. «Где-то там, в глубине этого старого кладбища, — подумал он, — ты спишь и видишь сны, запретные для мира живых».

Конечно, Вагнер была не настоящая его фамилия. Этакий творческий псевдоним, что он присвоил, впечатлительным величием и трагичностью музыки великого немецкого композитора. По паспорту же он значился Александром Вахрушевым. «Сашка-озорник» — как его в детстве ласково называл отец.

Отец...

— Ладно, быстрее начну, быстрее закончу, — подбодрил себя Вагнер.

Он выбрался из сонливо-тёплого салона и какое-то время дышал чистым ноябрьским воздухом. После обошёл свой дорогой автомобиль и извлёк из багажника фонарь, лопату и брезентовый мешок на молнии.

Где именно похоронена девушка, Вагнер помнил плохо. С тех пор, как он последний раз навещал её могилу, прошло уже несколько лет. Тем не менее в душе ещё теплилась надежда, что память прояснится, как только он окажется в знакомых местах.

В голове же приятно шумело после дорожки кокаина, залитого дешёвым коньяком. «Ангельскую пыль» Вагнер стремился приобретать высшего качества, чего нельзя было сказать об алкоголе. Так или иначе, то была ударная смесь. И потому, пробираясь вдоль могил, Вагнер не особо соблюдал осторожность — не опасался попасться на глаза сторожу, с тем учётом, конечно, что тот здесь имелся. Где-то в глубине души Вагнер даже хотел, чтобы его поймали и отправили в каталажку, обвинили бы в вандализме или ещё в чём-нибудь этаким. Вряд ли подобная новость серьёзно скажется на его репутации. Но вот проспаться и одуматься у него будет времени предостаточно.

Сторожа он так и не встретил, а спустя несколько минут после того, как оказался на территории кладбища, наткнулся на смутно узнаваемую тропинку, которая и вывела его напрямиком к обветшалой могилке знакомой, но вместе с тем совершенно неизвестной ему девушки.

— Пришёл я, — пробормотал Вагнер, глядя на треснувшее надгробье. — Давненько я тебя не навещал. Да, давненько...

Отложив фонарь и лопату, он уселся напрямиком на холодную влажную землю. Порывшись в карманах, достал измятую пачку. Но вот зажигалки не обнаружил. Видимо, оставил в машине.

— Да что ж такое, — вздохнул Вагнер, убирая сигареты.

Могилка была старая. Какое-то время отец приглядывал за ней, носил цветы, приплачивал местным бабкам, чтобы ухаживали, если вдруг его долго не будет. А после инсульта перестал сюда ездить — ныне постоянно сидит дома, смотрит в окно, о чём-то сам с собой разговаривает...

Вагнер помнил, как отец впервые привёл его на это место.

«Здесь, — сказал он, — покоится моя первая и единственная любовь». Подобное заявление очень удивило и сильно расстроило маленького Сашу. Как и большинство его сверстников, он свято верил, что папа любит лишь маму, и наоборот. И вот он хмуро поглядывал на монохромную фотографию незнакомой ему молодой женщины, чьи большие тёмные глаза поражали своей глубиной и серьёзностью, и постепенно осознал, что мир разительно отличается от того, каким он себе этот мир представляет. «А кто она такая?» — наконец тихо спросил Саша. «Она... — Отец задумался, посмотрел куда-то в сторону. — Необычным человеком она была...» Саша вновь уставился на надгробный камень, долго изучал дату рождения и смерти, пытаясь сосчитать в уме, сколько же лет прожила эта «необычная» девушка. «Двадцать три, — сказал отец, и Саша невольно поёжился: откуда папе было знать, о чём он думает? — Ей было двадцать три, и она была молчаливая, сама себе на уме. А ещё она знала вещи, которых не знаем мы с тобой; вещи, которые вообще мало кто знает». Следующий Сашин вопрос был вполне закономерен:

«А что это за вещи такие?..»

Вагнер моргнул, прогоняя навалившуюся на него дрёму. Так бы и уснул сейчас, поддавшись воспоминаниям. Журналисты бы впали в экстаз: известный художник-постмодернист найден спящим у могилы, которую собирался осквернить!

«Пора завязывать с коксом», — подумал Вагнер, прекрасно понимая, что это лишь праздные мысли, не несущие за собой и намёка на конкретное действие. Нет, он всё так же будет нюхать порошок, глотать дрянной алкоголя, мотаться по всевозможным клубам и регулярно устраивать оргии у себя в студии. А в свободное время рисовать мёртвых. Да-а... Это было его отличительной особенностью среди тысяч других художников: он создавал портреты живых людей, изображая их гниющими

мертвецами. Именно это сделало ему имя, принесло состояние, место в искусстве, а то и в истории. Как оно частенько и происходит: столкнувшись с чем-то неординарным, а отчасти и эпатажным, общественность разделилась на две фракции — на тех, кто Вагнера терпеть не мог, называя его извращенцем, некрофилом и т.д., и, соответственно, тех, кто его чуть ли не боготворил. Как ни крути, а безразличных к его творчеству не было. Заказать же себе такой портрет со временем и вовсе стало модным. Столичная богема с удовольствием пользовалась его услугами, щедро оплачивая подобного рода бабвы. Так Вагнер довольно быстро разбогател, обзавёлся знакомыми, получил допуск в такие заведения, куда даже при солидном состоянии попасть крайне трудно. Именно в этих притонах он пристрастился к наркотикам, почувствовал вкус обратной стороны жизни. Отныне для него не существовало разницы между мужчиной и женщиной, он не верил в мораль и нравственность, в слова и обещания, в надёжность человеческих чувств и силу творчества, как и в то, что деньги способны кого бы то ни было осчастливить. Дни превратились в бесконечный пьяный кошмар, яркий и удручающий. Многие из его последних картин были написаны именно в таком состоянии, и именно о них ценители отзывались как о настоящих произведениях искусства — истинных шедеврах! — неустанно отмечая смелость Вагнера как художника.

Художник!

Вагнер вновь полез в карман за сигаретами, но, вспомнив о позабытой зажигалке, заскрипел зубами и отдёргнул руку.

— Что ж, пора начинать, — буркнул он, нехотя поднимаясь с земли.

Взяв лопату, начал копать и... спустя полтора часа уже мчался обратно — взмокший от пота, с гулко колотящимся в груди сердцем. Наркотически-алкогольный

дурман давно выветрился из головы, сменившись адреналиновой взвинченностью. И потому, взглядываясь в пустынную дорогу, сжимая в зубах незажженную сигарету, Вагнер мечтал лишь о свежей порции «ангельской пыли», преданно ожидавшей дома.

А по салону автомобиля медленно расплзлось едва уловимое зловоние — даже не запах, но своеобразный намёк, подстёгнутый ужасом от совершённого поступка. Истлевший скелет в багажнике физически не мог смердеть. Прошедшие годы в земле должны были искоренить этот запах...

И всё-таки запах был.

— Что же я, мать его, натворил-то? — выдохнул Вагнер, опуская боковое стекло.

Холодный ноябрьский ветер хлестнул по лицу, дышать стало намного легче. Вагнер вздрогнул, когда увидел впереди пост ДПС. «Совсем о них забыл!» — подумал он, но разворачиваться было поздно. Сбавив скорость, осторожно проехал мимо. Никто не обратил на него никакого внимания...

Позже, будучи у себя в студии, с белым от кокаина носом он расхаживал взад-вперёд, пытаясь унять расшатанные нервы. Все окна были распахнуты настежь, и вдобавок ко всему всюду работал кондиционер, из-за чего в помещении стало довольно прохладно. Брезентовый мешок лежал на столе. В воздухе витал слабый запах могильной пыли. Со стен на Вагнера равнодушно взирали портреты заказчиков: ужасающие лица на разной стадии разложения. По сравнению с тем, что Вагнер обнаружил в трухлявом деревянном гробу, все эти морды отныне казались ему не больше, чем занятыми карикатурами, такими страшноватыми зарисовками какого-нибудь юного художника-максималиста, подрабатывающего в местной газетёнке. Нет, не было в его картинах шедевральности, не было в них искусства! Робкие попытки прикоснуться к вечности, не иначе.

С таким же успехом он мог выводить на холсте схемы электронных цепей, в коих абсолютно ничего не смыслил.

— Дилетантство, — огрызнулся Вагнер. — Пародия на самого себя. Неумелая, несмелая попытка изобразить реальность. И всю жизнь я занимался лишь этим? Жалкие потуги, не больше! Всё это достойно мусорного бака, там этим кляксам самое место!

Он даже сорвал со стены один из портретов: хотел было изодрать его в клочья, но, вовремя вспомнив, что работа предоплачена, оставил полотно в покое.

— Ничего-ничего, — вернувшись к зеркальцу с кокаином, бормотал Вагнер. — Сегодня я создам настоящий шедевр. Он потрясёт всех!

Приготовив холст и набор карандашей, бутылку шотландского виски по случаю и пачку сигарет, Вагнер надел респиратор и резиновые перчатки, приблизился к столу в центре студии и неспешно расстегнул мешок. Респиратор мало помог, и Вагнер, сморщившись от накатившего смрада, в который раз убедился, что всё это не иначе, как его расшалившееся воображение. Неимоверным усилием воли удержав рвотный позыв, жадным взглядом он принялся изучать останки.

— Ты прекрасна, — произнёс он в какой-то момент. — И я покажу твою красоту всему миру.

Он вернулся к холсту, прикидывая, как правильно расположиться, чтобы удобнее было писать. Естественно, позировать покойница не могла, и Вагнер серьёзно переживал, что если хотя бы ещё раз дотронется до неё, то она попросту рассыплется. А требовалось максимально сохранить целостность композиции, передать всё величие смерти, её особую красоту, — сделать так, чтобы все увидели то, что в данную минуту видел он.

И тут покойница приподняла голову, посмотрела на Вагнера тёмными впадинами глазниц, внутри которых скопилась земля, и села.

Вагнер тоже опустился на стул: ноги его вдруг сделались будто ватными и больше не держали отяжелевшее тело. Он с трудом подавил рвущийся наружу крик, широко раскрытыми глазами уставившись на ожившего мертвеца.

— Зачем... разбудил меня? — прошептала покойница.

В том, что он действительно слышит её голос, Вагнер нисколько не сомневался, хотя и представить себе не мог, каким образом, находясь на такой стадии разложения, эта тварь способна издавать какие-либо звуки. Да и вообще, как она может двигаться, мыслить?

— Так зачем?

Только тут Вагнер, наконец, осознал, что от него ждут ответа.

— Я хотел... — Слова никак не давались, в горле пересохло. — Хотел написать тебя...

— Хм... — Забитые землёй глазницы были устремлены прямо на него. — Портрет?

— Да.

— Но зачем?

Мало-помалу сердце Вагнера начало успокаиваться. Он понял, что кем бы или чем бы ни была эта гниющая штукавина и каким бы образом ей ни удалось вернуться к жизни, причинять ему вред явно не входило в её намерения.

— Я... пытаюсь понять... — просипел Вагнер и умолк.

Ужас постепенно оставлял его. Лишь теперь пришло осознание того факта, как крупно на самом деле ему повезло: всё это время он тщетно разыскивал следы смерти, фантазировал о ней, даже грезил, и вот смерть предстала перед ним во всём своём великолепии.

— Понять?

Вагнер потянулся к карандашу и начал медленно выводить абрис сидящей перед ним покойницы. Мало-помалу рука его обрела твёрдость, а движения стали ре-

шительней. И вот уже он быстро чёркал острозаточенным грифелем, выделяя наиболее значимые моменты будущей картины.

— Да, понять. — Вагнер прокашлялся. — Мне нужно... Я хочу узнать...

— Что нам снится?

Карандаш замер в руке. Вагнер оторвал взгляд от наброска и внимательно посмотрел на покойницу. Теперь, когда он более-менее к ней привык, она больше не казалась ему такой уж отталкивающей. А ещё он перестал ощущать запах тлена. Так постепенно реальность и представления Вагнера соединились в одно целое, и покойница сделалась тем, что до этого было лишь голый идеей, — она стала совершенством, апогеем творческого поиска, воплощённой мечтой.

— Понимаешь, когда я был маленьким, отец частенько приводил меня на твою могилу, — сказал Вагнер. — Он называл тебя своей первой и единственной любовью. А ещё... ещё он говорил, что тебе известно нечто такое, о чём никто больше не знает. — Помолчав, продолжил: — Отец рассказал мне, как однажды вы обнаружили труп у дороги и как ты попросила, чтоб он тебя похоронил. Ты хотела увидеть... сны мёртвых.

— Серёжка, — задумчиво протянула покойница, и в её голосе Вагнер уловил сентиментальные нотки.

— Да, — подтвердил он. — Серг... Серёжка. Он рассказал мне, как той же ночью ты сбежала из дома и что нашли тебя лишь наутро — очоленевшую, в том самом овраге. Ты была... совсем как мёртвая. Но ты была жива.

— Жива...

Вагнер вспомнил, как спросил отца, что за вещи знала его странная знакомая. «Она знала, что снится мёртвым, сын, — ответил тогда отец. — В ту ночь, тоскуя о матери, она пошла к этому оврагу и... умерла. Она была мертва до утра, пока мы не отыскали её. И всё это время ей снились сны. Особые сны...»

И вдруг, повинувшись какому-то внутреннему порыву — неизвестному доселе творческому импульсу, — Вагнер взял ластик и начал стирать зарисовку. Только сейчас он понял, какую именно картину собирается создать. Всё это время он изображал жизнь посредством смерти, а теперь он напишет смерть, отобразив её через жизнь.

С лёгким шуршанием карандаш вновь заскользил по холсту.

— Нам снится жизнь, — прошептала покойница. — Это как воспоминания... Даже нет, это и есть воспоминания. Бесконечная череда образов, пережитков прошлого, слов, поступков, впечатлений... И это никогда не кончается, потому что дальше уже ничего нет, как нет и пробуждения. Мы спим вечность, и вечность нам снится один и тот же сон. Будто кино — снова, снова и снова... И оно никогда не надоедает, ведь уже некуда спешить — всё давно свершилось... Поэтому такое нельзя до конца назвать сном, это — сновидение памяти. Мы помним свою жизнь и переживаем её раз за разом. И в ту дождливую ночь, уснув, я увидела именно это... То была моя смерть. А когда меня разбудили... наверное, я так и не оправилась... Не смогла вернуться к нормальному, привычному для меня и всех окружающих укладу жизни...

— Так что именно тебе снилось?

Покойница долго не отвечала...

К рассвету картина была окончена. Вагнер воспалёнными от наркотиков и недосыпания глазами удовлетворённо рассматривал свою работу. То, чего он так жаждал, у него получилось — он показал смерть, всю её монументальную красоту и мрачное величие. И фоном для этого послужила жизнь — её свежесть и очарование, отражённые в ребёнке.

На холсте был изображён тёмный, заросший кустарником и покрытый ковром из опавших листьев овраг;

шёл дождь, и вода мутными потоками стекала с близлежащей дороги. А в самом центре оврага, глядя на предполагаемого зрителя большими равнодушными глазами, раскинув тонкие руки, лежала худенькая девочка. Тело её было припорошено листьями и прочим сором, ноги и руки все в грязи, одежда вымокла от дождя, спутанные волосы растрепались. На её бледных щеках застыли холодные капли, а её посиневшие губы были слегка приоткрыты, и к ним прилипла травинка... Вспышки далёких молний и ещё более далёких воспоминаний отражались во взгляде девочки, и нельзя было точно сказать, мертва она или нет.

Она просто лежала там, на этой могильной земле, мечтающая увидеть сны, запретные для мира живых.

История 3

Старик по обыкновению заперся у себя в кабинете, подъехал на инвалидном кресле к окну и долго-долго смотрел на улицу. Тихое осеннее утро, серое небо над домами да капли на стекле. В квартире больше никого не было, но старик всё равно предпочитал закрывать дверь кабинета на ключ, как если бы опасался навязчивых домочадцев... Сиделка, которую оплачивал ему сын, обещалась прийти ближе к обеду, до этого же времени не появится никто.

Никто.

Ещё до инсульта старик частенько принимал гостей и устраивал долгие занимательные беседы на околофилософские темы, при этом неизменно попыхая сигарой (теперь от курения пришлось отказаться — так советовали врачи) и маленькими глотками потягивая дорогой коньяк, будоражащий беспокойную, а ныне уставшую и одряблевшую душу. После приступа, утратив контроль над левой половиной тела, он предпочёл доживать свои дни

в одиночестве — без людей и разговоров. Так казалось проще, спокойнее, естественнее...

А ещё ему не хотелось, чтобы его видели и запомнили таким — старой развалиной, то и дело пускающей слюни и чего-то мычащей.

Ведь смерть уже навестила его однажды, и она непременно явится вновь. Скоро, очень скоро.

— Лишь краткий день зайдёт за небосклон, наступит ночь одна и беспробудный сон, — вздохнул старик, вспомнив поэзию Катюлла.

При этом невольная улыбка тронула его губы — вернее лишь правую их часть, левая же оставалась неподвижной.

«Настоящий Гуинплен», — горько подумал он.

А за окном, переливаясь всеми оттенками тёмно-серого, клубились густые тучи. И скоро вновь пойдёт дождь...

Старик же размышлял о том, как бы хорошо было выйти на улицу, прогуляться под дождём, вдохнуть его запах, свежесть грядущей летаргии, но... без тоски и слёз. Лишь сновидение — спокойствие для мечущейся души. Быть может, он даже повстречает тех, кто ушёл много раньше...

Кто сказал, что смерть должна быть трагична?

Покрутив рычажок управления и тем самым развернув кресло, он унылым взглядом окинул свой стол. Заметки, какие-то деловые бумаги, книга с закладкой, пара буддистских статуэток, позолоченная перьевая ручка — чей-то подарок, но... без лиц, без имён, просто так. А в центре стола лежала раскрытая газета. Взгляд замер на фотографии сына — лицо раскрасневшееся, с застывшими каплями пота, волосы растрёпаны, ворот рубашки надорван; сам же что-то кричит, глаза навыкате, руки сжаты в кулаки... И заголовок прямо под фотографией:

«Известный художник вновь дебоширит»

Старик нахмурился, потянулся к газете и яростно, насколько хватало сил, швырнул её прочь.

Слухи, что доходили до него, удручали. А тут ещё местные писаки отчаянно пыжались, выискивая самые неподходящие моменты и ракурсы, выдумывая какую-то несусветную чушь. Читать подобное было тяжело, особенно если учесть, что с сыном отношения были натянутыми: он мало посвящал в свои дела, а на все вопросы лишь угрюмо отнекивался.

И эти его картины...

Встающие из могил трупы, кошмарные хороводы скелетов, пляска смерти, тлен, тлен и ещё раз тлен. Портреты живых, изображённых гниющими мертвецами; куски плоти и оголённая кость; высохшие мышцы и впалые — двумя мазками белой краски — глаза. Всего лишь полный пугающих образов карнавал, принимаемый глупцами, ничего не ведающими о смерти, за чистую монету.

Бутафория!

К настоящей смерти эти карикатуры не имели никакого отношения. Ни единого сходства, сколько бы сын ни таскался по моргам, ни разглядывал фотографии с мест аварий и катастроф. И вроде бы он был одним из первых, кто увидел последствия терактов в метро... А может, вновь журналисты навывдумывали...

Старик тяжело вздохнул.

Когда-то в детстве он видел мертвеца. Стоял у дороги и — словно в жуткую бездну — заглядывал в глубокий овраг, откуда на него тарасилось не столько сведённое предсмертной судорогой лицо какого-то бродяги, сколько воплощённая смерть. И ещё эта вонь... мухи... вывернутые конечности... капли крови на грязной одежде... То, что рисовал сын, заставляло лишь грустно улыбаться — столь далеко оно было от того жуткого образа неминуе-

мой реальности, представшего старику в те далёкие годы.

— Марина, — пробормотал старик.

В памяти всплыло видение — одетая в смешной сарафанчик худенькая девочка с тёмными волосами и кругами под большими вдумчивыми глазами. Она жадно разглядывала покойника, а потом... что же было потом? Ну конечно! Она попросила... попросила похоронить её. «Мёртвые спят и видят сны», — сказала она, а он обозвал её дурой и убежал. На самом деле он вовсе не считал её глупой, просто испугался, поступил как самый обычный «маменькин сынок», как «нытик», как «мямля»... А всё потому, что в тот миг мир пошатнулся в его представлении, обнажив свои зубы: помимо раздавленных кошек и подстреленных птиц в нём можно было отыскать и нечто такое — уродливое, страшное, наподобие человеческого тела в овраге. И он оказался не готов к такому. Ни тогда, ни после. А Марина, напротив, будто бы специально ждала этого дня, этого мига, этой встречи...

Может, поэтому он в неё и влюбился?

Старик раскрыл книгу и пробежался взглядом по знакомым строчкам. Ему всегда нравилось творчество Эдгара По, и он знал, что очень многим оно нравится. Правда, в определённых кругах обсуждать эти тексты отчего-то считалось моветоном, но разве может быть таковым разговор о том, что действительно захватывает?

Увы, нынешним утром чтение не пошло. Смысл постоянно ускользал, несмотря даже на то, что старик прекрасно знал весь сюжет — как-никак, он перечитывал эти произведения невесть сколько раз. Тем не менее мыслями он был далеко. В том сентябрьском дне, в нескольких сотнях километров от города, стоял у края дороги и смотрел на мёрт-

вого человека. Рядом притихла Марина... Могла бы выйти хорошая новелла за авторством мистера По.

Так о каких снах она тогда говорила?

Старик думал над этим не раз, — даже позже, когда Марина умерла от воспаления лёгких в свои неполные двадцать четыре года. Он стоял у её могилы, рассматривал чёрно-белую фотографию на надгробном камне, и слёзы текли по его щекам. И вместе с тем где-то на задворках сознания витало это нездоровое любопытство — что же ей снится? Так он стал навещать её на могилу, а чуть позже начал приводить с собой сына, хотя и сам не до конца понимал, зачем это делает. Жена ругалась, даже пыталась ревновать к покойнице, но он не обращал внимания на её истерики. Впрочем, как и на неё саму. Наверное, именно поэтому, когда она оставила семью, сбежав с каким-то майором, он не особо расстроился. Это не стало ударом, как не являлось и шокирующей новостью, пусть все сочувственно и поглядывали в его сторону, о чём-то шептались у него за спиной, а после пристыженно отводили глаза.

И, если не считать этих странных походов на кладбище, сыну он тоже уделял мало внимания.

«Быть может, это его творчество — результат наших тогдашних прогулок?» — размышлял старик. Но, как то не странно, спустя мгновение ответ ему был уже не интересен.

А вот Марина и её сны — очень!

Выдвинув один из ящиков стола, старик положил на стол револьвер и несколько патронов. Долго разглядывал оружие, после чего откинул барабан и вставил один-единственный патрон.

В ночь перед отъездом Марина сбежала из дома. Её нашли лишь поутру в том самом овраге — холодную, спящую. Она так и не рассказала, что сни-

лось ей той дождливой ночью. Видела ли она то, что снится мертвецам, или же нет? Но с тех пор Марина определённо изменилась. Она стала гораздо мудрее, нежели её сверстники. И даже мудрей многих взрослых.

Какую-то тайну она всё же постигла.

Старик прокрутил барабан и приставил револьвер к виску. Он не особо задумывался о том, что и зачем делает. И уж тем более его не заботило, как этот поступок воспримется обществом, редкими оставшимися друзьями, знакомыми, бывшими коллегами, сыном, наконец. В данный момент попросту не существовало такого понятия, как самоубийство.

Наверное, для Хемингуэя тоже не существовало всех этих клише: он всего-навсего устал...

Но было и ещё кое-что — как будто бы вся история его жизни сводилась к одному этому мигу, мгновению истины, ответу на все вопросы. А может... ему просто так казалось?

— В любом случае скоро я всё узнаю, — хмыкнул старик.

И вот тогда в дверь позвонили.

Какое-то время старик ничего не делал, потом, издавшись повторного звонка, спустил курок.

Щёлкнул баек и барабан повернулся: значит, не сейчас...

Отложив револьвер, старик выехал из кабинета в коридор. Через домофон осведомился, кто пришёл. «Служба доставки», — было ему ответом.

Высокий парень уверенно внёс большую и, судя по всему, довольно-таки лёгкую коробку.

— Распишитесь, — попросил он, с любопытством оглядывая просторный и практически пустой коридор.

Старик оставил размашистую подпись на протянутом бланке и выпроводил молодого человека за дверь. Минуту-другую молча рассматривал ко-

робку, потом попытался её поднять, но справиться одной рукой оказалось задачей не из лёгких. Кое-как водрузив коробку на колени, он направился обратно в кабинет, где вскрыл её ножом для писем. Внутри всё было заполнено пенопластом, порывшись в котором, старик обнаружил картину. Он вытащил полотно на свет и долго рассматривал изображённую на нём девочку.

А по его морщинистым щекам текли слёзы.

В том, что картина принадлежит кисти сына, старик ни на секунду не сомневался. Но вот откуда сын узнал, как выглядела Марина в детстве? Ведь он никогда её не видел! Лишь фотографию на могильной плите, где Марине уже было двадцать с лишним лет. Больше ничего не осталось.

Так откуда?

И лишь спустя некоторое время старик понял, что именно хотел изобразить сын. В этот раз смерть действительно удалась — её величие, достоверность... Смерть стала настоящей, обрела форму, силу, возродила воспоминания.

Нет, Марина не уснула той ночью — она действительно умерла, чтобы воскреснуть к утру. Каким-то образом сын понял это, сумел уловить тот момент.

Старик положил картину на стол, так, чтобы она накрыла собой револьвер с патронами. В коробе он обнаружил также конверт, быстро распечатал его и извлёк на свет вдвое сложенный листок.

Послание состояло всего из четырёх слов:

«Мама. Ей снится мама»

А потом старик просто сидел в кресле, с наслаждением курил припрятанную до поры до времени сигару и рассматривал изображённую на картине мёртвую девочку, лежащую в тёмном овраге у дороги.

За окном тихим шёпотом осени шелестел дождь. **VC**

Виктор Павловски, чудовище

Борис Богданов

Родился в 1963 г. в семье военного в ГСВГ, закончил в 1986 г. Калининский госуниверситет. Программист. С 1998 года работает в компьютерном бизнесе. Сочинять хотел всегда, но взялся только в 2010 году, сделав два рассказа для первого конкурса «Фантлабораторная работа». Дальше не смог остановиться. Публиковался в «Полдне», «Чайке», «Фантастике и Детективах», разных антологиях и сборниках. Женат. Сыну двадцать лет.

В тот самый момент, когда долгожданная формулировка, что ловил Виктор на дне сознания, решила наконец появиться на свет, руки Марии обвили его шею. Мысли, даже зачерпнутые драгой Таланта, существа неизмеримо скользкие и вертлявые. Ухватив одну из них за хвост, держать надо крепко, не отвлекаясь на внешние помехи. А самый главный и самый вредный для мыслей раздражитель, конечно, женщины! Понятное дело, мысль ушла, канула, фраза рассыпалась на слова, смысл их размылся и пропал.

— Викто'р, Викто'р, — мурчала Мария, засыпав ему лицо распушенными волосами. Длинные и чёрные, как безлунная ночь, они пахли апельсином.

Сквозь кисею волос и прозрачную рубашку просвечивали наливные яблоки груди, матовый атлас кожи. Всю Марию, начиная от точёных лодыжек и заканчивая тонкими ключицами, можно было рассмотреть сквозь тонкую ткань, было бы желание скосить глаза.

— Ты меня отвлекаешь, милая, — Виктор старался говорить ровно, хотя досада от испорченного предложения была сильна. Но женщины, особенно не прошедшие Раскрепощение, такие странные существа. Никогда не понятно, чего им нужно и что может их обидеть. Казалось бы, такая простая вещь, услышать: «Ты меня отвлекаешь» — это значит всего лишь — «отвлекаешь», и ничего больше, и уйти, и просто дать поработать?

— То же самое ты сказал мне вчера вечером. И вчера утром, и позавчера вечером, и вечером третьего дня! — С каждым словом тон её повышался, от низкого кошачьего урчания поднимаясь до высот базарного визга.

«Как это некстати, опять скандал на пустом месте», — обреченно сняв руки с виртуальной клавиатуры, Виктор поднял глаза на жену.

— Ты подлец, Виктор Павловски, — кричала она, забыв про задуманное соблазнение и прозрачный пеньюар, сжав кулачки и потрясая руками. — Со времени тво-

его идиотского Раскрепощения ты ни разу на посмотрел на меня как на женщину! Ты уже не видишь во мне женщину! Ты плюёшь на меня, ты...

Крик её внезапно перешёл в плач: «... Ты ... совсем ... не обращаешь ... на меня внимания», — угадывалось среди всхлипов и рыданий.

— Что ты, Мария, — встав, Виктор обнял жену за плечи, она сразу постаралась прижаться к его груди, — я очень тебя люблю. Я вижу и помню, что ты очень красивая женщина, но пойми меня правильно... — Спина Марии, расслабленная и мягкая под его рукой, стала каменеть; Виктор, не замечая этого, продолжал оглаживать плечи жены, как поглаживал бы собаку или кошку. — Приняв Раскрепощение, я никак не могу делать то, что я делаю плохо, несовершенно. Это будет оскорблением и для тебя, и для моего Таланта. Пойми, я...

— Скотина! Вы все скоты, все, с Талантами. — Она оттолкнула его руки, стояла, зло насупившись и сверкая глазами. — Только о своих разлюбезных Талантах и помните, больше вам дела нет ни до чего. Кто-нибудь подумал о нас? Мы как вдовы при живых мужьях!

— Пройди Раскрепощение, выбери Талант. — Виктор смотрел на неё недоуменно: «Как можно не понимать таких элементарных вещей?» — День твой будет заполнен, в жизни появится смысл! Ты же занимаешься непонятно чем!

— Я смотреть на них не могу, на наших талантливых горожанок! Они стали как куклы, пустые неживые куклы с остановившимися глазами! Марта только и делает, что возится с цветами, ничего не видит вокруг. Ты помнишь, какие они с Арнольдом устраивали раньше вечеринки? Как у них было весело, собиралось полпосёлка, вместе пекли пироги, ели и пили, и пели песни! Прошло всего полгода, и что? Арнольд дни проводит у своих машин, Марта уткнулась носом в глядки, они даже не разговаривают!

— Не понимаю, чего тебе не нравится, люди занимаются делом, их мечта осуществилась...

— Их мечта?! — Мария в исступлении сорвала с себя рубашку и начала комкать её в руках. — Я мечтала жить с тобой, и любить тебя, и рожать тебе детей! Вместо этого ты строчишь свои противные инструкции и даже не глядишь на меня! Хочешь, чтобы я, как остальные кинутые жёны, пошла к пьянице Эдварду?

Бродяжка Эдвард оставался единственным в местечке «Старые Дворики» мужчиной, не прошедшим Раскрепощение. Никогда не требовавший от жизни ничего особенного, он вполне был доволен жизнью и без Таланта. Есть на бутылочку, нашлась немудрёная закуска — что еще нужно для счастья? В стоптанных ботинках, не знавших крема, в потёртом костюме, не чищенном никогда; может быть, ради этой одежды Эдвард ограбил чучело в чьём-то огороде. Всегда пьяненький, небритый, пахнувший старыми тряпками и перегаром, он бродил целыми днями по городку, бурча про себя что-то немзыкальное.

— Это будет глупо.

— Это всё, что мне остаётся! — Швырнув скомканную тряпку в Виктора, Мария развернулась и направилась в свою комнату на втором этаже. Её обнажённая фигурка, её поникшие плечи словно кричали, приглашая: «Догони, обними, согрей меня!». Виктор этого не заметил.

Как всякий, получивший Талант, он смотрел на жизнь как сквозь прицел. Много, очень много проходило мимо него, но если что привлекало его внимание, то грызло и беспокоило ежечасно и ежеминутно. Например, талантливый мебельщик, увидав в незнакомом помещении пустой угол, не сможет успокоиться, пока не придумает особенный шкаф, или трюмо, или этажерку, что сможет стоять в этом углу единственным, наиболее гармоничным образом. Талантливый юрист, заинтересовавшись неким казусом, будет крутить его мысленно, применяя все возможные, а нередко и невозможные

способы, чтобы разрешить его так, как требуется заказчику. Талант Виктора Павловски состоял в написании Инструкций Раскрепощения. Один из немногих во всей стране талантливых инструкторов, уяснив задачу, он не мог уже думать о чем-то постороннем. Сейчас он чувствовал вину перед женой. Как ни дико это звучит, не все люди обладают Талантом, а значит, им нужно плотское. Оно для них важно, значит, это требует решения.

Расслабившись, он вернулся на свое рабочее место, подключился к информационной сети, отложил с сожалением и грустью текущую работу и создал новый, пока ещё пустой раздел: «Виртуозный любовник». Информация из мировых хранилищ потекла в его сознание, чтобы, пройдя сквозь жестокие фильтры Таланта, лечь на бумагу императивными строчками Инструкции. Пальцы Виктора беззвучно летали над виртуальной клавиатурой, в глазах мелькали картинки, позы и страницы руководств. Поэтому он не видел, как за его спиной беззвучной тенью выскользнула куда-то из дома Мария.

— Господин Павловски? — Молодой негр в голофоне был взволнован и почему-то стеснён. — Я по объявлению. Меня зовут Артур. Я живу в соседнем городе и вот, роюсь в сети...

— Странно. То есть я хотел сказать — замечательно...

— Я вижу, вас смущает моя внешность, — более всего Артур напоминал олимпийского чемпиона по спринту, настолько он был красив и соразмерно сложен. Слепительная белозубая улыбка на антрацитовом лице, великолепный кремовый костюм от талантливого портного. Мечта, а не мужчина! — На самом деле, ваше предложение — это спасение для меня. Надеюсь, я успел первым и место добровольца еще не занято?

— Не занято... Считайте, что вы — единственный претендент, — отвечал Виктор, — но скажите, почему всё-таки...

— Я хорош собой. Я это понимаю, они это видят тем более. Они — это женщины. Видят и ожидают от меня чего-то невероятного. Я так боюсь опозориться, что бегу от женщин как от огня. Согласитесь, в моём возрасте и с моей внешностью записываться в монахи — не лучший выбор. Теперь понимаете, насколько мне важно ваше предложение?

— Да. Но помните, предлагаемый Талант — очень сильный. Вам трудно будет найти работу, вы...

— Не беда! Знали бы вы, — Артур мечтательно прикрыл глаза, — как много одиноких богатых женщин нуждается в мужском внимании! Я не пропаду.

— Как будет угодно. Собственно, не думайте, что я пытаюсь отговорить вас. Вы мне подходите, я сам заинтересован именно в таком, ммм... варианте. Массив с инструкцией я отправляю на ваш адрес. Одна только просьба: сразу после Раскрепощения зайдите ко мне. Инструкция экспериментальная, мне нужно будет задать несколько вопросов.

— Нет проблем. Я буду.

— Господин Павловски?

— Виктор, просто Виктор. Проходите, Артур. Вживую вы еще эффектнее, чем в голо. Подозреваю, был бы женщиной — не устоял. Хорошо, что я мужчина.

— Не страшно, — Артур залиvisto рассмеялся, глядя на Виктора шальным глазом, — мужчинам тоже нужна любовь. Не желаете попробовать?

— Даже так? — Виктор был обескуражен. — Неужели я вставил в Инструкцию и это?

— Вы настоящий мастер, Виктор, вы поместили туда всё и для всех, так что, если вам будет одиноко, и если...

— Нет, нет, Артур. Скажу вам по секрету, секс меня не интересует. Вам повезло, вернее сказать, так совпало, что ваш Талант — это и есть секс, иначе сразу после Раскрепощения вы потеряли бы всякий к нему интерес. Никому из нас это не нужно. Раньше я сказал бы, что Та-

лант лишает нас этого. На самом деле Талант даёт взамен невероятно много, а секс — это такая мелочь, о которой не стоит даже говорить. Не поверите, когда я писал вашу Инструкцию, я получил гораздо больше, чем может дать любая женщина. Однако — к делу. Сами понимаете, кроме удовольствия, Инструкция — это большой труд, это подготовка, это бессонные ночи и заполненные трудом дни...

— Сколько? — Потом Артур заулыбался, вспоминая: — Точно! Сумма была в Инструкции. Меня устраивает.

— Для вас — скидка, пятьдесят процентов.

— Почему же? Я готов заплатить полную цену.

— Неважно. Кстати, позвольте представить мою супругу, Марию. Мария — это Артур, Артур — это Мария...

Какое-то время Виктор пытался следить за разговором, что завязался между Марией и Артуром. Настроенная по отношению к неожиданному гостю скептически, если не сказать враждебно, Мария потихоньку оттаяла, не в силах сопротивляться могучему обаянию Артура. Он был так внимателен, он так смотрел... Женщины понимают эти вещи гораздо лучше мужчин. Там, где мужчине требуется десяток слов, прекрасной половине достаточно одного взгляда или улыбки. Кончилось тем, что Мария пригласила его к себе в комнату, показать лекцию вышивок. Такое приглашение — большая честь, в этом смысле Артур и выразился. Тихо беседуя, они отправились на второй этаж. Негромкий их диалог долетал до Виктора еще несколько минут, затем раздался счастливый женский смех. Потом наступила тишина.

«Получилось!» — удовлетворенно переведа дыхания, Виктор Павловски вернулся к прерванной работе.

Утреннего пробуждения супруги Виктор ждал с опаской. Мария спустилась вниз оживленной и веселой. Чмокнув мужа в нос, она заявила:

— Ты чудовище, Виктор Павловски. Да, и не вздумай спорить. Только чудовищу придёт в голову познакомить жену с таким человеком. Я знаю, ты ничего не делаешь напрасно. Повторяю, ты чудовище, но ты чудо!

Мир вернулся в семью Павловски. Мир пришёл во многие семьи «Старых Двориков». Прекратились нелепые ссоры, обиды позабытых жён и досады мужей, оторванных от любимой работы. Мария Павловски ждала Артура по вечерам. Уже начиная с обеда, она долго мылась, сооружала сложную причёску, неизбежно к ночи превращающуюся в распущенные русалочьи пряди, и придумывала множество шуток, чтобы порадовать любовника. Виктор смотрел на эти приготовления удивлённо, но с обречённостью стойка. Зачем такие сложные предпосылки к такому, в сущности, простому действию? «Ты чудо, Виктор Павловски, — отвечала она, смеясь. — Ты чудо, но ты чудовище, тебе невдомёк самые обычные вещи!» Магда Джамбари готовилась к полночи, когда её муж, талантливый астроном Мишель Джамбари, начинал вахту возле установленного недавно телескопа. Эмилия Карра, супруга талантливого булочника Конрада, нетерпеливо поглядывала на дверь, начиная с трех четвертей второго. И в четыре, и в шесть часов утра кто-то ждал Артура, и никто не мог пожаловаться на недостаток любви и тепла. Даже старуха Молли, давно забывшая и своего покойного мужа, и свою молодость, и даже свою фамилию, тоже ждала чего-то, и до Виктора доходили слухи, что не напрасно! Мир воцарился и в душе бродяги и пьяницы Эдварда, обескураженного поначалу потерей благосклонности дам. Ругательства не срываются с его языка и кулаки уже не сжимаются произвольно всякий раз, стоит ему увидеть или услышать Артура. Раздобыв где-то денег, Эдвард спокойно и обстоятельно готовится к Раскрепощению: Виктор Павловски пишет для него Инструкцию «Маньяк-расчленитель». **■**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ								73413			
на журнал								(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 20__ г. по месяцам								Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

			Доставочная карточка								
ПВ	место	литер	на журнал						73413		
			(Индекс издания)								
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стоимость	подписки	___руб. ___коп.						Кол-во компл.			
	перед-ресовки	___руб. ___коп.									
на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413.**